

В.Л.Кляус

СЮЖЕТИКА
ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ СЛАВЯН
В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ

В.А.Кляус

**СЮЖЕТИКА
ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ СЛАВЯН
В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ**

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 63.5
С89

Ответственный редактор
доктор филологических наук *В.М.Гацук*

Рецензенты
доктор филологических наук *В.А.Бахтина*
кандидат филологических наук *Н.М.Ведерникова*

Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000 – 192 стр.

В книге рассматриваются проблемы повествовательности заговорных текстов, характер систематического реестрового описания их сюжетики, сюжетные слагаемые, общая и региональная сюжетика славянских заговоров.

Для фольклористов и специалистов в области народной культуры.

ISBN 5-9208-0039-9

© В.Л.Кляус, 2000

© ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Глава 1 ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОСТЬ И СЮЖЕТНОСТЬ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ СЛАВЯН. АСПЕКТЫ ОБОБЩАЮЩЕГО РЕЕСТРОВОГО ОПИСАНИЯ	6
Глава 2 СЮЖЕТНЫЕ СЛАГАЕМЫЕ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН. КОНТАМИНАЦИИ	78
Персонажи заговорных текстов	79
Предметы и локусы	88
Константы и константные атрибуты персонажей предметов и локусов	92
Контаминации в заговорных текстах восточных и южных славян	101
Глава 3 ОБЩАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СЮЖЕТИКА	109
Уровни сюжетных схождений	112
Восточнославянско-южнославянские сюжетные схождения.	113
Восточнославянско-западнославянские сюжетные схождения.	118
Южнославянско-западнославянские сюжетные схождения.	122
Общеславянские сюжетные схождения.	124
Южнославянские сюжеты заговорных текстов	131
Сюжетика русских заговоров Сибири на общерусском и славянском фоне	139
Послесловие	150
Список сокращений	152
Сокращения географических названий и этнических традиций	159
Приложение I. Таблица контаминаций заговорных текстов восточных и южных славян	160
Приложение II. Список совпадающих контаминаций	178
Приложение III. Список сюжетов русских заговоров Сибири и Дальнего Востока	187

ОТ АВТОРА

Эта книга во многом является продолжением нашего «Указателя сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян», который вышел в 1997 г. Она в ряде моментов дополняет и обогащает «Указатель», раскрывает характер реестрового учета и описания заговорной сюжетики, освещает уровни сюжетных совпадений, региональные особенности, суть и распространенность контаминаций, частотность персонажей, предметов, локусов и набор их константных атрибутов.

В целом автор осознает, что при всех стараниях, он не смог охватить всего круга источников. Из сербских учтен только большой обобщающий сборник Л.Раденковича «Народне басме и бајања» (1982). Достаточно полно представлен корпус болгарских *баяний* из «Сборник за народни умотворения и народопис» и других публикаций, но не привлечены некоторые украинские собрания. Основу «Указателя» составляют русские и белорусские заговорные тексты, изданные в XIX-XX (до сер. 90-х) вв. Уже после его появления вышло несколько больших новых публикаций по русским заговорам – «Русские заговоры и заклинания» (подготовлен кафедрой русского фольклора МГУ. М., 1998), «Нижегородские заговоры» (составитель А.В.Коровашко. Нижний Новгород, 1997), «Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы.» (составитель Б.Н.Проценко. Ростов-на-Дону, 1998), «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока» (составители Ф.Ф.Болонев, М.Н.Мельников, Н.В.Леонова. Новосибирск, 1997)¹, белорусским заговорам – «Таямницы замоўнага слова» (составители Ф.Штейнер, В.С.Новак. Гомель, 1997). И, тем не менее, на наш взгляд, говорить о репрезентативности материала в «Указателе» можно. Показательно, что в подавляющем большинстве тексты этих сборников содержат варианты, версии и редакции уже учтенных сюжетов и сюжетных ситуаций. Достаточно редко в новом материале встречаются действительно что-то совершенно неизвестное по прежним публикациям. Заметим при этом, новые сюжеты, как правило, легко ло-

¹ См. наши рецензии на них – Кляус В.Л. Публикации русских заговоров 1997-1998 гг. // Живая старина. 1998. № 1: 54-55; Кляус В.Л. Новые публикации русских заговоров // Живая старина. 2000. № 1: 49-50.

гично вписываются в систему, т.е. в ней им «зарезервировано» место. Проверка географии распространения отдельных, в частности, сибирских сюжетов также показывает, что материал «Указателя» репрезентативен.

Настоящая работа является дальнейшим продолжением прежней и в том смысле, что в ней учтен западнославянский материал (польский и чешский), а именно в 3-й главе в разделе о сюжетных сходениях.

В целом обретает, на наш взгляд, существенное дополнение мотивировка и внутренняя логика систематизации, уясняется ее категориальность, направленность и целесообразность, не отменяющая, конечно, классификаторских подходов, призванных решать другие задачи.

В какой-то степени книга является и ответом на вопросы и замечания, которые содержались в рецензиях на «Указатель»². Пользуясь случаем, выражаем признательность авторам за их отзывы. Огромное спасибо также проф. Е.Бартминскому (Люблин) за содействие в работе над польскими заговорными текстами, Е.В.Вельмезовой за разрешение использовать составленную ею подборку чешских заговоров, М.В.Завьяловой за помощь в розыскании ряда польских источников в библиотечных фондах Вильнюса. Особую благодарность автор адресует Ю.И.Смирнову за советы при определении путей систематизации заговорных текстов и В.М.Гацаку, без рекомендаций и поддержки которого эта книга не была бы написана.

² А.Л.Топорков. Указатели славянских заговоров // Живая старина, 1999. № 1; 52-54; Ю.М.Киселева, В.Л.Кляус. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997 // Филологические науки, 1999. № 2: 126-128; Joseph L. Conrad, V.L.Kliaus. *Ukazatel' sjuzhetov i sjuzhetnykh situatsii zagovornykh tekstov vostochnykh i iuzhnykh Slavian* [Index of plot and plot situations in the incantations of the East and South Slavs]. Rossiiskaia Akademiia Nauk, Institut Mirovoi Literatury imeni A.M.Gorkogo. Moscow: Nasledie, 1997. 464 pp. // SEEFA Journal vol.4, no.1, Spring 1999, p.76.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОСТЬ И СЮЖЕТНОСТЬ
ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ СЛАВЯН.

АСПЕКТЫ ОБОБЩАЮЩЕГО РЕЕСТРОВОГО ОПИСАНИЯ.

Заговорно-заклинательный фольклор – особое жанровое образование. В своем бытовании он неотделим от верований, религиозно-мифологических представлений и акциональной наполненности обрядовых актов, и, в отличие от других фольклорных жанров, повествовательность заговорно-заклинательных текстов не исчерпывается собственно текстами. Она не только выражена в них непосредственно, но и лежит за их пределами. П.Маранда и Э.Кенгас-Маранда писали о том, что «... в отличие от других нарративов, относительно самодостаточных, заговоры и ритуалы не дадут как нормальные записи текстов достаточной для анализа информации. Возможно указать следующее различие между нарративами (т.е. Märchen, Sage, баллада и прочие эпические песни) и заговорами: первая группа может быть названа «исторической», «объективной» и передает драматическое событие, не прибегая к живому участию либо рассказчика, либо аудитории; вторая группа «актуальна» и «субъективна» и заставляет обоих принимать участие в драматическом акте – исполнителя активно, аудиторию хотя бы пассивно» [Маранда 1985:228]. В развитии этого замечания исследователей мы бы сказали, что информация, позволяющая анализировать эпические, нарративные произведения фольклора, в случае с заговорно-заклинательными текстами лежит не только в сфере собственно текста, но и ритуального акта, в котором он исполняется, а также тех религиозно-мифологических представлений, которые обуславливает его проведение.

Рассмотрим, к примеру простейшие заговорно-заклинательные тексты, состоящие буквально из нескольких слов.

«Дума, притки вон. Аминь». Человек, произносящий эти 4 слова, должен умыться и тем самым избавиться от сглаза [РЗЗ 1998: № 2105]. Данный текст, состоящий из двух существительных в форме обращения к болезни (*дума, притки*), наречия (*вон*) и формульного слова (*аминь*) не имеет даже глагольных форм, выражающих действие. Тем не менее, само действие эксплицитно присутствует в данном тексте. Болезням приказывают покинуть человека, уйти от него/из него. Причем, если обращать внимание на акциональный ряд заговорно-заклинательного акта, то следует учесть, что болезни должны покинуть человека с помощью воды, смыться водой.

Этот заговорно-заклинательный текст, построенный в форме императивного восклицания, и акции исполнителей существуют в обширном контексте представлений и верований о том, что болезнь

может прийти к человеку, ее можно наслать на него, а потому она смывается водой, изгоняется, может уйти, подчинившись заговорно-заклинательным словам, действиям человека их произносящего, силе воды, имеющей здесь магические свойства.

Рассмотрим другой небольшой текст, который произносили при лечении чирья: «*Чирей в сук, чирей в сук*». Исполнитель «заверчививает» чирей безымянным пальцем и тычет им в сук [Адоньева, Овчинникова 1993: № 492]. В этом тексте, состоящем из дважды повторенного императивного обращения к болезни, как и в предыдущем, отсутствуют глагольные формы, они лишь подразумеваются из самих слов (собственно обращения – *чирей*, существительного *сук* в винительном падеже) и акционального ряда: болезнь должна уйти в сук, стать как сук (т.е. засохнуть –?).

В данном случае повествовательная информация существует в контексте заговорно-заклинательного акта и представлениях о том, что чирей как болезнь, появившаяся у человека (пришедшая к нему, насланная и проч.), можно прогнать, избавиться от нее, заставить исчезнуть, уйти в сук, т.е. стать этим суком, засохнуть.

Можно продолжить примеры, но, пожалуй, и их достаточно, для иллюстрации того, что *повествовательность* в принципе свойственна заговорно-заклинательным текстам. Несмотря на то, что в собственно тексте его может и не быть, оно существует, как бы разлито в представлениях и верованиях, обусловивших возникновение и бытование заговорно-заклинательных актов. Такую повествовательность мы называем текстуально-обрядовой.

Малые формы заговорно-заклинательного фольклора, которые иногда просто называют речениями, формулами, особенно ярко демонстрируют то, что важнейшим элементом повествовательности магических текстов является *действие*, причем независимо, выражено оно или не выражено какими-либо глагольными формами, так как они, вместе с прочими заговорно-заклинательными текстами служат «магическим средством достижения желаемого в лечебных, защитных, продуцирующих и других ритуалах» [Толстая 1999: 239].

Но действие не существует само по себе, оно выполняется некоторым субъектом действия, имеет определенную направленность, условия и характер. И поэтому в любом заговорно-заклинательном тексте существует, пусть даже в свернутом виде, но легко восстанавливаемом из акционального ряда, известных верований и других данных, повествовательная *сюжетная* структура текста, имеющая, как минимум, следующие элементы: действие, субъект действия (мы называем его *персонажем*), место действия в самом широком значении (см. [Смирнов 1968; Игумнов 1999: 8-13]).

Для первого приведенного на стр. 6 заговорно-заклинательного текста от сглаза повествовательная фактура, существующая в обширном контексте обрядового акта, состоит из следующих сюжетных составляющих (элементы, которые присутствуют непосредственно в самом тексте, выделены курсивом):

Дума, притки [плохие, тяжелые мысли и болезни] появились у человека, их наслали злые люди. *Дума, притки* выходят *вон* из человека. Вода смывает *думы и притки* (или они смываются водой). *Дума, притки* исчезают навсегда или уходят в такое место, откуда нельзя возвратиться (*Аминь*).

В тексте на стр. 7 (от чирья) больше внимания уделено локализации болезни:

Чирей появился у человека [в повествовательную фактуру включаются и представления о причинах появления чирья, но в данном случае, они не были выявлены при записи текста]. *Чирей* выходит из человека *в сук*, остается в нем, засыхает и никогда не возвращается.

Свернутось повествовательной сюжетной фактуры задает варьирование при их реконструируемости, которое тем меньше, чем более подробно собирателем зафиксирован заговорно-заклинательный акт во всех его составляющих и, если необходимо, проведен опрос относительно представлений и верований, определяющих его исполнения.

В заговорно-заклинательных традициях активно бытуют тексты значительно более сложные в повествовательном отношении, чем рассмотренные выше. Сложных не только в смысле наличия большего числа персонажей, их действий и проч., но и в том, что для выявления их повествовательной сюжетной фактуры нет необходимости обращаться к контексту заговорно-заклинательного акта, хотя она и здесь порой может не исчерпываться собственно текстом.

Это дает нам право говорить о качественно различном проявлении повествовательности и сюжетности в заговорно-заклинательном фольклоре – свернутом, фрагментарно выражаемом в тексте и развернутом, когда текст имеет самостоятельное повествование, отражающее религиозные представления, верования, и существует как бы параллельно акциональному ряду обрядового акта. В последнем случае повествовательная развернутость также может иметь двойкий характер – подробный и менее подробный. Граница эта достаточно условна, но эмпирически ощутима. К примеру, следующий русский заговорный текст от бессонницы из Енисейского округа, записанный в середине XIX века: «*Кочеток серый, кочеток пестрый, кочеток красный, возьми крик у рабы Божией (имя рек)*» [Кривошапкин 1865, 2: 3. Енисейский окр.]. Здесь птицу (*кочетка* или трех *кочетков* – это не ясно) просят взять болезнь (*крик, бессонницу*) у ребенка. У данного заговорного текста много общего с предыдущими: из различных этногра-

фических данных мы знаем, что бессонница, мучающая ребенка по ночам, может персонафицироваться, приходит к нему, а птицы, особенно куры, могут ее забрать, склевать, уничтожить, т.е. и здесь повествовательность текста выходит за его пределы. Но в отличие от рассмотренных выше, нам нет крайней необходимости «восстанавливать» всю повествовательную фактуру при рассмотрении текста, так как он уже сам по себе самодостаточен, имеет ясно выраженную сюжетность: в нем описан персонаж (*кочеток*), его действия (*берет*), объект этого действия (*крик*), находящийся в определенном месте (у *раба Божьего*).

Кстати, такая сюжетность, хотя и обусловлена обрядовой ситуацией (из большинства описаний к текстам подобного содержания следует, что их необходимо произносить, принося ребенка к курам) но она уже может от нее не зависеть и произноситься как *самостоятельное, самодостаточное* речение.

К примеру, сходный текст мы записали у семейских в Читинской обл.: *«Курица, гаварит, сястричка, вазми от Никитачкины криксихки, дяные-палудсьные, начные-палуношные, утряшныи и вячёршныи – вот, если крячите. – Атиу, Сьтиу, и ныне непричне и во вяки вяков, аминь»*. При этом с исполнительницей у нас состоялся следующий диалог:

- А это как нужно читать? Нужно над ребенком читать?

- А эта над рябенкам. Хошь, яво в подал вазми да к курам сходи, хошь так читай.

- А, к курам надо сходить, да?

- *Да биз курей тожса ничё*. Прочитаешь... [курсив наш – В.К.]

- А это как значит нужно, в подол взять, да? И ийти к курам, да?

- Да к курам *ли вот – к двери*. Во. Как паложь яво. Во. Во как яво качай [исполнительница показывает, как надо держать ребенка на примере своего внука, которого держит на руках] (Записано В.Л.Кляус, М.Ю.Щаповой от Е.Е.Михайловой, 1932 г.р., в 1998 г. в д.Укыр Красночикоийского р-на Читинской обл.).

Во всех рассмотренных выше текстах мы имеем один персонаж (или идентичные, дублирующие друг друга), который выполняет одно действие. И это **единственное действие коррелирует с функциональной направленностью заговорного текста**.

В заговорно-заклинательных традициях славян существует значительное число текстов, в которых имеется не один, а несколько персонажей, и они выполняют не одно, а несколько действий. Такие произведения имеют развитую повествовательность, нарративность, как и эпические фольклорные жанры. Приведем только один пример из болгарской заговорной традиции: *«Оздол иде чуден човек и носи чудна секира, та оиде у чудна гора, да отсече чудно дрьво, да го отнесе на*

чудна ныва, на направи чудна бачиша, та збра чудно стадо, та измлъзе чудно стадо, подсири чудно сиренье. Павезе чуден човек чудно-то сиренье, та го отнесе на чуден пазар, та везе чудни пари от чуден пазар. От чуден пазар отиде у пуста зора, дека секира не сече, дека петел не пьеје и дека пиле не лети, дека колач не меса, дека турта не меса, дека на црква не ида. От там везе чудните пари, отнесе ги чуден човек, отнесе га у чудна меана и купиш је чудно вино црвено, та је испил чуден човек чудно вино црвено, та је оздравел чуден човек от чудни почудишта» [СБНУ, 3: 142-143, № 3. Софийско].

Здесь у нас несколько персонажей – чудный человек, который идет в лес, несет топор, делает ограду, собирает стадо, доит и изготавливает из молока сыр и проч.; петух, который в пустом лесу не поет; птица, которая не летает; люди (подразумеваются), которые не месят хлеб и не ходят в церковь. Кроме этого указаны чудный лес, где находится чудное стадо, базар, где покупается брынза и т.д., отметим, что в этом тексте, кроме самих персонажей, их действий, мест обитания есть еще и инструменты действий.

Характерно, что при всем разнообразии персонажей здесь довольно легко выделяется один, который выполняет некое действие, коррелирующие, как и в предыдущих заговорных текстах с функциональной направленностью обрядового акта. В этом болгарском *баянии* с «чудным человеком» таковым мы считаем **выпивание** вина, которое куплено на деньги, вырученные от продажи приготовленной из «чудесного молока» брынзы. В данном сюжете именно **выпивание** вина приводит к исчезновению болезни, «уроков» (*чудни почудишта*). Назовем это действие *основным*.

Мы проанализировали значительное число заговорных текстов восточнославянских и южнославянских традиций и оказалось, что *основных* сюжетных действий, при всем разнообразии действий персонажей, относительно немного. И они встречаются в самых разных сюжетах, их совершают различные, порой неожиданно далекие, непохожие друг на друга персонажи.

К примеру, сербское *басме* от «уроков» (предикаты, выражающие *основное* действие, выделены):

«Урок иде уз поље,

уроцица низ поље;

где се среташе

на дете уроци олизаше» [Раденкович 1982. № 536. Восточная

Сербия.],

и русский заговор от «хомута»:

«Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из ворот в ворота, под восточную сторону, к Океан синему морю. В Океане синем море плаваеи жука железная, голова мед-

ная, зубы булатные, пойду я, раб Божий, к ней поближе, поклонюсь пониже, прощу ее усердно: еси ты, шука медная, зубы булатные, *перегрызи* боль и болюток у раба Божьего больного (имя), грыжу белую и красную, урежь резь у своего тела: из-под костей, с нутра, со всей внутренности, с сердца, с мяса, с пахов и узких местов. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, и ныне и присно и во веки веков. Аминь» [Логиновский 1903: 92-93, № 4. Забайкальская обл.].

В приведенном болгарском *баянии* на стр. 9-10 «чудный человек» *выпивает* вино и поэтому выздоравливает, в сербском басме «урок» и «урочица» *слизывают* «уроки», в русском шука *перегрызает* «хомут», то есть персонажи уничтожают болезни, поедая, проглатывая их. Основные действия в сюжетах этих заговорных текстов сходны между собой и могут быть сопоставлены друг с другом.

Понятие сюжета, проблемы сюжетообразования, разрабатываемые в науке о фольклоре уже второе столетие, пока еще не получили своего окончательного и однозначного решения, хотя, как верно отмечает Т.В.Зуева, ряд исследователей – В.Я.Пропп, А.Ф.Лосев, Б.Н.Путилов, В.П.Аникин – «пришли к близким выводам о закономерности построения *сложных* (курсив наш – В.К.) фольклорных сюжетов [Зуева 1995: 6]. Здесь для нас важно указание на сложность, т.е. на то, что речь идет о сюжете крупных жанровых форм, таких как сказка, эпическая поэзия и др. И действительно, в теоретических исследованиях по сюжетике фольклора почти не затрагиваются проблемы сюжета в малых фольклорных жанрах, к каким относятся и заговорно-заклинательные тексты.

Вместе с тем, сюжетика «больших» и «малых» фольклорных форм имеет много общего. Это убедительно показали исследования Б.П.Кербелите. Анализ преданий, мифологических и этиологических сказаний, сказок, проделанный литовской фольклористкой, показал, что повествовательная структура народной прозы состоит из простых, элементарных сюжетов, образующих различные комбинации и являющихся основой самостоятельных произведений [Кербелите 1991: 23-28].

Особенно наглядное представление о простейших сюжетах, по мнению исследовательницы, можно получить на основе изучения преданий, которые «начинаются с описания некой ситуации, далее изображаются обстоятельства действия и само действие персонажа, меняющее первоначальную ситуацию, а в конце сообщается об изменившейся ситуации». При этом также отмечено, что «сжатые сюжеты преданий содержат лишь одно действие персонажа и указание на его результат» [Кербелите 1991: 24].

Анализируя действия персонажей, обобщая их, Б.П.Кербелите пришла к выводу об исключительной роли в элементарном сюжете

какого-то **одного** действия, или, используя терминологию исследовательницы, **акции** героя, которую она называет «главной акцией элементарного сюжета» [Кербелите 1991: 69], с чем соотносится теперь и наше представление об основном действии в заговорных сюжетах.

В исследовании заговорной сюжеттики для нас методологически важным стал тезис Б.Н.Путилова о том, что в фольклористике «Понятие «сюжет» представляет собою известную научную условность, но лишь в том смысле, что оно не равно понятию «текст» и формулируется в результате специального анализа группы текстов» [Путилов 1988: 137].

Пойдя именно по такому пути, проанализировав не одну тысячу восточнославянских и южнославянских заговорно-заклинательных текстов мы пришли к выводу, что под **заговорным сюжетом** может пониматься присутствие в тексте **нескольких групп взаимосвязанных между собой элементов повествования – персонажа, его действия, места действия и объекта действия** (см. пример болгарского *баяния* от уроков на стр. 9-10). В том случае, если в тексте присутствует **одна группа** указанных элементов повествования (см. на стр. 8-9 русские заговоры от бессонницы), то мы имеем **заговорную сюжетную ситуацию**. Любая пара повествовательных элементов в заговорном тексте является **заговорным мотивом**.

Такое представление о строении заговорной сюжеттики не согласуется с точкой зрения, к примеру В.П.Аникина, который считает, что из субъекта (активного деятеля), предиката (действия), объекта (лица на которое направлено действие) и обстоятельств действия (разные условия) структурно образуется мотив [Аникин 1996: 261-262]. Но любой элемент сюжеттики (персонаж, действие и др.), обозначенный, произнесенный, подразумеваемый при исполнении заговорного текста в магическом акте информационно более насыщен, чем в сказке, эпосе и др. Эта придает заговорной сюжетике своеобразие, отличая ее от сюжеттики иных нарративных фольклорных жанровых форм.

Выявление сюжетно-самодостаточных повествовательных заговорно-заклинательных текстов на широком материале заговорно-заклинательных традиций восточных и южных славян (русских, белорусов, украинцев, болгар и сербов), описание их сюжеттики, выделение основных действий, их формализация в виде отдельных предикатов и объединение последних по сходству семантики в «темы», позволило нам **впервые** представить заговорную сюжеттику в виде единой системы в «Указателе сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян», опубликованном в 1997 году [Кляуз 1997]. Далее ссылка – [Указ.].

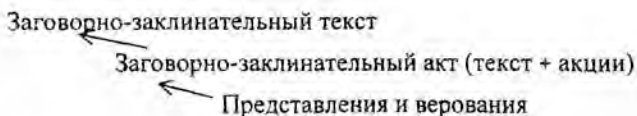
Реестровое описание заговорных сюжетов в «Указателе» показывает, что одни из них имеют повсеместное распространение, из-

вестны в десятках версий, редакций и вариантов, а другие уникальны, зафиксированы лишь в одной версии, представленной в одной редакции и единственном варианте.

Заговорную сюжеттику как единое целое можно представить в следующем виде:

Что, в свою очередь, обусловлено, определяется следующими уровнями:

Было довольно сложно выявить алгоритм разграничения уровней повествования и последовательно показать их реализацию. Но все же мы можем сказать, что версии отличаются между собой нюансами действий персонажей, объектно-предметной характеристикой и персонажным рядом; редакции — так же нюансами действий, местом действия и временным локусом; варианты — нюансами действий на микро уровне.³ Характерно, что самые общие уровни обобщения повествования в плане своего выражения коррелируют с уровнями элементарными — мотивами.

³ В "Указателе" сюжеты и сюжетные ситуации не имеют сплошной порядковой нумерации. При этом, исходя из того, что конкретные сюжеты (сюжетные ситуации) определяют построение системы, а не система — расположение выделенных сюжетов, обозначение каждой конкретной позиции идет от частного к общему. К примеру, 1/VI.2.7/A5, где 1 — номер редакции; VI.2.7 — номер сюжета (VI.2) и его версии (7, в некоторых случаях сюда может добавляться и буква: 7а); A5 — номер сюжетной темы. Варианты цифрами не обозначены, они или помещаются рядом под одним номером редакции, или, если содержат буквальное совпадение, описываются один раз.

Далее, как правило, мы будем употреблять термин «сюжет» по отношению и к собственно сюжетам, и к сюжетным ситуациям.

Сюжеты и сюжетные ситуации, имеющие сходные основные действия, объединены нами в сюжетные темы (СТ), которые составили две большие группы – А и В [Указ.: 8-10], отличающиеся направленностью действий: А – уничтожение, устранение кого-либо или чего-либо; В – созидание, сохранение, использование.

Разделение заговорных сюжетов на группы А и В – самый высокий уровень обобщения, предельно абстрагированный от текстов, но отражающий, с нашей точки зрения, важные структурно-семантические черты заговорно-заклинательных традиций.

В «Указателе» названия СТ, входящих в группы А и В, мы составили на основе формализованных предикатов, обозначающих основные действия сюжетов, входящих в ту или иную сюжетную тему. К примеру, СТ А1. – *Вынимают. Унимают. Отнимают. Вытаскивают. Берут. Забирают. Отбирают. Уничтожают. Относят. Отвозят.* Предикаты, поставленные в форме 3-го лица мн. числа, показывают, что в СТ персонаж, а точнее герой сюжета, совершает основное действие, связанное с выниманием чего-либо у другого персонажа или объекта. Имеющие место семантические различия между некоторыми предикатами в этой и в других СТ снимаются при обращении непосредственно к сюжетам.⁴ Именно поэтому возможно и семантическое обобщение предикатов, обозначающих основные действия героев заговорных сюжетов. В пределах каждой СТ сюжеты разделены на подгруппы или серии. Основой такого объединения сюжетов и сюжетных ситуаций послужило их сходство в описании действий герой и проч.

Приведем полный список СТ в группах А и В, в котором после номера СТ идет обобщенная семантика основных действий, данные о числе включенных в СТ сюжетов и формализованные предикаты, обозначающие основные действия СТ:

Группа А.

СТ А1. «Уничтожение через вынимание» – 55 сюжетов в XXI подгруппе. (ВЫНИМАЮТ. УНИМАЮТ. ОТНИМАЮТ. ВЫТАСКИВАЮТ. БЕРУТ. ЗАБИРАЮТ. ОТБИРАЮТ. УНИЧТОЖАЮТ. ОТНОСЯТ. ОТВОЗЯТ).

СТ А2. «Уничтожение выдуванием или выметанием» – 28 сюжетов в XV подгруппах. (СДУВАЮТ. ВЫДУВАЮТ. СНОСЯТ. СМЕТАЮТ. ВЫМЕТАЮТ. СМАХИВАЮТ. ОЧИЩАЮТ.)

СТ А3. «Уничтожение водой» – 26 сюжетов в XI подгруппах. (УПЛЫВАЮТ. СТЕКАЮТ. СМЫВАЮТ. ОБМЫВАЮТ. МОЮТ. УМЫВАЮТ. ПАРЯТ. КРАПЯТ. КУПАЮТСЯ.)

⁴ Относительно особенности семантики фольклорного слова см. [Кербелите 1991: 56-57; Никитина 1999: 16-18; Вельмезова 1999: 22-23].

- СТ А4. «Уничтожение через поедание» – 75 сюжетов в XXIX подгруппах. (ПОЕДАЮТ. СЪЕДАЮТ. ЕДЯТ. КОРМЯТ. ЗАГРЫЗАЮТ. ГРЫЗУТ. КУСАЮТ. КЛЮЮТ. ВЫДИРАЮТ. ВЫСКРЕБАЮТ. СРЫВАЮТ. РАЗРЫВАЮТ. ХВАТАЮТ. СОСУТ. ЛАКАЮТ. ЛИЖУТ. СЛИЗЫВАЮТ. ОБЛИЗЫВАЮТ. ВЫПИВАЮТ. ПЬЮТ. ЦЕЛУЮТ. КУШАЮТ.)
- СТ А5. «Уничтожение с помощью режущего, колющего инструмента, отсутствие боли при использовании режущего, колющего инструмента» – 76 сюжетов в XXXI подгруппе. (РЕЖУТ. ОТРЕЗАЮТ. РАЗРЕЗАЮТ. СЕКУТ. ОТСЕКАЮТ. ВЫСЕКАЮТ. КОЛЮТ. ЗАКАЛЫВАЮТ. РУБЯТ. ИЗРУБАЮТ. ОТРУБАЮТ. ПИЛЯТ. ОТКАПЫВАЮТ. РАЗБИВАЮТ. РАСКАЛЫВАЮТ. РУБЯТСЯ. СЕКУТСЯ. УДАРЯЮТ. РАСПИНАЮТ. РАЗРУБАЮТ. НЕ ЗНАЮТ БОЛИ. НЕ БОЛЕЮТ.)
- СТ А6. «Уничтожение стрельбой (из лука и др.), избиванием, изгнанием» – 101 сюжет в XXXVII подгруппах. (ОТСТРЕЛИВАЮТ. СТРЕЛЯЮТ. ВЫБИВАЮТ. БЬЮТ. ВЫГОНЯЮТ. ГОНЯТ. ВЫКОЛАЧИВАЮТ. БОДАЮТ. КРЕСЯТ. ПЕРЕКРЕЩИВАЮТ. ВЫСЛАЮТ. ВЫПУСКАЮТ. РАЗНОСЯТ. УНОСЯТ. ОТВОДЯТ. УВОДЯТ. ОТПРАВЛЯЮТ. УХОДЯТ. ВЫХОДЯТ. РАСХОДЯТСЯ. БРОСАЮТ. ДАЮТ КАМЕНЬ ПОД ГОЛОВУ. ПЕРЕСЕЛЯЮТСЯ. МЕЧУТСЯ. РАЗЛУЧАЮТ. РАЗВОДЯТ. ВЫДАЮТ (НЕ ПРИНИМАЮТ).)
- СТ А7. «Уничтожение в сражении» – 20 сюжетов в XIV подгруппах. (НАПАДАЮТ. СОКРУШАЮТ. ПОБЕЖДАЮТ. СРАЖАЮТСЯ. ГИБНУТ. НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ВОЮЮТ. БЬЮТСЯ.)
- СТ А8. «Уничтожение с помощью слова, произнесение слов» – 32 сюжета в XVI подгруппах. (ВЫГОВАРИВАЮТ. ЗАГОВАРИВАЮТ. УГОВАРИВАЮТ. ШЕПЧУТ. ДАЮТ «СЛОВО». МОЛЯТ. ЧИТАЮТ. ПИШУТ. ПОЮТ.)
- СТ А9. «Существование (рождение) – исчезновение, метаморфоза» – 19 сюжетов в IV подгруппах. (УМЕНЬШАЮТСЯ. ИСЧЕЗАЮТ. КАЖУТСЯ. ПРЕВРАЩАЮТСЯ.)
- СТ А10. «Уничтожение преграды» – 17 сюжетов в XI подгруппах. (ОТМЫКАЮТ. ОТПИРАЮТ. ВЫПУСКАЮТ. ОТКРЫВАЮТ, ЛОМАЮТ ЗАМКИ. ОТВОРЯЮТ.)
- СТ А11. «Уничтожение преграды для воды» – 5 сюжетов в V подгруппах. (ПУСКАЮТ ВОДУ. ПРОЛИВАЮТ. РАЗЛИВАЮТ. ОПРОКИДЫВАЮТ.)
- СТ А12. «Уничтожение объекта как некого целого через его разламывание, разбивание» – 41 сюжет в XVIII подгруппах. (ЛОМАЮТ. СВИХИВАЮТ. РВУТСЯ. СРЫВАЮТСЯ. ЛОПАЮТСЯ. РАЗБИВАЮТСЯ. РАССЫПАЮТСЯ. РАСКАЛЫВАЮТСЯ. ТЕРЯЮТ. ПАДАЮТ.

СКИДЫВАЮТ. РАЗБЕГАЮТСЯ. РАСКАТЫВАЮТСЯ. СБРАСЫВАЮТ.)

СТ А13. «Уничтожение болезней растений», «уничтожение (собрание, вырывание) растения» – 29 сюжетов в XX подгруппах. (ИЩУТ РАСТЕНИЕ. НЕСУТ ТРАВУ. ДАВЯТ ПОЛЕ. СОБИРАЮТ РАСТЕНИЕ. САДЯТ РАСТЕНИЕ, ЧТОБЫ СОБИРАТЬ. РУБЯТ ДЕРЕВО.)

СТ А14. «Уничтожение огня» – 17 сюжетов в XII подгруппах. (СТУДЯТ ЧЕЛОВЕКА. ГАСЯТ ОГОНЬ. НЕ РАСКИДЫВАЮТ ИСКР. НЕ ЖГУТ.)

СТ А15. «Отсутствие дружественных отношений, привязанности одного к другому» – 14 сюжетов в VII подгруппах. (ДЕРУТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ. НЕ СХОДЯТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ. НЕ ДЕРЖАТСЯ НА ЧЕМ-ЛИБО. СКАТЫВАЮТСЯ С ЧЕГО-ЛИБО.)

СТ А16. «Насильственное подчинение» – 14 сюжетов в X подгруппах. (БОЯТСЯ. ПУГАЮТ. ПОВЕЛЕВАЮТ. ПОКЛОНЯЮТСЯ.)

Из данного перечисления видно, что значения основных действий «А» группы имеют общий характер, эти действия направлены на уничтожение, устранение кого-либо или чего-либо. В определенной степени семантика основных действий группы А противопоставлена семантике основных действий «В» группы, имеющих значение создание, сохранение, использования.

Группа В.

СТ В1. «Возвращение, передача чего-либо объекту действия», «создание (воссоздание) целого множества через возвращение, передачу его частей» – 65 сюжетов в XXV подгруппах. (ДАЮТ. ЗАБИРАЮТ ОДНО – ДАЮТ ДРУГОЕ. ВЫНИМАЮТ У ОДНОГО – ВКЛАДЫВАЮТ ДРУГОМУ. ОТНОСЯТ ОДНО – ПРИНОСЯТ ДРУГОЕ. ПРИНОСЯТ. ВНОСЯТ. НЕСУТ. КЛАДУТ. ВКЛАДЫВАЮТ. НАВЕВАЮТ. НАДУВАЮТ. ДАРЯТ. ВОЗВРАЩАЮТ.)

СТ В2. «Привлечение объектов обещанием удовлетворить их желания и потребности», «создание нового множества через привлечение объектов обещанием удовлетворить их желания и потребности» – 22 сюжета в IX подгруппах. (ЖДУТ. ОЖИДАЮТ. ПОДЖИДАЮТ. ЗОВУТ. ПРИГЛАШАЮТ. ТРЕБУЮТ. КОРМЯТ.)

СТ В3. «Приближение, перемещение объекта», «создание нового единого множества через приближение, перемещение объектов» – 34 сюжета в XVI подгруппах. (ПОСЫЛАЮТ. ПРИСЫЛАЮТ. СГОНЯЮТ. ГОНЯТ. ПРИГОНЯЮТ. ПРИВОДЯТ. МУЧАЮТ, ЧТОБЫ ПРИШЕЛ. НАНОСЯТ. ОТПУСКАЮТ. СЛЕТАЮТСЯ. ПРИХОДЯТ. ВХОДЯТ.)

- СТ В4. «Невозможность уничтожения объекта» – 21 сюжет в XIV подгруппах. (НЕ ПЬЮТ. НЕ КУСАЮТ. НЕ СЪЕДАЮТ. ЕДЯТ НЕ СЪЕДОБНОЕ. НЕ ДОСТАЮТ. НЕ ВИДЯТ. НЕ СНИМАЮТ. НЕ МОГУТ ВЗЯТЬ. НЕ УБИВАЮТ. НЕ ПОГИБАЮТ. НЕ СТРЕЛЯЮТ.)
- СТ В5. «Сохранение через пришивание, связывание», «создание (воссоздание) единого целого через пришивание, связывание» – 37 сюжетов в XX подгруппах. (ЗАШИВАЮТ. ШЬЮТ. ВЫШИВАЮТ. НЕ УМЕЮТ ШИТЬ – ЛЕЧАТ. ПРЯДУТ. МОГАЮТ. ЗАМАТЫВАЮТ. ЧЕШУТ ШЕРСТЬ. СПЛЕТАЮТ. ТКУТ. ВЬЮТ. СВИВАЮТ ОБРУЧИ. ОДЕВАЮТ ПОВЯЗКИ. СВЯЗЫВАЮТ. ЗАСЫПАЮТ. ЗАТЫКАЮТ.)
- СТ В6. «Создание защиты, сохранение через замыкание, закрывание, охрану» – 72 сюжета в XXXX подгруппах. (ЗАМЫКАЮТ. ЗАКРЫВАЮТ. ЗАКРЫВАЮТСЯ. ПОКРЫВАЮТ. ЗАПИРАЮТ. НЕ ПУСКАЮТ. СТАВЯТ ТЫН. ЗАГОРАЖИВАЮТ. ОГОРАЖИВАЮТ. СТРОЯТ ТЮРЬМУ. СТАВЯТ ЛОВУШКИ. НЕ ДАЮТ ПРОЙТИ. ОХРАНЯЮТ. СТЕРЕГУТ. ЗАЩИЩАЮТ.)
- СТ В7. «Сохранение объекта в неподвижном состоянии» – 18 сюжетов в XI подгруппах. (УДЕРЖИВАЮТ. НЕ ПУСКАЮТ. ОСТАНАВЛИВАЮТ. НЕ ТЕЧЕТ.)
- СТ В8. «Восстановление сломанного, сдвинутого с места» – 14 сюжетов в VIII подгруппах. (СОСТАВЛЯЮТ. ЛОМАЮТ – СКРЕПЛЯЮТ. НЕ ЛОМАЮТ. УСТАНАВЛИВАЮТ.)
- СТ В9. «Сохранение формы» – 6 сюжетов в V подгруппах. (НЕ ГНУТСЯ. НЕ ВАЛЯТСЯ. НЕ РАЗБИВАЮТСЯ.)
- СТ В10. «Невозможность выполнения определенных действий» – 6 сюжетов в IV подгруппах. (НЕ МОГУТ СДЕЛАТЬ. НЕ МОГУТ СОБРАТЬ. НЕ МОГУТ ПОСЧИТАТЬ. НЕ МОГУТ НАВРЕДИТЬ.)
- СТ В11. «Невозможность произрастания» – 9 сюжетов в VII подгруппах. (САЖАЮТ – НЕ РАСТЕТ. НЕТ ПЛОДА.)
- СТ В12. «Разжигание, использование огня, света» – 54 сюжета в XXV подгруппах. (СУШАТ. ПРИСУШИВАЮТ. ВЫСУШИВАЮТ. ЗАСУШИВАЮТ. ПРИПЕКАЮТ. СПЕКАЮТ. РАСПЕКАЮТ. ВЫЖИГАЮТ. ЖГУТ. ОДЕВАЮТСЯ ТЕМ, ЧТО ЖЖЕТ. СИЯЮТ. ТАЮТ. ПЕРЕСЫХАЮТ РЕКИ. СОХНУТ. УМЫВАЮТСЯ В ОГНЕННОЙ ВОДЕ. КИПЯТЯТ. ГОРЯТ. ИДУТ В ОГОНЬ. БРОСАЮТ В ОГОНЬ. НЕ МОКНУТ.)
- СТ В13. «Добровольное подчинение, желание красоты и радости» – 14 сюжетов в VII подгруппах. (УКРАШАЮТ. РАДУЮТСЯ. СМОТРЯТ НА ТО, ЧТО РАДУЕТ. ПОКАЗЫВАЮТ.)
- СТ В14. «Любовные, дружественные отношения» – 19 сюжетов в XIV подгруппах. (СОБЛАЗНЯЮТ. ОБОЛЫЦАЮТ. ЛЮБЯТ. СВАТАЮТ.

ВЫХОДЯТ ЗАМУЖ. РОДНЯТСЯ. БРАТАЮТСЯ. ПЛАЧУТ. СО-
ЕДИНЯЮТСЯ.)

СТ В15. «Соединение, невозможность перемещения, движения, жизни без чего-либо» – 25 сюжетов в XX подгруппах. (ОБХВАТЫВАЮТСЯ. ОБВИВАЮТСЯ. ВЫЮТСЯ. ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ. СКЛАДЫВАЮТ ВМЕСТЕ. ДЕРЖАТСЯ. НЕ МОГУТ ЖИТЬ БЕЗ ЧЕГО-ЛИБО. НЕ ШЕВЕЛИТСЯ. НЕ ВЫХОДИТ. НЕ ПЕРЕХАЖИВАЕТ. НЕ ПЕРЕДВИГАЕТСЯ. НЕ ОЖИВАЕТ. НЕ ДВИГАЕТСЯ. НЕ ВСТАЕТ. НЕ ГОВОРИТ. НЕ ДУМАЕТ. НЕ КАРКАЕТ. НЕ ПОЕТ.)

На наш взгляд, действительно можно говорить об оппозиционных отношениях между группами «А» и «В», хотя противоположность сюжетов первой группы сюжетам второй не является абсолютной. Для первой (А) группы, как мы уже указали, характерно направление действий, которое в самом общем значении можно обозначить как «уничтожение, устранение», для второй (В) – «созидание, сохранение, использование». О «совмещении в едином заговорном теле противоположных явлений», т.е. оппозиций пишет [Топоров 1993: 6-7], определяя природу и статус заговора. Отмечая же его энциклопедичность, он, в частности, отмечает: «Особо следует подчеркнуть, что есть основания говорить и о списках-перечнях заговорных «операций», суммы *основных действий* (курсив наш – В.К.), с помощью которых осуществляется достижение поставленных целей. Полный состав этих операций тотально исчерпывает возможности «положительного» решения любого вопроса. При этом внутри этого «операционного» состава существует сама иерархия (ср. действия общего характера, или подкрепляемые определенными вещественными символами, или, напротив, уже оторвавшиеся от них и более того, свидетельствующие о том, что касается обозначения этих действия, о существенном расширении значения этих обозначений, ср. *связывать* и *развязывать*, но и более конкретные действия – *оберегать*, *охранять*, *удалиться*, *исчезнуть*, *прогнать*, *сгинуть* и т. п.)» [Топоров 1993: 11]. Относительно иерархичности действий – это один из возможных способов их систематизации, а в приведенных В.Н.Топоровым глаголах показан характер их оппозиционности, ср. СТ А12 (рвутся) и СТ В5 (связывают), СТ А6 (выгоняют, гонят) и СТ В6 (охраняют).

Оппозиционность – один из характерных признаков заговорной поэзии, что проявляется на самых различных уровнях: функциональном, акциональном, на уровне текста – в мотивах, сюжетах (сюжетных ситуациях) и других повествовательных элементах. Выделенные нами оппозиции сюжетных тем также показывают это. Сравнивая их с обыденным разделением заговорных текстов на «черные» и «белые»,

нельзя сказать, что одному члену тематической оппозиции соответствует только категория «нанесения зла», а другому – «устранения зла». Среди сюжетов заговоров, входящих в какую-либо СТ, встречаются относящиеся и к той, и к другой категории. К примеру, «закрыть», «замкнуть» можно рану, чтобы не текла кровь, но «закрыть», «замкнуть» можно и жизненно важные органы человеческого тела. Мифологические существа, животные могут съесть болезни, но они могут и напасть на человека, «есть» его, отчего он будет болеть.

Рассмотрим оппозиционность на уровне сюжетных тем:

Так, СТ А1 и СТ А2 противопоставлены СТ В1 (еще раз напомним, что после обобщенной семантики основных действий СТ, которая выделена курсивом, мы перечисляем глаголы в форме 3-го лица мн. числа, выражающие основное действие в конкретных заговорных сюжетах):

СТ А1 – «Уничтожение через внимание» Вынимают. Унимают. Отнимают. Вытаскивают. Берут. Забирают. Отбирают. Уничтожают. Относят. Отвозят.

СТ А2 – «Уничтожение выдуванием или выметанием» Сдувают. Выдувают. Сносят. Сметают. Выметают. Смахивают. Очищают.

СТ В1 – «Возвращение, передача чего-либо объекту действия», «создание (воссоздание) целого множества через возвращение, передачу его частей». Дают. Забирают одно – дают другое. Вынимают у одного – вкладывают другому. Относят одно – приносят другое. Приносят. Вносят. Несут. Кладут. Вкладывают. Навешивают. Надувают. Дарят. Входят. Возвращают.

Имеют противопоставление и другие сюжетные темы:

СТ А6 – «Уничтожение стрельбой (из лука и др.), избиением, изгнанием». Отстреливают. Стреляют. Выбивают. Бьют. Выгоняют. Гонят. Выколачивают. Бодают. Кресят. Перекрещивают. Высылают. Выпускают. Разносят. Уносят. Отводят. Уводят. Отправляют. Уходят. Выходят. Расходятся. Бросают. Дают камень под голову. Переселяются. Мечутся. Разлучают. Разводят. Выдают (не принимают).

СТ В3 – «Приближение, перемещение объекта», «создание нового единого множества через приближение, перемещение объектов». Посылают. Присылают. Сгоняют. Гонят. Пригоняют. Приводят. Мучают, чтобы пришел. Наносят. Отпускают. Слетаются. Приходят. Входят.

СТ А14 – «Уничтожение огня». Студят человека. Гасят огонь. Не раскидывают искр. Не жгут.

СТ В12 – «Разжигание, использование огня, света» Сушат. Присушивают. Высушивают. Засушивают. Припекают. Спекают. Распекают. Выжигают. Жгут. Одеваются тем, что жжет. Сияют. Тают. Пересыхают реки. Сохнут. Умываются в огненной воде. Кипятят. Горят. Идут в огонь. Бросают в огонь. Не мокнут.

А также: А10 противопоставлена В6, В7; А12 – В8, В5; А7, А15, А16 – В13, В14, В15 и т. д.

Противопоставление сюжетных тем обусловлено оппозиционностью отдельных сюжетов заговорных текстов, входящих в них.

Приведем наиболее показательные примеры.

Одни и те же персонажи могут выполнять различные действия.⁵

В русских любовных заговорах широко распространен сюжет о том, как *заговаривающий* встречается с *ветром* и просит его *вложить, внести, пустить* «тоску» в другого человека [Указ.: 242-245]: «В чистом поле на угоре стоит 12 ветров, тринадцатый вихорец. Я, раба божия Юлия, тебе поклонюсь, помолюсь. Пусти тоску тоскливую, сухоту сухотливую к рабу божью (имя) в ясные очи. ...» [Иванова 1994: № 220. Кировская обл.]. В сербском *басме ветер* дует и *надушивает* ребенку сон: «*Дува ветар преко високих гора, широких поља, великих вода... Дува ветар преко свега и свачега, док не додува нашем (Јови) сан богодан*» [Раденкович 1982: № 435. Левач, Темнич]. Но ветер может не только что-то дать человеку, но и взять у него. В белорусской традиции зафиксирован текст, в котором святые встречаются с *ветром* и просят его *отобрать* у человека болезни [Указ.: 56]: «... *І па Сіян'скай гарэ ішоў святы Пятро-Павел з сваімі святымі апосталамі. стрэў ветра ціха і прыказаў ветру ціху: адбяры ад раба божяга эта ветравое ліха...*» [Романов 1891: 4, № 9. Могилевская губ.]. В русском заговоре от «урока» на охоте *ветры сдувают* порчу: «*Лодымаются ветры вихори со всех четырёх сторон, от востоку до западу, сымают и сдувают с крутых гор белы снежки, сымают и сдувают с вишнова добытка уроки, озены, призоры*» [Виноградов 1907-1909, 2: № 97. Костромская губ.].

⁵ В отношении змея на материале славянских верований это явление замечено [Гура 1997: 290-291].

Другой пример. В русском заговоре от порчи *святые выводят* «притошницу» и другие болезни из дома человека в поле: «...*Михайло Архангел, Гаврила архангел и Кузьма, Демьян выводил милого живота от человека и до скота из худого следа, браннаго слова и притошную притошницу, тихую тихонцу и смирную смиравницу. Выводил со двора в ворота, в чистое поле на Сиянско болото...*» [Майков 1869: № 222. Новгородская губ.]. *Святые* могут делать и совершенно противоположное действие – *ссылать* зверей и птиц к заговаривающему: «... *Подступлю я к престолу господню со огненным ружьем, раб божий (имя рек), стрелец, попрошу и помолю Егория храброго и Михаила архангела, чтобы мне сослал разнаго зверя, и разнаго копыта и разную летучую птицу...*» [Толмачев 1911-1912, 3: 145, № 3. Забайкальская обл.].

Когда один и тот же персонаж может выполнять противоположные действия, нередко эти действия объединяются в одном сюжете [Указ.: 236, 242-244, 251, 332]. К примеру, у восточных и южных славян широко распространены сюжеты, описывающие, как *птица вынимает, уносит, выклевывает* у человека или скотины болезнь: «*На сiянь-моры стаиць дуб, на том дубі дванаццаць сукоў, на тых суках па дванаццаць кокатаў, на тых кокатах па дванаццаць варановых гняздоў – кокци жалезныя, а дзюбы сярэбраныя. Вараны, злятайця, боль жалезнымі какцямі выдзірайця, головы сцінайця, сярэбраным дзюбамі боль із скаціны вынімайця, амін*» [Романов 1891: 133, № 46, от «крыжаўніка», Могилевская губ.]. Эта «способность» *птиц* используется в любовных заговорах, где они не только *берут* у одного человека тоску, но несут ее и *вкладывают* в другого: «... *Попрошу из чиста поля четырех братьев, – четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети из чиста поля белый кречет, неси кречет вострый нож и востро копые, садись белый кречет рабу Божию (имя рек) на белы груди, на ретиво сердце. Режь..., вынимай из его ретива сердца ... тоску и кручину. Полети белый кречет, ... донеси всю тоску и кручину ... до раба Божия (имя рек), ... клади в его белые груди, в ретиво сердце ... всю тоску кручину ...*» [Ефименко 1878: № 17. Архангельская губ.].

Противопоставленные друг другу персонажи выполняют – и это естественно – диаметрально противоположные действия.

Царь-огонь жжсет – ледяной царь остужает: «*Батюшка ты, царь огонь ... как ты жжешь и палишь в чистом поле травы и муравы, ... жги и спали с раба Божия (имя рек) всяки скорби и болезни...*» [Майков 1869: № 239. От уроков. Тобольская губ.]; «... *Стоит в подсеверной стороне ледяной остров, на ледяном острове ледяная камора ... и сам сидит царь ледяной. ... Ай же ты, царь ледяной, не студи,*

не морозь ни рек, ни озер ... Застуди, заморозь ретиво сердце у раба Божия (имя рек) ...» [Виноградов 1907-1909, 1: № 32, на остуду. Костромская губ.].

Дьявольская сила вредит – божественная помогает:
«... Сатана-батюшка, сослужи мне службу ... Освободи ты одного из грешников, сними ты с него железные цепи, и свей из них железные обручи и заставь ты моего злодея (такого-то) веки помучиться! Надень ты ему обруч туда-то ... Отвечает на это покровитель. Твоя просьба исполнена ... На тебе ключ и замок, замкни у всех хомутов зубы и губы ...» [Логиновский 1903: 85. № 1, надеть «хомут». Забайкальская обл.]; *«Ішоў Гасподзь Бог Суе Хрыстос з нябес, за ім Прачыстая матка ішла, у правой руцэ залатыя ключы нясла ... – Куды ты, маць Прачыстая ідзешь? – Іду я парадніцу адведасі і младзенца з жывата выпускаці ...»* [Романов 1891: 57-58. № 21, на добрые роды. Могилевская губ.].

В выявленной системе не на каждое действие имеется строго противоположное действие, т.е. другой член оппозиции. Это объясняется, во-первых, долгим бытованием заговорной поэзии, при котором какие-то ее пласты оказались утраченными, а другие сохранились, эволюционировали, а во-вторых, ограниченным количеством имеющихся и учтенных текстов.

Отсутствие некоторых действий как членов оппозиции объясняется и тем, что в народной магии, куда входит заговорная поэзия, большая роль отводилась не только словам, но и обрядовым акциям, которые сопровождали произнесение текста, а иной раз и вообще существовали совершенно самостоятельно. В магическом обряде слово и акциональный ряд равноправны и равноценны. Поэтому поиск отсутствующих в оппозиции, неучтенных «указателем» сюжетных действий может быть плодотворным и при исследовании акционального компонента.

Теоретически можно предположить, что если бы мы обладали записями всех когда-либо существовавших заговорных текстов, то каждому заговорному сюжету (а, следовательно, и описанному в нем действию персонажа), нашелся бы заговорный сюжет с антитезисным действием.

Подтверждением этого предположения, а также системно-оппозиционного характера заговорно-заклинательных традиций, может быть существование «зеркальных» пар текстов, в которых они полностью повторяют друг друга построением, образностью и отличаются только противоположными действиями персонажей и своим функциональным назначением:

I. «Стану, раба Божья Анисья, благословясь, пойду перекрестясь. Выйду в двери и ворота. И выйду я во чистое белое поле. И пойду по чистому белому полю, по средней белой дороге. И выйду я к белому морю и вижу в белом море стоит белый остров, и в белом море стоит белая байна, и в этой белой байне есть три белых грядки, и в этих белых грядках сидит сама Пресвятая Богородица, крестится, божится и молится. И сидят два вьюноши, они целуются и милоются, и обращаются, и обнимаются, круг друг друга овиваются. Любят они друг друга, как месяц светит, как солнце пекет, и так же любят по дням и по ночам, по вечерним и утренним зорям. И по темным ночам любят они друг друга. И во имя Отца и Сына и Святого Духа, так же меня бы любил раб Божий (такой-то)» [МГУ 1960, ФЭ 03, 9777-9779, присушка, зап. от Л.М.Федуловой в Пудожском р-не Карельской АССР].

«Стану я, не раба, пойду не благословясь, не перекрестясь, выйду я подвальным бревном, выйду я в черное поле, пойду по черной узкой дороге, пойду к черному морю, в черном море стоит черный остров, на черном острове стоит черная байна, в черной байне ести три черных грядки, в черных грядках сидит черт с чертихой, дьявол с дьяволихой. И сидят два вьюноша, не любят они друг друга, дерутся и чепаются, и так же не любила бы я его (ее), он меня, ни по дням бы, ни по ночам бы, ни по вечерним, утренним зорям, бил бы, ломил бы, не любил бы, резал бы в ножи (тут уж солнце не печет, амина не говори...)» [МГУ 1960, ФЭ 03, 9779-9780, отсушка, зап. от Л.М.Федуловой в Пудожском р-не Карельской АССР].

II. «Как висит колокол, так виси у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь», «Как висит мохор, так виси у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь» [Киреевский 1983, I: № 215, сделать «невстаниху»]

«Как стоит стержень, так стой у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь» [Киреевский 1983, I: № 215 от «невстанихи»].

Существуют и другие примеры «зеркальных» пар текстов (см. [Афанасьев 1997: 545; Иванова 1994а: № 489, 633]).

Каждая такая «зеркальная» пара, видимо, принадлежит одному исполнителю (что зафиксировано точно в отношении к записям из фольклорного архива МГУ и сборника А.А.Ивановой). С одной стороны, это может объясняться формированием у отдельных носителей заговорно-заклинательных традиций определенного набора словесных формул (см. [Кляус 1990а]). С другой стороны, в народной культуре действительно замечено, что знахарь, знающий тексты какой-то функциональной направленности, может владеть (или ему это приписывается) и прямо противоположными заговорами. Так, находясь в 1992 году в экспедиции в Нерчинско-Заводском районе Читинской

области, мы договорились с одной из женщин о записи от нее заговоров «от хомута». Подходя к ее дому в назначенный срок, повстречали соседку, от которой за день до этого записывали песенный фольклор и былички. Разговорившись с ней, мы, не подумав, сказали к кому и с какой целью направляемся. Внимательно посмотрев на нас, пожилая женщина заметила: «Кто хомут снимает, тот его и надевает». Пытаясь предостеречь от возможной беды (см. о порче «хомут» [Виноградов 1915: 354; Логиновский 1903: 83-85]), она в своеобразной поговорке высказала интуитивно ощущаемый народом системно-оппозиционный характер заговорного фольклора.

Рассмотрим характер и логику обобщающего реестрового описания сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян, их систематизацию по сюжетным темам (СТ) [Указ.: 22-370], обращая внимание на некоторые выявленные при этом особенности восточнославянской и южнославянской заговорной сюжетики.

Сюжетная тема А1

СТ А1: 55 сюжетов в XXI подгруппе.

Семантика «основного действия»: «уничтожение через вынимание» (Вынимают. Унимают. Отнимают. Вытаскивают. Берут. Забирают. Отбирают. Уничтожают. Относят. Отвозят).

Распределение по регионально-этническому признаку выглядит следующим образом – сюжеты данной СТ принадлежат в подавляющем большинстве к восточнославянским заговорным традициям⁶. Лишь шесть сюжетов – южнославянские. Между регионально-этническими традициями на сюжетном уровне зафиксировано только одно схождение, в сюжете, где персонажами «вынимающими» болезни являются представители высшего христианского пантеона – «Заговаривающий и Богородица (Христос и др.). Богородица снимает болезни» (XI.3.2/А1, рус., бел.) [Указ.: 51-52].

Такое соотношение между регионально-этническими традициями указывает на самостоятельную разработку данных сюжетов у восточных и южных славян (отмеченное схождение могло произойти в результате типологического сходного влияния на заговорно-заклинательный жанр со стороны христианства).

Примечательно, что персонажи сюжетов славянских заговоров рассматриваемой СТ являются сам заговаривающий, нейтральные или же явные противники человека – змей-царь и царица, змеи, жаба, пти-

⁶ Необходимо, правда, учитывать, что в силу объективных причин (наличие имеющихся и доступных источников), южнославянских текстов при систематизации учтено значительно меньше, чем восточнославянских.

цы, волк, «лютый зверь», «пан чельчак», царь-лесовик, лесной дед, до-
мовой, «царик Аген», «шал», зори, мать-земля, месяц, дерево, черт,
девицы, бабка, «красный» человек, «невидимый» человек, молодцы.

Относительно незначительное число христианских персонажей
может говорить о том, что они относительно поздно появились в сю-
жетах данной СТ, как, возможно, и сами сюжеты, в которых они фигу-
рируют.

С точки зрения соотношенности сюжетов и функциональной на-
правленности заговорных текстов, в которых они зафиксированы, не-
обходимо отметить следующее: большое число сюжетов относится к
текстам от змеиногo укуса, от укуса бешеной собаки, от различных бо-
лезней («урок»), «жаба», бессонница, зубная боль и др.). Несколько тек-
стов призваны повлиять на поведение другого человека, лишая его
возможности выполнять какие-то действия (от воров, от лихих людей),
что сближает их, несмотря на противодействие злу, с т.н. «черными»
заговорами.

В рассматриваемой СТ значительное место занимают сюжет, в
котором повествуется о змее вынимающей жало или яд. По причине
большого числа и разнообразия восточнославянских заговоров с дан-
ным сюжетом было довольно сложно выявить его основные версии и
редакции. Тем не менее, мы определили, что он бытует в не менее двена-
дцати версиях I.1.1/A1–I.1.12/A1 (рус., бел., укр.) [Указ.: 22-35], кото-
рые содержат от одной до сорока пяти редакций, имеющих, в свою
очередь, и варианты.

В одну подгруппу с сюжетом о змее, вынимающей жало/яд, нами
отнесены следующие сюжеты, где яд (ярость, зуб, болезнь и проч.) вы-
нимают жаба, собака, червяки и др., где карают, судят змей – I.2.1/A1–
I.15.1/A1 (рус., бел., укр.) [Указ.: 35-41].

Тема вынимания жала, болезни и проч., унимания слуг продол-
жается в сюжетах четырех следующих подгрупп, в которых героями
являются лесной дед, старушка, псарни, колдуны, царь «Изар», «царик
Аген» и др. – II.1.1/A1–VI.4.1/A1 (рус., бел.) [Указ.: 41-45].

Большинство всех этих сюжетов относится к белорусской тради-
ции. Уже из нашего краткого описания можно предположить, что дан-
ные сюжеты эволюционно и генетически связаны между собой, но ха-
рактер, направление необходимо выяснять в более детальном исследо-
вании. Здесь же обозначено только эволюционно-генетическое поле, в
котором они существуют.

Из других сюжетов обратим внимание еще на XIV подгруппу, –
«Девять едут на конях. Они берут боль» (XIV.1.1/A1, серб.), «Крас-
ный» человек отвозит болезнь на море (XIV.2.1/A1, серб.), «Заговари-
вающий и медный муж. Медный муж ездит по мосту, вынимает бо-
лезнь» (XIV.3.1/A1, рус.), «Св. Авраам отдыхает на коне, идет и несет

болезни» (XIV.4.1/A1, укр.) [Указ: 53]. Персонажи этих сюжетов – мужчины. Все они имеют один атрибут – коня (вол во втором сюжете, является, видимо, его модификацией, т.к. сохраняет функцию ездового животного), связаны с водой: девять мужчин отвозят боль за море; «красный» человек раскидывает болезнь по морю; медный муж ездит на коне по мосту через огненную реку; св. Авраам, идя по горам и болотам, замочился. Эта подгруппа сюжетов интересна тем, что, несмотря на малое число зафиксированных с ними текстов, они имеют широкое ареальное, этническое распространение и типологически сходный персонажный ряд. Вероятно, данные сюжеты генетически связаны между собой.

Сюжетная тема А2

СТ А2: 28 сюжетов в XV подгруппах.

Семантика «основного действия» сюжетной темы А2 близка семантике «основного действия» СТ А1, но отличается от нее способами вынимания какого-либо свойства или предмета из объекта, а именно выдуванием или выметанием, при котором используются определенные инструменты действия. Семантику «основных действий» СТ А2 можно определить как «уничтожение выдуванием или выметанием» (Сдувают. Выдувают. Сносят. Сметают. Выметают. Смахивают. Очищают).

Из данной СТ 22 восточнославянских, 5 южнославянских и один сюжет общий для обеих регионально-этнических традиций. В небольшом числе текстов учтенных здесь (54) почти третья часть (16) – это сербские, болгарские и македонские *басме* и *бояния*, что указывает на большую распространенность у южных славян сюжетов данной СТ в отличие от СТ А1.

Объединение в одну общую СТ двух разных действий – выдувание и выметание – было сделано нами по той причине, что, во-первых, встречаются сюжеты, в которых эти действия стоят рядом, дополняют друг друга, являясь своеобразными синонимами [Указ.: 59], и, во-вторых, их можно охарактеризовать, как менее жестокие по воздействию на объект, в отличие от таких действий, как рубят, стреляют, гонят и проч. (см. ниже).

Выдувают (болезни, нечистую силу, тучу, снег) ветер, святой, Святой Дух, заговаривающий. Сметают (опять же болезни) пух, метла, девицы, Богородица, ангелы, заговаривающий. Модификацией выметания является «смахивание» болезни ризами. Естественно, что, так как ризы – христианский предмет, это выполняют Богородица, Христос, святые, Соломонида.

Лишь небольшое число сюжетов стоит особняком к указанному кругу.

К примеру, **II.1.1/A2**, где рассказывается о семи златорогих зверях, бегущих навстречу заговаривающему и посылающих по его просьбе вихри, которые дуют и сбивают с дороги свадебный поезд. [Указ.: 56]. Этот сюжет зафиксирован в редком русском забайкальском заговорном тексте, относящемся к «черной» магии. В нем разнообразный персонажный ряд: заговаривающий, златорогие звери и обычные звери (лесные и водяные), вихри и ветры. Последние находятся в подчинении златорогих зверей и сбивают с дороги «свадебный поезд» (молодоженов с поезжанами), «во все стороны задувают» их, т.е. выполняют «основное действие», характерной для СТ A2. С данным сюжетом можно сопоставить сюжет «Св. Илья едет на коне, очищает снег с гор» (**XV.1.1/A2**), зафиксированный в рукописном заговоре из Костромской губ. и рассказывающий о св. Илье, который очищает снег, а после просьбы заговаривающего – порчу с человека, ловушек и «свадебного поезда» [Указ.: 61].

Заговоры с этими двумя сюжетами противопоставлены по отношению друг к другу на функциональном уровне (с помощью первого портили свадьбу, второй мог применяться в качестве свадебного оберега) и на уровне персонажей (мифологизированным и имеющим явно языческий характер «златорогим зверям» противопоставлен святой Илья). Различаются они и инструментами действия: вихри и ветры в первом сюжете – субъекты и инструменты действия; во втором Илья очищает снег с гор и порчу своим духом, но его «святой дух» в данном случае, на наш взгляд, – эволюционная форма «ветра». Это видно при сопоставлении сюжетов с персонажами, повелевающими ветрами (три брата, Богородица, Петр-Павел, Бог) с сюжетами, где персонажи имеют «святой дух» (Богородица, св. Макарий, «стар муж Св. Дух»), или «свой дух» (заговаривающий) [Указ.: 56-57].

Ветер, как самостоятельный персонаж заговорных текстов, который помогает человеку, сдувая болезни и порчи, известен и южным славянам. Один из сюжетов с ним является общим для обеих, рассматриваемых здесь, регионально-этнических традиций [Указ.: 55]. Он существует в двух версиях. В первой (**I.1.1/A2**, *рус., болг.*) ветер просто сдувает болезни, вторая (**I.1.2/A2**, *бел., болг.*) осложнена дополнительным действием, показывающим, что ветер в качестве заговорного персонажа может и вредить человеку – он надувает болезни, что особенно хорошо показано в сюжетах СТ B1, противопоставленных сюжетам СТ A2 [Указ.: 242-245].

На славянские заговорные тексты, в которых рассказывается о том, что болезнь выдувают или сметают, возможно, оказала непосредственное влияние и обрядовая практика, реальные действия заговаривающих. Во время лечебных обрядов при произнесении заговорного текста (не только с анализируемыми сюжетами, но и с другими) испол-

нителю могут обдуть человека, над которым они произносят слова, обмахивать его пером, метелкой из растений и трав [Раденкович 1982: № 42, 213, 225; СбНУ, 5: № 3; СбНУ, 4: 102; СбНУ, 3: 142. № 1; Раденкович 1996: 150-151]. Именно поэтому отдельные сюжеты являются как бы словесным описанием действий знахаря или знахарки: «Заря и заговаривающий. Заговаривающий выдувает болезнь» (VII.1.1/A2, бел.), «Заговаривающий выдувает болезнь» (X.2.1/A2, серб.) [Указ.: 57-59].

Сюжетная тема А3

СТ А3: 26 сюжетов в XI подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение водой» (Уплывают. Стекают. Смывают. Обмывают. Моют. Умывают. Парят. Кропят.купаются).

Вода как один из первоэлементов мира и как субстанция, которая связана с важнейшими локусами мифологической картины мира, использовалась славянами, и не только ими, самым активным образом в качестве одного из основных средств народной медицины и магии [Виноградова 1995; Рэдфорд, Миненок 1995:67-71]. Поэтому неслучайно возник целый ряд восточнославянских и южнославянских сюжетов, в которых вода как персонаж и как инструмент действия играет главную роль. Большинство из них представлено в СТ А3. Как следствием всего этого стало наличие в данной СТ нескольких сюжетных схождения между традициями восточных и южных славян. Они требуют особого разговора и, прежде всего, выяснения причин точных совпадений значительно удаленных друг от друга традиций, так как ее нельзя объяснить просто наличием общих представлений у восточных и южных славян о воде.

Наиболее ранним по времени возникновения может являться сюжет «Заговаривающий здоровается с речкой (водой). Речка (вода) смывает болезни» (II.1.4/A3, бел., серб.) [Указ.: 65]. В нем река (вода) – это самостоятельный персонаж. Заговаривающий, здороваясь, устанавливает с ней дружественные отношения, и она помогает ему от болезней (ср. хетский текст ритуала Тунави или обряда реки [Мифы 1987-1988, 2: 275]).

Сюжет «Христос родился в Иордане. Заговаривающий (человек) умывается» (III.4.1/A3, рус., болгар.) [Указ.: 68], сохраняя, видимо, архаичную основу, в которой говорится, что заговаривающий или человек, которому требуется помощь, умывается, имеет уже относительно новую ситуацию, относящуюся к христианской истории, рассказывающую о крещении Иисуса Христа. Упоминание этого события должно придать особую святость используемой воде. Этот сюжет у южных и

восточных славян мог возникнуть независимо в процессе проникновения христианских мотивов и сюжетов в заговорно-заклинательный жанр.

С сюжетом «Человек и колдуны. Человек плачет. Богородица, святые обмывают человека» (IX.1.1/АЗ, укр., серб.) [Указ.: 73-74], на наш взгляд, дело, видимо, обстоит сложнее. Он относится к тому типу, который Л.Раденкович назвал «притчей о страдании и излечении» [Раденкович 1996: 76]. К возможной истории возникновения сюжетов этого типа у восточных славян мы еще вернемся (см. стр. 134). Здесь же только отметим, что, вероятно, он появился у них не без южнославянского влияния.

Вода является инструментом основного действия во многих сюжетах СТ АЗ. С ее помощью Богородица и святые обмывают больного. С водой также связаны заря, водяной царь, ворон, девицы [Указ.: 68-69]. Эти образы заговорно-заклинательных текстов стадильно, видимо, предшествуют Богородице, Соломониде и святым. Но есть одно важное отличие, которое показывает, что сюжеты с христианскими персонажами лишь отчасти восходят к сюжетам, где «распорядители» воды имеют языческий характер. Взаимоотношения в треугольнике Человек-Вода-«Хозяин воды» в том и другом случае разные: если языческие персонажи *дают* воду человеку, и тот уже ее использует по своему усмотрению, то христианские *сами умывают* водой больного, тем самым, излечивая его [Указ.: 69-72]. Изначально договорные отношения с языческим «духом воды», которые давали возможность человеку воспользоваться ее «магическими» свойствами, сменились непосредственной помощью страждущему со стороны божественных персонажей.

На восточнославянской почве произошла, видимо, еще одна модификация сюжетов с умыванием: появились такие, где говорится, что человека не умывают, а парят [Указ.: 72-73]. Характерно, что эти сюжеты зафиксированы на Русском Севере, в Сибири и Забайкалье, т.е. в тех регионах России, где парная баня считалась одним из самых эффективных народных средств лечения болезней. Но при этом характерно, что в заговорных текстах не говорится, что Соломонида или Богородица парили Христа, парят человека именно в бане, которая представлялась в народных верованиях нечистым местом [Будовская, Морозов 1995: 140].

Во всех сюжетах СТ АЗ вода (как персонаж и как инструмент действия) помогает человеку. В функциональном отношении большинство заговорных тестов с этими сюжетами – лечебные. Нет ни одного, с помощью которого пытались бы испортить человека, извести его, хотя а обрядах «черной» магии вода используется не менее активно, чем

при лечении болезней (см. [Майков 1869: № 33; Смирнова, Ильинская 1992: № 56, 82, 85, 86; РЗЗ, 1998: № 560, 589, 614, 615] и др.).

Заговорно-заклинательные тексты, имеющие вредоносный характер, вообще редко фиксировались собирателями и исследователями фольклора. Может быть, именно поэтому сюжеты, где вода вредит человеку, оказались пока не учтенными при систематизации. Тем не менее некоторые материалы показывают, что вода, как и ветер, имеет амбивалентный характер. К примеру, в присушке, записанной А.А.Савельевым в Приангарье, говорится о том, что заговаривающий идет на реку, моется там, и «сухота» течет по воде к другому человеку [Савельев ГЛМ. ф.4, п.25/1, л.47-48]. Ср. также тексты сюжеты СТ В12, в которых «огненная река» сушит человека [Указ.: 349].

Сюжетная тема А4

СТ А4: 75 сюжетов в ХХХ подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение через поедание» (Поедают. Съедают. Едят. Кормят. Загрызают. Грызут. Кусают. Ключут. Выдирают. Выскребают. Срывают. Разрывают. Хватают. Сосят. Лакают. Лижут. Слизывают. Облизывают. Выпивают. Пьют. Целуют. Кушают.).

В подавляющем большинстве сюжетов СТ А4 через поедание уничтожаются болезни. Поэтому в функциональном отношении практически все заговорные тексты относятся к лечебным.

Анализ круга персонажей, «поедающих» болезни, показывает, что большинство из них относится к миру животных: звери (волк, псы, заяц, мыши, рыси, кот, корова и др.) птицы (ворон, орел, куры, петух и др.), рыбы (щука), змеи. В представлениях людей (в целом соответствующих действительности) эти животные отличаются или своей кровожадностью или ненасытным характером и обжорством.

Огромный интерес вызывают персонажи, имеющие демонический и мифологический характер – железный муж, старуха с железными (волчьими) зубами, змей (ледяной, огненный).

Железный муж нам встретился только в русских заговорах, причем в двух сюжетах. В одном заговаривающий обращается к железному мужу, и он собирает с человека болезни (I.1.1/A4, *рус.*); в другом его кормит девица, выходящая от камня (I.2.1/A4, *рус.*). Образ этого «мужа», несомненно, связан с образом старухи с железными (волчьими) зубами общем персонаже для восточнославянских и южнославянских традиций, которая гонит и поедает⁷ болезни (I.3.1/A4, I.3.2/A4, *бел., серб.*) [Указ.: 74-75].

⁷ В текстах хотя и не говорится о том, что старуха (бабка) съедает болезни, но ее атрибуты (железные/волчьи зубы, рот медведя) указывают именно на это. Если в случае с сербской *басмой* и

Характерно, что христианских персонажей в сюжетах СТ А4 встретилось немного. Как правило, они сами не занимаются «поеданием», а только отправляют зверей, птиц уничтожить таким образом болезни. Исключение составляют Богородица и Соломонида в сюжете «Соломонида (Богородица) заедает болезни» (I.4.1/A4, рус., бел.), эволюционно связанным с рассмотренными выше. На это указывает один из атрибутов бабы Соломониды – у нее железные зубы, которыми она заедает болезнь [Указ.: 75].

Действия железного мужа в сюжете, зафиксированном в Енисейской губ. (ходит, сжигает и собирает воду) сближает этот персонаж с другим – змеем, пожирающем лес и траву, серебро и золото, камень [Указ.: 76]. Образ всепоедающего змея, известный по записям из Енисейской губ., Забайкальской обл., Украины, который живет на горах, на море, в белорусской традиции, видимо, под влиянием заговоров от змен, модифицировался в гадюку, находящуюся под дубом в поле и поедающую траву (III.1.1/A4) [Указ.: 75].

Из южнославянских сюжетов к этому кругу мы отнесли только один, зафиксированный в тексте, опубликованном Ф.Краусом в 1890 г. без указания места записи [Краус 1890: 14-15]. В нем рассказывается о змее, которая съела месяц (II.1.1/A4), это придает всем данным сюжетам особую мифологическую окраску. Интересно, что в сербских заговорах и сам месяц может выступать в роли пожирателя болезни (IV.1.1/A4) [Указ.: 77].

Одна из подгрупп сюжетов в СТ А4 рассказывает об очень странных персонажах – людях, рыбах, птицах или животных, которые не имеют зубов, рта, рук, ног, крыльев, клюва, ребер, глаз и др. (порой у них нет и самого тела) и которые, тем не менее, съедают или кусают кого-то.

В русском сюжете «Идет безногий, летит без крыльев, кусает без клюва» (V.10.1/A4) [Указ.: 78-79], который популярен в заговорах от ожога, смысловая подоплека данного образа очень прозрачна. Она имеет как минимум два уровня: первый – без клюва клонуть невозможно, поэтому болезни как бы и не существует, не должно быть; второй – огонь действительно в общепринятом смысле не имеет клюва, крыльев и проч. Хотелось бы обратить внимание в этой связи на сербский сюжет «Солнце съедает болезнь без зубов» (V.1.1/A4) [Указ.: 77]. Солнце, как и огонь, не имеет ног, рук, зубов, но оно способно унич-

могут быть какие-то сомнения на данный счет, то белорусская *замова* снимает все вопросы. Функционально он «помогал» от грыжи, т.е. болезни, от которой избавлялись как раз тем, что ее «грызали».

Нередко в текстах опускаются глаголы или происходит их замена на другие, прямое значение которых должно заставлять нас отнести сюжет в иную СТ. В этих случаях «основное значение» восстанавливается через атрибуты персонажа и сюжет в целом. Характерно, что подобное происходит, как правило, в очень интересных сюжетах с точки зрения персонажного ряда и общей схемы развития действия.

тожить («съесть») болезни или «пса», олицетворяющего, видимо, змею (в *басмах* от змей). Отсутствие частей тела у персонажей, занимающихся поеданием болезней, может указывать на их особые качества.

В СТ А4 нами обнаружено три случая схождения: в сюжетах «Птицы выдирают болезни и уносят их» (VI.1.3/А4, *рус., бел., серб.*), «Заговаривающий и волк. Волк бежит, поедает болезни» (XII.3.3/А4, *рус., серб.*), «Волк (собака), у него четыре ноги, пятый хвост, он поедает, гонит болезни» (XII.4.1/А4, *бел., серб.*) [Указ.: 81, 90-91], что вполне ожидаемо, потому что у восточных и у южных славян зафиксировано множество сюжетов с птицами и животными, которые клюют и поедают болезни. Объяснения данных сюжетных схождений могут лежать как в плоскости когда-то имевшегося общих сюжетов в заговорно-заклинательных текстах славян, так и их типологическим сходством.

В рассматриваемой СТ мы бы хотели обратить внимание и на сюжеты, которые, видимо, самостоятельно сформировались в южнославянской и восточнославянской регионально-этнических зонах.

К южнославянским относится подгруппа сюжетов о слепых и глухих пастухах, которые не замечают орла, волка или других животных, схвативших и разорвавших скот-болезни [Указ.: 93-95], и подгруппа, сюжеты которой можно охарактеризовать как «притчу сыра» [Указ.: 99-101]. В восточнославянской зоне локализуется подгруппа сюжетов, рассказывающих о святом и, бегущих за ним псами, слизывающих болезнь [Указ.: 87-89].

Как мы уже отмечали, подавляющее большинство сюжетов СТ А4 зафиксировано в лечебных заговорах. Но единичные примеры показывают, что они существовали и в заговорных текстах совершенно противоположной направленности. Особенно показателен сюжет «Заговаривающий и болезнь. Болезнь ест человека» (XXIII.2.2/А4, *рус.*) из текста XVIII века, опубликованного Н.Н.Покровским, в котором рассказывается, как заговаривающий идет к морю, видит там грызущую камень болезнь и просит ее грызть человека [Указ.: 102].⁸ Описание ситуации, констатирующей болезненное состояние человека из-за того, что его ест болезнь, известны и по другим сюжетам – «Болезнь сушит, ест человека» (XXIII.2.1/А4, *рус.*), «Болезнь превращается в вепря, в петуха, ест сердце, пьет память человека» (XXVI.4.1/А4, *серб.*) [Указ.: 102, 103].

⁸ Ср. образ грижи, грызущей камень, с образом змея, который рассмотрен выше.

СТ А5: 76 сюжетов в XXXI подгруппе

Семантика «основного действия»: «уничтожение с помощью режущего, колющего инструмента» (Режут. Отрезают. Разрезают. Секут. Отсекают. Высекают. Колют. Закалывают. Рубят. Изрубают. Отрубают. Пилят. Откапывают. Разбивают. Раскалывают. Рубятся. Секутся. Ударяют. Распинают. Разрубают. Не знают боли. Не болеют).

Невозможно в кратком описании охарактеризовать все сюжеты данной СТ, мы остановимся только на наиболее интересных, с нашей точки зрения, подгруппах.

Предварительно отметим, что в отличие от предшествующих (особенно СТ А4) в этих сюжетах значительно больше персонажей христианской мифологии. Христос, святые, Богородица, ангелы как поистине эпические герои, вставшие на борьбу со злом, рубят, отсекают, отрезают мечами, ножами и прочими остроережущими предметами (а также заменяющими их христианскими орудиями борьбы – крестом, свечой) болезни, ведьм, злых людей, колдунов.

Систематическое изложение сюжетов показывает, что во многих случаях христианским персонажам предшествовали иные образы.

К примеру, следующие сюжеты, зафиксированные только у восточных славян – в Белоруссии, Енисейской губ., Забайкалье, Приморском крае: «Христос с сыновьями едет на коне. Они рубят, заговаривают болезни» (V.2.1/A5), «Юрий едет на коне, отсекает ведьмам губы» (V.2.3/A5), «Господь идет, режет, вынимает болезнь» (V.3.1/A5), «Христос идет с неба, мечом вырывает «завиток» (V.3.5/A5) и др. [Указ.:105-107]. О них можно было бы говорить как о сюжетах, которые возникли у восточных славян уже после принятия христианства, но сюжет о «человеке», рубящем болезни, зафиксированный в двух версиях – восточнославянской «Синий» мужчина изрубает болезни» (V.1.1/A5, рус.) и южнославянской «Желтый» человек едет через море, рубит болезни, относит их в «пустое мечь» (V.1.2/A5, серб.) [Указ.: 105], показывает, что христианизированные сюжеты могли формироваться уже на каком-то определенном фонде языческих сюжетов.

Сюжеты IX подгруппы имеют структурную форму «притчи о страдании и излечении» (ее мы уже упоминали при анализе СТ А3). Способы уничтожения болезней здесь не ограничиваются использованием режущих инструментов. Персонажи (Богородица, знахарь) отговаривают, метут, вынимают, гонят, просто лечат и помогают. Можно было бы распределить каждый такой сюжет по СТ с соответствующими «основными действиями», дублируя многие по несколько раз, так как в одном сюжете одновременно могут присутствовать сразу несколько действий. Но, за редкими исключениями, мы не делали этого,

потому что все указанные действия имеют одно семантическое поле («уничтожение болезней»), некоторые из действий (лечат и помогают) имеют самый общий характер.

Гипотетически можно предположить, что первоначально в «притче о страдании и излечении» рассказывалось о персонажах, которые уничтожают болезни с помощью топора, косы, ножа и других острых предметов (см. «Человек плачет. Идут плотники. Они болезнь копают, пилят» (IX.1.1/A5, *болг.*) и др. [Указ.: 110]), а остальные сюжеты появились как их эволюционные ветви. На это, возможно, указывает VIII подгруппа сюжетов, в которых нет «страданий», а лишь просто рассказывается о секущих, режущих болезни девицах, парнях, плотниках, т.е. тех же персонажей, что и в притче [Указ.: 108-110]. То же самое может и делать солнце: «Солнце отсекает, сметает болезнь» (I/IV.1.1/A5, *серб.*) [Указ.: 105].

Не менее интересными в СТ A5 являются XX-XXII подгруппы восточнославянских сюжетов, в которых рассказывается о распятии Иисуса Христа, об отсечении головы Иоанну, о разрубленном святом – Артемии, Захарии, Мартыне: «Христа распинают. Он не знает боли» (XX.1.1/A5, *рус.*), «Св. Трифон, Христос и ангел. Христа распинают. Он не знает боли» (XX.1.3/A5, *рус.*), «Иоанну Крестителю отрубили голову, не было крови» (XXI.1.1/A5, *рус.*) и др. [Указ.: 127-129]. Эти сюжеты, без сомнения, восходят к каноническим и апокрифическим христианским текстам и легендам. Среди них особо выделяется сюжет «Сна Богородицы» (XX.2.1/A5), произведения, жанровый характер которого определяется больше не содержанием текста, а обстоятельствами исполнения. Мы даже испытывали определенные сомнения в целесообразности учета «Сна» при систематике заговорных сюжетов. Но использование его в качестве универсального заговорно-заклинательного текста, близость его основного сюжетного ядра (распятие Христа) к другим заговорным сюжетам, убедило нас в целесообразности учесть «Сон», пусть и в ограниченном виде, т.е. не по всем известным нам публикациям.

Если в уже рассмотренных СТ влияние христианской мифологии на заговорные сюжеты восточных и южных славян проявлялось в основном на уровне образов персонажей, отдельных локусов (церковь) и предметов (крест, риза и др.), то в данном случае мы имеем пример перенесения христианизированного сюжета в систему заговорных сюжетов. Но это перенесение произошло не на пустом месте. Систематизация убедительно показывает, что в восточнославянском ареале существует большая подгруппа сюжетов, в которых описывается, как какие-то молодцы, братья, железный муж, богатырь, стар человек, а также Христос, Егорий Храбрый, Пречистая, заговаривающий колот и секут камень, дерево, мертвое тело и даже себя, а крови и болезни нет [Указ.:

123- 126]. Вероятно, эти сюжеты более раннего происхождения, чем сюжеты о разрубленном святом, Христе и Иоанне. Последние появились и закрепились в заговорной традиции восточных славян, возможно, в качестве имеющей тот же смысл, но христианской параллели, более «преемлемой» с мировоззренческой точки зрения в условиях православия.

Мотив отсутствия крови, боли и болезней при рассечении мертвого тела или святого близок мотиву отсутствия у мертвеца и святых (а также Христа, Богородицы) вообще каких-либо болезней. Именно поэтому в СТ А5 мы включили несколько сюжетов, которые по своему «основному действию» не относятся к данной сюжетной теме, так как в них никто и никого не «уничтожает». Их персонажи просто «не болеют», или потому что уже мертвы, или по причине своих изначально чудесных свойств [Указ.: 129-137].

Кстати, оказалось, что чудесной способностью не болеть обладают не только персонажи христианской мифологии и мертвецы. Это свойство имеет гоголь, рак, щука, обитающие возле моря петух и кот, а также мать-земля, трава, «свята Ярдань» (вода) [Указ.: 137-138], что наводит на мысль о возможном существовании в более ранний период мифологических предшественников, которых эволюционно сменили никогда не болеющие христианские герои.

Сюжетная тема А6

СТ А6: 101 сюжет в XXXXVII подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение стрельбой (из лука и др.), избиением, изгнанием» (Отстреливают. Стреляют. Выбивают. Бьют. Выгоняют. Гонят. Выколачивают. Бодают. Крестьят. Перекрещивают. Высылают. Выпускают. Разносят. Уносят. Отводят. Уводят. Отправляют. Уходят. Выходят. Расходятся. Бросают. Дают камень под голову. Переселяются. Мечутся. Разлучают. Разводят. Выдают (Не принимают)).

СТ А6 является самой большой по числу включенных в нее сюжетов. Определяя семантику «основного действия», нам пришлось допустить многозначность способов уничтожения, так как оказалось, что сюжеты, «основное действие» которых можно определить только как «уничтожение объекта с помощью стрельбы (из лука и др.)» тесно связаны с сюжетами, «основное действие» которых – «уничтожение объекта избиением», а те, в свою очередь, связаны с сюжетами, где происходит «уничтожение объекта изгнанием». Вообще, данная СТ наглядно демонстрирует, что в некоторых случаях бывает довольно трудно определить, каким образом следует группировать сюжеты, чтобы были видны все их возможные эволюционные, генетические и ти-

нологические взаимосвязи. Наше исследование – лишь пример одного из возможных путей решения этого вопроса.

Возвращаясь к семантике «основного действия» отметим, что в СТ А6, как и в СТ А5 персонажи, которые его выполняют, очень жестко, если не сказать жестоко относятся со своими противниками. Но в отличие от предыдущей СТ здесь нет элемента «разрушения» (рассечения, отрезания, отпиливания и проч.). Один персонаж уничтожает другого «в целом» – убивая его стрелой, избивая прутьями, закалывая копьем, изгоняя в «пустое место».

Рассмотрим некоторые сюжеты СТ А6. Первую подгруппу сюжетов объединяет то, что ее персонажи стреляют по своим противникам из лука. Все сюжеты зафиксированы в восточнославянском ареале [Указ.:138-142]. Это делают какие-то братья, железный муж, золотой человек, кузнецы, колдуны, а также Христос, Богородица, святые. Однозначно отрицательный образ среди них только один – колдуны в сюжете «Заговаривающий и колдуны. Колдуны летят на огненной колеснице, отстреливают язык и очи» (I.7.1/А6, рус.). Колдуны вредят человеку, лишая его возможности говорить (порча дружки). Но в другой версии этого сюжета главной герой Илья Пророк уже помогает исполнителю заговора: «Заговаривающий и Илья Пророк. Илья Пророк на огненной колеснице. Он отстреливает болезни» (I.7.2/А6, рус.). [Указ.: 142].

Все христианские персонажи, как и Илья Пророк, оказывают помощь человеку, отстреливая от него болезни, порчу, уничтожая злых людей. А вот остальные, природа которых имеет языческий характер, в одинаковой степени могут как вредить, так и помогать. Все зависит от того, с какой просьбой к ним обращаются, какова функциональная направленность заговорного текста.

К первой подгруппе примыкают сюжеты, где стрелы делает и стреляет сам заговаривающий – «Заговаривающий делает стелеры, стреляет болезни» (II.1.1/А6, рус.), «Заговаривающий приходит к луку, стреляет» (II.2.1/А6, рус.), «Заговаривающий плывет по реке, стреляет стрелой» (III.1.1/А6, рус.) [Указ.: 142].

Ружье, исторически сменившее лук и стрелы, так же встречается в заговорных текстах восточных и южных славян, но значительно реже [Указ.: 446], а в СТ А6 вообще один раз – как «огненное ружье», под которым подразумевается гром и молния. Из этого ружья Святой Илья убивает Сатану (III.1.4/А6) [Указ.: 143].

Громом и молнией (в качестве их варианта может выступать туча), как орудием уничтожения, пользуются христианские герои – архангел Михаил, Илья Пророк, сам Господь. Из других персонажей в данной функции нами замечен только «заговаривающий», который на-

сылает тучи в заговорных сюжетах со змеей (в сюжетном повороте «наказание змеи») и в присушках [Указ.: 24, 30, 40, 273].

В СТ А6 мы включили сюжет «Сисиниевой легенды» (X.1.1/А6) [Указ.: 148-150]. В исследованиях А.Н.Веселовского и других авторов доказано, что этот сюжет имеет ближневосточное происхождение [Веселовский 1879-1891; Мансветов 1881; Соколов 1888]. Первоначально, как и в случае со «Сном Богородицы», мы сомневались в необходимости учета этого сюжета при систематике. Но рассмотрение материала убедила нас в необходимости сделать это, отметив хотя бы отдельные тексты, в которых он зафиксирован.

Систематизация показывает, что в южнославянских и восточнославянских традициях бытует целая подгруппа сюжетов, которые развитием своей коллизии («путешествие» злого существа, его встреча с христианскими персонажами – Богородицей, Христом и др.) напоминает «Сисиниевую легенду». Возможно, что некоторые из них возникли не без влияния этого сюжета – ср. «Христос и «Томаша». Христос ее гонит» (X.2.1/А6, *рус.*), «Арх. Михаил и «Ничыпара». Михаил будет гнать «Нечыпара» (X.2.2/А6, *бел.*), «Ангел Гавриил и болезнь. Гавриил отправляет болезнь в воду» (X.2.4/А6, *серб.*) и др. [Указ.: 150-154]. Но необходимо отметить, что если это даже и так, то до перенесения «Сисиниевой легенды» в заговорные традиции восточных и южных славян, в них, видимо, уже существовали тексты с сюжетами, в которых рассказывалось, как персонажи избивают своих противников. Ср. сюжеты: «Кузнецы выбивают молотом болезнь» (IV.1.1/А6, *бел.*), «Заря выгоняет жгутом птиц» (IV.1.2/А6, *рус.*), «Заговаривающий и месяц. Зарницы-сестрицы пугают, бьют, отворачивают злые мысли» (VI.2.1/А6, *бел.*), «Заговаривающий и курица. Курица дает заговаривающему выколачивать болезни» (VII.1.1/А6, *рус.*) и др. [Указ.: 144-145].

В нескольких сюжетах СТ А6 рассказывается, что болезни не бьют, а колют. Это могут делать ежи, заговаривающий (он имеет три головы, клювы), рогатые животные [Указ.: 154-156].

В целой серии сюжетных подгрупп развивается тема изгнания нежелательного объекта. Невозможно кратко охарактеризовать их все, так как изгнание является универсальным средством избавления от самых разных невзгод человека, и, в первую очередь, от болезней.

Сюжеты с изгнанием зафиксированы пока только в заговорных текстах, относящихся к «белой» магии, помогающей человеку. Вредоносным «словам» они, похоже, не известны, но в текстах «черной» магии встречается близкое к изгнанию действие – разлучение одного с другим. Сюжеты с этим действием зафиксированы и у южных и у восточных славян – «Заговаривающий и Сатана. Сатана разводит человека

с другим» (XXXV.1.1/A6, *рус.*), «Бел пелинче» различает заговаривающего от человека» (XXXV.2.1/A6, *серб.*) [Указ.: 173].

В целом, заключая обзор сюжетов СТ А6, отметим их большое разнообразие, широкое распространение у восточных и южных славян, при котором наряду с сюжетами, имеющими общий характер, нередко встречаются и оригинальные, видимо, сформировавшиеся в какой-то одной заговорно-заклинательной регионально-этнической традиции.

Сюжетная тема А7

СТ А7: 20 сюжетов в XIV подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение в сражении» (Нападают. Сокрушают. Побеждают. Сражаются. Гибнут. Не возвращаются. Воюют. Бьются).

В отличие от предыдущих СТ, где только один или несколько персонажей стреляют, секут, бьют других, и эти другие не сопротивляются, в СТ А7 сражаются два или более персонажей, которые как бы равноправны друг другу, но один из них все же побеждает, и, конечно, именно тот, на чьей стороне «симпатия» исполнителя. Победенный олицетворяет болезнь или нежелательное явление.

В некоторых сюжетах СТ А7 описывается поединок противников. Это или представители мира животных (ворон, орел, лебедь, змея, буйвол), или персонифицированные существа («белый» и «красный» юнак, «белый» король, «Живаче» богатырь) – «Ворон перерезает орлу крылья, клювы» (I.1.1/A7, *серб.*), «Лебедь клюет змею» (II.1.1/A7, *рус.*), «Черный буйвол дерется с красным и побеждает его» (III.1.1/A7, *болг.*), «Белый юнак» прогоняет «красного юнака» (V.1.1/A7, *серб.*), «Войско нападает на белого короля и освобождается» (VI.1.1/A7, *серб.*) [Указ.: 173-174].

Все эти сюжеты, кроме II.1.1/A7 (о лебеде и змее), принадлежат южнославянской традиции, что говорит об их распространенности в этом регионе. Описанные в них поединки богатырей напоминают эпизоды эпических песен. Неслучайно поэтому у южных славян в одном из сюжетов появились настоящие герои эпоса – Королевич Марко и Дели Муса (VII.1.1/A7, *серб.*).

Упоминаемые в русской заговорной традиции герои были не совершают подвигов, как в сербском *басме* от «намере» (см. Илья Муромец в заговоре [Азадовский 1914: 08]), но, возможно, у восточных славян все же были сюжеты о единоборстве богатырей, судя по сюжету, рассказывающем о царе Давиде, сокрушающем землю и богатырей (VIII.1.1/A7, *бел., укр.*) [Указ.: 174-175].

По другим версиям этого сюжета Давид и др. не только сокращает, смиряет воду, землю, болезни и злых людей, но и скрепляет небо и

землю [Указ.: 175-176]. Именно поэтому мы посчитали возможным в данную СТ, в одну подгруппу с сюжетами о Давиде поставить сюжеты об устройении, основании и укреплении земли, хотя в них совершенно иное «основное действие».

Тема войны, сражения, как показывает систематизация материала в большей степени распространена в южнославянском регионе. Так здесь сформировалась подгруппа сюжетов о походе в армию, на войну, после которой один из персонажей (олицетворяющий болезнь) не возвращается – «Болезнь и др. идут в армию. Болезнь гибнет» (XII.1.1/A7, *серб.*), «Улитка и крот идут в армию. Улитка гибнет» (XII.1.3/A7, *серб.*) и другие [Указ.: 177-178].

Война встретила и в сюжетах восточных славян, но лишь один раз и то в виде угрозы некоего «Архана», который хвалится на Руси побывать и воевать – I/XIII.1.1/A7 (*рус.*) [Указ.: 179].

Сюжетная тема А8

СТ А8: 32 сюжета в XVI подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение объекта с помощью слова, произнесение слова» (Выговаривают. Заговаривают. Уговаривают. Шепчут. Дают «слово». Молят. Читают. Пишут. Поют).

Использование магических слов как особых инструментов действия в сюжетике заговорно-заклинательных текстов восточных и южных славян встречается часто. Поэтому, исходя из материала, мы посчитали необходимым выделить отдельную СТ, в которой персонажи для уничтожения своих врагов или болезней «применяют» магию слова.

Подавляющее большинство текстов, в которых зафиксированы сюжеты СТ А8, имеют лечебную направленность. Избавляют от болезней с помощью слова не только заговаривающий, но и другие персонажи – бабки, девицы, Марья-царевна, три старика, а также, конечно, Богородица, Христос и святые [Указ.: 179-184].

Из представителей животного мира, бессловесных в человеческом смысле существ, «заговаривать» могут птицы. При этом интересно, что именно в этом случае отмечены сюжеты, в которых «заговаривание» производится не во благо, а во вред человеку: сюжет «Вороны заговаривают [портят] ружье» (VII.1.3/A8, *бел.*) [Указ.: 184-185].

Птицы, кстати, единственные представители животного мира, которые в заговорах обладают способностью своим «словом» влиять на болезни и человека. Без сомнения здесь отразились представления о птичьем языке, которые были широко распространены у славян [Гура 1997: 529, 614, 630, 650, 660, 736], и круг верований, связанный с той

или иной птицей, встречающейся в сюжетах СТ А8 – ворон, петух, соловей, сороки, сокол [там же: 527-732].

Чаще других птиц в СТ А8 встречается петух – сюжеты «Петух встает, поет» (XV.1.1/А8, *рус., бел., серб.*), «Петух поет, звук (колокол) звучит на небе» (XV.2.1/А8, *серб.*), «Петух поет, голос доходит до Бога» (XV.2.2/А8), «Петух поет, рассветает» (XV.2.3/А8, *серб.*) [Указ.: 187-188]. Это, конечно, обусловлено славянскими поверьями о связи петуха с божественной силой, о его способности только одним голосом прогнать зло [Афанасьев 1865-1869, 1: 518-520].

В одном из сербских текстов с сюжетом о петухе встретилось еще одно животное, которое подает свой голос – волк: сюжет «Волк воет в лесу» (XVI.1.1/А8, *серб.*) [Указ.: 188]. Его появление у южных славян, видимо, связано с тем, что упоминание волка нередко служило оберегом [Гура 1997: 155]. Правда волк воет, что повсеместно у славян считалось неблагоприятной приметой. В данном случае вой волка не имеет отрицательного значения для больного человека. Это или дополнительная образно-поэтическая параллель к действиям петуха (если петух поет, то упоминаемый волк должен выть), или скрытое предупреждение о гибели болезни (ср. рассмотренные выше сюжеты СТ А4, где волки поедают болезнь).

Как известно, заговорный фольклор у восточных славян имеет две формы бытования – устную и письменную. Они изначально предполагают два типа реализации слова – произнесение и чтение, хотя в реальной практике, судя по имеющимся материалам, лишь незначительное число текстов магического характера именно зачитывалось, а не произносилось, к примеру, пастушьи отпуски на Русском Севере [Бобров, Финченко 1986: 156, 158]. Письменная форма бытования заговоров была тесно связана с христианской традицией, с практикой фиксации на письме молитвенных текстов. К тому же, в среде носителей заговорно-заклинательного фольклора молитва и, видимо, тексты Священного Писания признавались в качестве дополнительных или альтернативных средств магии. Все это, так или иначе, нашло отражение в сюжете заговорных текстов: «Заговаривающий читает молитву, исцеляет человека» (X.1.1/А8, *рус.*), «Заговаривающий и изображения Христа с евангелистами. Заговаривающий молится» (X.2.1/А8, *рус.*), «Заговаривающий молит Бога дать счастливую дорогу» (X.3.1/А8, *бел.*), «Девы читают, уговаривают болезнь» (XI.1.1/А8, *бел.*), «Заговаривающий выговаривает болезни, девы читают и разносят ее» (XI.2.1/А8, *бел.*), «Богородица (святой и др.) читает Евангелие (книги)» (XII.1.1/А8, *рус., бел.*), «Человек читает Евангелие» (XII.1.4/А8, *рус.*) и др. [Указ.: 185-187].

Характерно, что эти сюжеты зафиксированы только в восточнославянском ареале, у южных славян отмечен лишь один, в котором дед

и баба молятся Богу, т.е. произносят или читают молитву – IX.1.1/A8 (серб.) [Указ.: 185].

Таким образом, в определенной степени в сюжетах СТ А8 произошло осмысление действительности магического слова и жанрового характера магического фольклора.

Сюжетная тема А9

СТ А9: 19 сюжетов в IV подгруппах.

Семантика «основного действия»: «существование (рождение) – исчезновение, метаморфоза» (Уменьшаются. Исчезают. Кажутся. Превращаются).

Самую большую подгруппу здесь составляют сюжеты, которые зафиксированы в так называемых счетных заговорах: «Девять баб, дедов, ни одного» (I.4.2/A9, бел.), «Девять червей, ни одного» (I.4.3/A9, рус., укр.), «У болезни девять глаз, ни одного» (I.7.1/A9, серб.) и др. [Указ.: 188-192].

Систематизация материала показывает, что эти сюжеты широко известны у восточных и южных славян. В трех из них – «У болезни (царя и др.) девять жен (мужей), ни одной» (I.1.1/A9, рус., бел., укр., болг.), «У болезни (царя и др.) девять детей, ни одного» (I.2.1/A9, рус., бел., серб., болг.), «Девять (двенадцать) болезней, ни одной» (I.4.1/A9, рус., укр., серб.) мы обнаруживаем сюжетные схождения на уровне редакций. Характерно, что они очень просты по характеру развития действия, возможно, данные сюжеты бытовали уже в период праславянской общности.

Интересно, что в каждой регионально-этнической традиции на их основе были созданы новые сюжеты: «Заговаривающий и «Ирод-муж». У «Ирода-мужа» девять жен, ни одной» (I.1.3/A9, рус.), «Заговаривающий и девять Адамовых сыновей, ни одной» (I.2.2/A9, рус.) – у восточных славян; «Девять болезней, одна остается, ее клюют и др» (I.10.1/A9, серб.), «Пасут девять коз, наполняют девять ведер, ни одной не остается» (I.11.2/A9, серб.) – у южных [Указ.: 189, 191, 192]. Становление этих новых сюжетов произошло под влиянием других сюжетных подгрупп. В восточнославянские тексты (а точнее в русские) добавлен эпизод выхода заговаривающего из дома. В сербских *басме* произошла контаминация счетного сюжета с другими: с сюжетом о курице и цыплятах, которые клюют болезни (см. [Указ.: 86]) и сюжетом о пастухе, который пасет овец и доит молоко (см. [Указ.: 100]).

Еще одна подгруппа сюжетов, большинство из которых рассказывают о рождении ребенка-болезни, который меньше макового зерна, т.е. совершенно невидим, относится в подавляющем большинстве к южнославянскому региону [Указ.: 193]. Единственный восточносла-

вянский сюжет, который можно лишь условно отнести сюда, так как он повествует о рождении болезни от «Евы» на камне в море, но в нем нет сравнения ребенка-«удара» с маковым зерном, имеет белорусское происхождение – I/III.4.1/A9 [Указ.: 194]⁹. Окончание данного сюжета сходно с сюжетами СТ В2 (привлечение едой), но мы все же решили поместить его в СТ А9, так как здесь представлены мотивы рождения персонажей.

Все отмеченные нами сюжеты СТ А9 зафиксированы в текстах лечебной направленности, кроме II подгруппы, где развивается мотив не просто исчезновения, а метаморфозы, при которой животные кажутся разными предметами или превращаются в них – II.1.1/A9 (*бел.*) [Указ.: 192].

Метаморфоза, изменение облика – часто используемый мотив в заговорных текстах, в том числе и неблагоприятной направленности¹⁰, может иметь разные функции. В белорусских заговорах на скотину изменение облика доведено до такой степени, что животные как бы исчезают совсем, становясь объектами неживой природы. Что-либо подобного в других заговорных сюжетах не замечено.

Сюжетна тема А10

СТ А10: 17 сюжетов в XI подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение преграды» (Отмыкают. Отпирают. Выпускают. Открывают. Ломают замки. Отворяют).

«Преграда» в сюжетах СТ А10 – это двери, ворота, ограда. Внутреннюю «преграду» имеют разные «закрытые» предметы и объекты (ружье, сундуки, церковь, живот женщины, утроба коровы, горы, море, земля, рай), которые требуется «открыть», чтобы они стали функционировать или выпустили кого-то, что-то (младенца, рыбу, молоко и проч.).

Открывают преграду, замкнутую на замки, обычно, с помощью ключей. Это делают заря, река, девицы, царица Елена, Богородица, святые. В одном белорусском сюжете, имеющем две редакции – «Девицы зовут Христа, ломают замки» (V.7.1/A10), «Христос возносится на небо, все замки ломает» (V.7.2/A10) – замки не открывают, а ломают [Указ.: 197].

Южнославянских сюжетов в СТ А10 всего три – IV.1.1/A10, VIII.1.1/A10, IX.1.1/A10 [Указ.: 194, 197-198]. Первый зафиксирован

⁹ При систематизации мы не учитывали повсеместно распространенные простые заговорные формулы типа «будь, как маковое зерно».

¹⁰ Ср. в заговоре на разлуку «...*На котю сидит чертуха, она космата, она волосаты, она соплива, она ноздрива. Вот так же бы (такая-то) каталась рабу Божию – космата, волосати, соплива, ноздрива*» [РЗ 1998: № 867].

в сербском *басме* от уроков. В нем рассказывается о том, как сам «Урок» идет через село и всем помогает: родить женщине, отелиться корове и проч. Третий сюжет о Христе, Деве Марии и св. Петре, которому Христос дал ключи отворить рай, имеет христианские мотивы. Наибольший интерес, как нам видится, представляет второй из указанных южнославянских сюжетов о «кривом» деде, который строит ограду для болезни, и человеку, который ломает эту ограду, так как здесь описывается не только устранение преграды, но и то, каким образом она была сделана. Это один из редких примеров совмещения в одном сюжете двух противоположно направленных действий. Кстати, строительство тюрьмы для болезней известно южным славянам и как отдельный сюжет, отнесенный нами в СТ В6 (см. [Указ.: 321]).

В функциональном отношении тексты, в которых зафиксированы сюжеты СТ А10 очень разнообразны. Среди них не только заговоры лечебные, на хорошие роды, но и обереги, хозяйственные, на рыбную ловлю, на ведение скотины, на удой молока. К данной СТ мы отнесли также два сюжета из русских заговорных текстов, которые произносили при поиске кладов: «Ползет змей «Полоз», на нем три короны. Заговаривающий открывает клады» (X.1.1/А10), «Благовест в монастыре. От звона открываются клады» (XI.1.1/А10) [Указ.: 198]. Первый необычен тем, что он осложнен змееборческим мотивом. Здесь в качестве героя, убивающего змея, перед тем как отомкнуть «поклажи», выступает сам заговаривающий. О связи змей с подземным миром, о существовании поверий у славян о том, что змеи охраняют клады, известно хорошо, и данный заговор отражает эти поверья [Гура 1997: 324-325]. Кроме того, сюжет, видимо, имеет и какие-то эпические истоки. Во втором сюжете в качестве силы, от которой падают «приставники» и открываются лежащие в земле сокровища, выступает колокольный звон. Это напоминает нам уже отмеченные выше южнославянские сюжеты СТ А8, где звон колокола вместе с голосом петуха отгоняет болезни.

Сюжетная тема А11

СТ А11: 5 сюжетов в V подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение преграды для воды» (Пускают воду. Проливают. Разливают. Опрокидывают).

СТ А11 оказалась самой малочисленной при систематике сюжетов и сюжетных ситуаций. Семантика ее «основного действия» показывает, что между сюжетами СТ А11 и СТ А10 есть некоторое сходство.

Интерес представляют следующие сюжеты СТ А11 – «Три девицы пускают воду» (I.1.1/А11, *серб.*), «Богородица пускает реки, моло-

ко» (III.1.1/A11 *рус.*), «Крещеная и некрещеное. Крещеная пускае «гала» (III.1.1/A11 *бел.*) [Указ.: 198]. Они зафиксированы в разных славянских регионах – в Сербии, Белоруссии, в Костромской губ. России, но между ними есть определенная связь. Во-первых, в функциональном отношении. Каждый из заговорных текстов с данными сюжетами должен был помочь нормально функционировать живому организму: сербский и белорусский при нарушении естественных отправлений человека, русский – при нарушении дойности коровы. Особенно близки между собой первый и второй сюжеты. Возможно, они эволюционно связаны между собой. На это указывает функциональная близость персонажей: три девицы и Богородица повелевают водой, пускают ее «старым руслом» (в сербском тексте), «из-под камня» (в русском); и сходстве мест обитания персонажей – возле воды. Южнославянское *басме*, на наш взгляд, отражает более ранний этап развития данного сюжета. Третий сюжет по своей структуре напоминает сюжеты о встрече и разговоре святого со злым существом, которое идет вредить человеку (типа «Сисиниевой легенды», см. [Указ.: 148-154]. Правда, в отличие от многих из них, где святой гонит, уничтожает вредоносного персонажа, здесь «крещеная» исправляет то зло, которое было сделано «некрещеным» – пускает «гала». В этом смысле по своему характеру данный сюжет занимает промежуточное положение между сюжетами о святом, встречающем и изгоняющем демоническое существо, и сюжетами, в которых рассказывается о нанесении зла и его ликвидации (см. выше в СТ А10 сюжет о «кривом» деде, закрывающем болезнь).

Следующий сюжет, зафиксированный в пяти версиях рассказывает о персонажах, которые несли и пролили воду – «Пан (Данила) везет воду и проливает» (IV.1.1/A11, *бел.*), «Пан (дьякон) несет воду и проливает» (IV.1.2/A11, *укр., бел.*), «Баба несет воду и проливает» (IV.1.3/A11 *рус., укр., бел.*) [Указ.: 199]. Он, как видно из систематики, свойственен заговорам от крови и лишь в одном случае зафиксирован в тексте, который произносили, когда требовалось прекратить боль. Впрочем, здесь могла произойти незначительная функциональная модификация: «от крови» → «от крови и боли при ране» → «от боли».

Региональное распространение сюжета показывает, что он был широко известен на Украине и в Белоруссии. Его русские версии зафиксированы пока только в Кировской обл. Одна из особенностей сюжета состоит в том, что в нем какая-то недосказанность, так как описывается лишь проливание «воды-крови», а не ее «остановка», хотя именно это последнее было целью произнесения заговорного текста. Обращение непосредственно к текстам с этим сюжетом помогает разобраться в этом несоответствии. Многие из них имеют такой вид: «*Несла баба воду, зачепілась за калоду. Вада разлилася – каб кроу запяклася*» [Барташевич 1992: № 462].

Проливание воды персонажем (бабкой, девкой, паном и проч.), который *де-то* идет и спотыкается, соотносится с остановкой крови у человека. В построении этого текста большая роль принадлежит рифме, ритмике, как и во многих других восточнославянских заговорах. И из текстов нам неясно, какие это персонажи и где они находятся. Но можно предположить, что проливание воды происходит в *ином* мире, противоположном *этому*, где кровь течет у «настоящего» человека: проливание «воды» *там* останавливает «воду-кровь» *здесь*.

Последний сюжет СТ А11, рассказывающих о чернеце и греке, проливающих мед-вино/пиво в кашу, зафиксирован в двух украинских текстах «на хорошую кашу», которые входят в редкую функциональную подгруппу кулинарной направленности – V.1.1/A11, V.1.2/A11 [Указ.: 199-200].

Этот сюжет имеет явное сходство с предыдущим, но они вряд ли эволюционно связаны друг с другом, хотя, в принципе, этого нельзя исключать.

Сюжетная тема А12

СТ А12: 41 сюжет в XVIII подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение объекта как некоего целого через его разламывание, разбивание» (Ломают. Свихивают. Рвутся. Срываются. Лопаются. Разбиваются. Рассыпаются. Раскалываются. Теряют. Падают. Скидывают. Разбегаются. Раскатываются. Сбрасывают).

Персонажи сюжетов СТ А12 ломают мосты, трости, камни, тыквы, рвут веревки, рассыпают деньги, зерно, раскидывают вещи, гнезда и т.д.

Некоторые из сюжетов, которые мы отнесли к I подгруппе, а именно о Христе или святом, который едет на коне, и этот конь свихивает ногу (I.3.1/A12–I.3.4/A12, I.4.1/A12–I.4.4/A12, I.5.1/A12–I.5.7/A12, I.6.1/A12–I.6.4/A12, I.7.1/A12, *рус., укр., бел.*) [Указ.: 200-205], неоднократно привлекали внимание исследователей заговорно-заклинательных традиций.

Одним из первых в русской науке к нему обратился [Буслаев 1861], который показал, что сюжет был известен у европейских народов еще в дохристианскую эпоху. Работы других авторов в целом подтверждают выводы ученого (см. [Топоров 1969]).

Систематизация материала позволяет обратить внимание на одну существенную деталь – во многих сюжетах, отнесенных к I и II подгруппам СТ А12, эволюционно связанных между собой, события разворачиваются на мосту. Является ли это особенностью текстов восточнославянского ареала или это один из архаичных элементов данного

сюжета, который сохранился у восточных славян, можно только выяснить после детального исследования других индоевропейских заговорных традиций¹¹. Во всяком случае, белорусские тексты показывают, что причиной вывиха ноги у коня, на котором едет святой, является поломка моста. Именно данное обстоятельство позволило нам отнести несколько версий сюжета в СТ 12, хотя, видимо, это и не совсем верно, и их место в другой сюжетной теме, а именно в СТ В8, которая будет рассмотрена нами ниже¹².

В русских заговорах от крови часто встречается сюжет, рассказывающий о персонаже (старике, старухе, девице, бабе), ведущем животное (быка, корову, собаку) – III.1.1/A12–III.1.5/A12 [Указ.: 207]. В разных его версиях события развиваются в двух направлениях. Если животное ведут на веревке (нитке), то она рвется; если о веревке (нитке) ничего не сказано, то с животным что-то случается (оно останавливается, падает, пропадает). Ритмический, стихотворный характер организации текстов с данным сюжетом¹³, видимо, способствовал тому, что ими обучали детей заговаривать кровь. Тем не менее, это вряд ли дает основание определять их как «детские» (см. [Коровашко 1997: 94]. Сопоставление со следующими сюжетами, имеющими южнославянское происхождение – «Болезнь несет тыкву. Тыква падает, [лопается]» (VI.1.1/A12, *серб.*), «Старец (дядька) несет тыкву. Тыква лопается» (VI.1.2/A12, *болг.*), «Мышь (собака) несет тыкву. Тыква лопается» (VI.1.3/A12, *серб., болг.*) [Указ.: 209] показывает, что у восточных и южных славян в заговорах существует некоторая зависимость между определенными видами животных и предметами, которые рвутся, лопаются, ломаются. В данном случае: собака/мышь – веревка/нитка/тыква.

Другой пример подобной зависимости представлен в следующей подгруппе сюжетов СТ А12, которые зафиксированы как у восточных, так и у южных славян – «Летит «жаба», ударяется о камень, разбивает его» (VII.1.1/A12, *бел.*), «Цыплята падают на дорогу. Дорога рассыпается» (VII.2.2/A12, *серб.*), «Морской» петух становится на камни. Они рассыпаются» (VII.2.3/A12, *рус.*), «Птица несет змею, от нее капает яд. Камни раскалываются» (VII.3.2/A12, *болг.*) и др. [Указ.: 210-212]. В

¹¹ Систематизация материала показывает, что мост, как локус действия в данном сюжете, имеет определенное региональное распространение: у восточных славян он характерен, прежде всего, для белорусской заговорно-заклинательной традиции.

¹² Из других наших неочинностей отметим еще одну. Сюжеты IV.1.1/A12 и IV.2.1/A12 необходимо переместить в предыдущую сюжетную тему (СТ А11), так как в них «проливается» «вода» (во втором, видимо, опущен этот элемент сюжета, заговор был записан студентом Дальневосточного университета в 20-х гг., который мог из этических соображений зафиксировать его не полностью) [Георгиевский 1926: № 27].

¹³ Глаголы «оборвалась», «порвалась», «сорвалась» рифмуются со словами «кровь унялась»; глаголы «упала», «пропала» и др. – со словами «кровь встала». Ср. с заговорами от крови с другим сюжетом, где присутствует рифма «нитка оборвалась – кровь унялась» [Указ.: 285-286], откуда она, вероятнее всего, и попала в эти сюжеты.

этих сюжетах несколько иной круг персонажей и предметов, которые ломаются из-за них: птицы/змеи/жаба/сука со щенятами/курица с цыплятами – камень/дорога.

Разламывание, разрушение предметов соотносится с уничтожением какого-то состояния или нежелательной ситуации, что является одной из реализаций заговорно-заклинательной формулы «как происходит одно, так происходит и другое», осложненное в некоторых случаях влиянием иных заговорных сюжетов.

Обратим внимание еще на XVIII подгруппу сюжетов, которая показывает, что тексты одной регионально-этнической традиции могут помочь выявить глубинный смысл текстов другой, родственной ей традиции.

В конце XIX века Е.Р.Романовым в Могилевской губ. был записан заговорный текст от болезни «селезень». В нем рассказывается о том, как сокол прилетел к дереву на острове и свил на нем гнездо, но его сбрасывает орел – XVIII.2.1/A12. Версия этого сюжета о соловье, которому невозможно свить гнезда и вывести детей, был зафиксирован в Гомельской обл. уже в наши дни в *замове* от испуга – XVIII.2.2/A12 [Указ.: 214].

Указанный белорусский сюжет проясняет сербское *басме* от болезни глаз, рассказывающей о болезни, которая падает на глаза человека, но не может свить гнезда и снести яйца, так как знахарь гнездо развалит, а яйца разобьет – XVIII.1.1/A12. У восточных славян, видимо, произошла метафорическая замена образа болезни птицей, что в конце концов привело к созданию нового сюжета.

Сюжетная тема A13

СТ A13: 29 сюжетов в XX подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение болезней растением», «уничтожение (собираение, вырывание) растения» (Ищут растение. Несут траву. Давят поле. Собирают растение. Садят растение, чтобы собирать. Рубят дерево).

В народной медицине славянских народов различные травы, цветы, листья и ветви деревьев, кустарников находили самое активное применение (см. [Шапкарёв 1894; Болонев 1994: 80-95; Макаренко 1897; Виноградов 1915] и др.). Именно поэтому, на наш взгляд, как и в случае с водой (СТ A3), заговариванием (СТ A8), использование растений при лечении болезней, процессы собиранья трав и их выращивания нашли широкое отражение с заговорной сюжетике восточных и южных славян.

Известный нам сюжет восточнославянских заговорных текстов, которые произносили при собираньи трав (а также при лечении неко-

торых болезней), рассказывает о Богородице, Христе, святых, о том, как они сажают, ухаживают за растениями, копают их сами или благословляют рвать заговаривающего (VII.1.1/A13, *рус., бел., укр.*) [Указ.: 216-217]. В этом сюжете говорится о христианских персонажах, но он, видимо, является одной из поздних форм архаичной «притчи о растении», повествующей о посадке, сборе и обработке растений, широко известной по многим фольклорным жанрам (см. [Толстой 1994]), в том числе и по заговорным текстам восточных и южных славян – «Человек» сеет и собирает пшеницу, делает лепешку, ее съедают» (V.1.2/A13, *серб.*), «Человек» и Богородицы. «Человек» сеет и собирает пшеницу, делает лепешку, ее съедают» (V.2.1/A13, *серб.*), «Знахарка [заговаривающий] косит, жнет болезни и раскидывает» (V.3.1/A13, *серб.*), «Лен сеют, обрабатывают, ткнут рубашку» (VI.1.1/A13, *серб.*) и другие [Указ.: 215-216].

Характерно, что персонажи, относящиеся к миру животных (вепрь, конь), не сажают и не собирают, а просто ищут траву, корень от болезней – I.1.1/A13, I.1.2/A13 (*бел.*) [Указ.: 214]:

Со всеми этими сюжетами при систематизации сопоставляется подгруппа сюжетов о поиске трав, срывании цветов и других растений, которыми помогают больному – IX.1.1/A13, IX.2.1/A13–IX.2.6/A13, IX.3.1/A13–IX.3.8/A13, IX.4.1/A13–IX.4.3/A13 [Указ.: 217-220]. Здесь обнаружено два схождения на уровне редакций – сюжет «Девы ищут, собирают травы» (IX.2.1/A13, *рус., укр., бел., серб.*), «Заговаривающий, Господь и Мать Пречистая. Господь и Мать Пречистая ищут траву от болезней» (IX.3.4/A13, *бел., серб.*), что может указывать на архаичный характер сюжетов IX подгруппы.

Сюжетная тема А14

СТ А14: 17 сюжетов в XII подгруппах.

Семантика «основного действия»: «уничтожение огня» (Студят человека. Гасят огонь. Не раскидывают искр. Не жгут).

Огонь – один из первоэлементов мира по представлениям древних народов – встречается в заговорных сюжетах и как самостоятельный персонаж, и как средство, инструмент, которым пользуются герои заговорных текстов. Общеизвестно, что к огню было двойственное отношение: от него ждали и помощи, и вреда. Если огонь приносил несчастье, то, естественно, его пытались уничтожить, потушить. В СТ А14 мы включили сюжеты, в которых отражена именно такая ситуация.

Первый сюжет СТ А14 рассказывает о ледяном царе (муже) – «Заговаривающий и ледяной царь. Ледяной царь студит человека» (I.1.1/A14, *рус.*), «Заговаривающий и ледяной муж. Слуги ледяного

мужа веют ветром, остужают человека» (I.1.2/A14, рус.) [Указ.: 223]. Его герой студит «огонь любви», горящий в сердце человека, понимаемый, впрочем, носителями заговорной традиции вполне конкретно, если судить по некоторым сюжетам СТ В12, которым данный сюжет противопоставлен [Указ.: 350].

Образ ледяного царя, способного уничтожить огонь, встречается только в сюжетах русских заговоров на «остуду». В текстах других функциональных подгрупп это делают иные персонажи – девицы, Божья Мать, святые, орел, заговаривающий, вода. «Огонь» в них – это и собственно пламя (в заговорах от пожара) и различные виды недугов, в первую очередь связанные с заболеваниями кожи [Указ.: 223-227].

Одна из наиболее интересных подгрупп в СТ А12 включает в себя сюжеты о существах (змее, волке, «уроке»), имеющих две части тела, одно из которых огненное, а другое водяное – «Змея с огненным и водяным глазом, водяной лопается, гасит огненный» (VII.1.1/A14, рус., серб., болг.), «У «урока» водяной глаз гасит огненный» (VII.2.1/A14, серб., болг.), «У волка двое «муд», водяное гасит огненное» (VII.3.1/A14, серб., болг.) [Указ.: 225-226]. Систематизация материала показывает, что эти сюжеты широко распространены у южных славян. Нам известно только две его восточнославянские фиксации в Кемеровской обл. и на Украине (см. о них подробнее стр. 133-134).

Сюжетная тема А15

СТ А15: 14 сюжетов в VII подгруппах.

Семантика «основного действия»: «отсутствие дружественных отношений, привязанности одного к другому» (Дерутся друг с другом. Не сходятся друг с другом. Не держатся на чем-либо. Скатываются с чего-либо).

В сюжетах I подгруппы рассказывается о том, как между собой дерутся зверь и змей, черт и чертиха, кошка и собака, лев и львица, две змеи – I.1.1/A15, I.2.1/A15–I.2.3/A15, I.3.1/A15, I.4.1/A15, I.5.1/A15, I.6.1/A15 [Указ.: 227-229]. Мы уже встречались с некоторыми сюжетами (см. СТ А7), в которых происходит бой, драка между персонажами. В отличие от них в СТ А15 нет «физического» уничтожения или изгнания какого-либо участника конфликта. Кроме этого, если в СТ А7, как мы отмечали, одному из персонажей сюжета исполнитель «симпатизирует», и именно тому, кто защищает его, сражается со злом, то в СТ А15 дерущиеся стороны равноценны для него. Все эти сюжеты принадлежат русской заговорной традиции, они зафиксированы только в

текстах, с помощью которых пытались изменить отношения между двумя любящими друг друга людьми.¹⁴

Отдельную подгруппу СТ А15 составляют сюжеты, где рассказывается о трех (двух, двенадцати) братьях (царях), которые вместе не сходятся – III.1.1/A15–III.1.3/A15, III.2.1/A15–III.2.4/A15 [Указ.: 229–232]. Эти сюжеты, известные у восточных славян повсеместно, как правило, встречаются в заговорах от зубной боли, но они могут употребляться и в текстах другой функциональной направленности: в лечебных (от чемера, потницы, скулы, уроков, звиха, ляка), в предохранительных (от змей, от волков).

Единственная южнославянская фиксация сюжета «Не сходятся три царя (три брата и др.)» (III.1.1/A15) [Указ.: 229–231] известна нам по публикации Л.Раденковича:

*«Стар вук у гори,
а рак на води
и риба у води;
кад се троје састало,
онда се уроци повратили»*
[Раденкович 1982: № 530]

Это басме от уроков записано в конце XIX века и может представлять оригинальную южнославянскую редакцию данного сюжета. На это указывает персонификация уроков-болезней, которые могут «вернуться».¹⁵ Впрочем, здесь необходимы дополнительные разыскания, не исключено, что сюжет мог быть занесен в Сербия и из России.

Еще один сюжет СТ А15, на который стоит обратить внимание, так как он показывает один из путей эволюции заговорных сюжетов в русской традиции, рассказывает о птице (гоголе, гусе, лебеде и др.), на которой не держится вода VI.1.1/A15, VI.1.2/A15 [Указ.: 233]. Первая версия сюжета, как правило, бытует в контаминированном виде с другими сюжетами, и она, вероятнее всего, достаточно ранняя. С возникновением в русской традиции эпического вступления «Встану благо-

¹⁴ Нам известен только один украинский текст с сюжетом из этой подгруппы, а именно «Черт и вол не сходятся» (I.3.1/A15) из сборника «Ви, зорі-зоричі...»: «Чорт іде водою, вовк іде горою. Вони в купу не сходяться, думи не думать, плодів не плодять, плодоях річей не говорять. Так і Грицько із своєю жінкою щоб думи не думали, плодів не плодили, плодоях байок не говорили, а щоб так, як кіт із собакою, жили!» [Василенко, Шевчук 1991: 236]. Украинский текст дословно совпадает с заговором из собрания П.С.Ефименко. Ср. «Черт идет водою, волк идет горой, они вместе не сходятся, думы не думают, мыслей не мыслят, плоду не плодят, плодоях речей не говорят. Так бы и рабы божии (такие-то) мысли не мыслили, плоду не плодили, плодоях речей не говорили, а все бы как кошка да собака жили» [Ефименко, 1878: 145. № 25]. Возможно, перед нами явление вторичной фольклоризации. Источником для украинского текста могла стать какая-либо перепечатка пинежского заговора, к примеру из популярного сборника [Забиллин 1880: 320].

¹⁵ Ср. характерные для южнославянских текстов персонифицированные образы урока: «Урок сједи на прагу, урочица под прагом...» [Раденкович 1982. № 507], «Завишть уроци, беште по потоци!...» [там же, № 532], «Прође урок приз соло, китици му на мезо...» [там же, № 538].

слова, выйду перекрестясь ...»,¹⁶ которое стало присоединяться к сюжетам самого разного содержания, появилась новая версия. Такое сюжетообразование было очень характерно для русской заговорной традиции (см. стр. 146-147)

Сюжетная тема А16

СТ А16: 14 сюжетов в X подгруппах.

Семантика «основного действия»: «насильственное подчинение» (Боятся. Пугают. Повелевают. Поклоняются).

Определение семантики «основного действия» в данном случае имеет самый общий характер. В СТ А16 одни персонажи уничтожают «волю» других. Под «волей» здесь понимается стремление и возможность возражать, не бояться и не покоряться кому-либо.

Персонажи I подгруппы сюжетов – змей и змея, которых все боятся: «Змей без хвоста и головы. Его боятся» (I.1.1/A16, рус.), «Заговаривающий и огненный змей. Огненного змея все боятся» (I.2.1/A16, рус.), «Змея ползет, людей кусает. [Ее боятся]» (I.3.1/A16, рус.) [Указ.: 235]. Эти сюжеты, хотя и зафиксированы в текстах с различной функциональной направленностью («отсушки», на разгон свадебного поезда), в разное время и в удаленных друг от друга регионах (Кировская обл., Иркутская губ и Забайкальская обл.), эволюционно связаны между собой. На это указывает образ главного персонажа – змей (змея), его устрашающий вид и действия, отнесение всех трех заговоров к разряду «черных». В то же время каждый из сюжетов имеет свои особенности, которые связывают их с иными сюжетами и сюжетными подгруппами. Так в первом сюжете образ змея «без хвоста, без головы» напоминает нам персонажей в СТ А4, которые не имеют крыльев, рук, ног, клюва и т.д. Второй сюжет по своему вступлению – это типичная «присушка», в которой огненный змей разжигает любовную страсть у человека (см. [Указ.: 347]). Третий близок рассмотренным выше сюжетам СТ А15, где два персонажа дерутся между собой (см. [Указ.: 227-229], особенно – «Заговаривающий и две змеи. Змеи дерутся» (I/1.5.1/A15, рус.)).

Все это демонстрирует сложные сюжетные взаимодействия, которые могут происходить в заговорно-заклинательном жанре в течение долгого периода бытования тестов.

В одной из наиболее интересных подгрупп в СТ А16 представлены сюжеты, рассказывающие о «враге» или заговаривающем, который едет на звере (волке, медведе, льве, змее) – VII.1.1/A16, VII.2.1/A16–VII.2.3/A16 [Указ.: 235]. Они распространены в украинско-белорусском регионе и в основном встречаются в текстах «на суд», но

¹⁶ Исследователи, в частности [Смирнов 1988], считают что данное эпическое вступление является относительно поздним в восточнославянской традиции, т.к. его бытование ареально ограничено северно-русским, сибирским и отчасти белорусским регионами.

регионе и в основном встречаются в текстах «на суд», но также зафиксированы и в заговорах с другими функциями – «чтоб начальство сердилось», «на сохранение любви», от «нарадки» (болезнь). Заговаривающий здесь представлен как повелитель зверей, который обладает способностью подчинить их себе. Эта способность «используется» им и в отношении людей и болезней. Среди других повелителей в сюжетах СТ А16 мы встречаем «стратим-птицу», Царь огонь, ворона – «Все покоряются «стратим-птице» (VIII.1.1/A16, *рус.*), «Заговаривающий и ворон. Ворон всеми повелевает» (VIII.2.1/A16, *бел.*), «Серп покоряется огню» (IX.1.1/A16, *рус.*) [Указ.: 235–236].

Существование образов повелителей в заговорно-заклинательных текстах восточных славян, как и в других, уже рассмотренных нами случаях, способствовало перенесению в нее сюжетов из других фольклорных жанров. В СТ А16 мы имеем три особо показательных случая. Первые два связаны с сюжетикой библейских и апокрифических легенд о Логине сотнике и Фараоне, воздавшем честь Якову и Иосифу – III.1.1/A16, V.1.1/A16 (*рус.*) [Указ.: 234]. Второй – с сюжетом духовного стиха о Голубиной книге, так как в заговоре от уроков рассказывается, что «Васиян» трава – всем травам мать, «Купорэс» дерево – всем деревьям мать, «Салтан» река – всем рекам мать – X.1.1/A16 (*бел.*) [Указ.: 236].

Характерно при этом, что если первый случай – пересказ сюжетов в заговорных текстах, то второй – цитирование источника. Последнее стало возможно не только благодаря общности характера поэтической речи в заговорах и духовных стихах, но и сходности мировоззренческой основе заговорного жанра и «Голубиной книги» [Топоров 1993: 57–68].

Описание включенных в первую (А) группу и распределенных в ней по 16-ти сюжетным темам (СТ А1–СТ А16) заговорных сюжетов и сюжетных ситуаций, несмотря на свою вынужденную краткость, показывает, что при всей сложности, разнородности учитываемого материала, выбранный подход – систематизация по основным действиям – достигает важной цели. Нам удастся найти узлы пересечений в сюжетике разнотнических, разностадиальных, разнофункциональных текстов. Точкой соприкосновения является и противопоставленность одних сюжетов другим на уровне основного действия. Далее, продолжая рассматривать восточнославянские и южнославянские сюжеты и сюжетные ситуации второй (В) группы в выбранном аспекте, мы будем обращать на оппозиционность в сюжетике более пристальное внимание.

СТ В1: 65 сюжетов в XXV подгруппах.

Семантика «основного действия»: «возвращение, передача чего-либо объекту действия», «создание (воссоздание) целого множества через возвращение, передачу его частей» (Дают. Забирают одно – дают другое. Вынимают у одного – вкладывают другому. Относят одно – приносят другое. Приносят. Вносят. Несут. Кладут. Вкладывают. Навешивают. Надувают. Дарят. Входят. Возвращают).

Сюжеты СТ В1 противопоставлены сюжетам СТ А1 и СТ А2.

Рассмотрим II подгруппу СТ В1, в которую включены сюжеты о заре, забирающей бессонницу и отдающей сон (II.1.1/В1, II.1.2/В1, *рус., бел.*); о сватовстве заговаривающего с зарей, «ночницей», лесными дедом и бабой (II.2.1/В1–II.2.8/В1, *рус., бел., укр.*); ребенку солнца, леса и проч., плачущего за ребенка заговаривающего (II.3.1/В1–II.3.4/В1, *укр., бел., серб., болг.*) [Указ.: 236–238].

Сюжеты этой подгруппы тесно взаимосвязаны с сюжетами VIII и IX подгрупп СТ А1 [Указ.: 46–47]. Общее между ними то, что их персонажи – зори и др., забирают болезни у человека (в СТ В1 только бессонницу, крик). Но если в СТ А1 лишь забирают, то в СТ В1 они к тому же и дают ему, возвращают здоровье, сон¹⁷. Можно ли рассматривать сюжеты этих двух подгрупп как версии одного сюжета? На наш взгляд – нет. На это указывают различие их «основного действия». В СТ В1 главное – не забрать, а вернуть (здоровье, сон).¹⁸ Обратим внимание, что при этом сюжеты СТ В1 имеют узкофункциональное использование: все они зафиксированы (независимо от регионально-этнического ареала!) в заговорных текстах от бессонницы ребенка.

Схожую ситуацию мы встречаем и в V подгруппе, где берут болезнь и отдают здоровье птицы и куры – V.1.1/В1 (*рус., бел., серб.*), V.1.2/В1 (*укр.*) [Указ.: 239]. Данный сюжет сопоставим с сюжетами VI подгруппы СТ А4. Характерно, что здесь, как и в СТ А4, зафиксировано схождение между восточнославянской и южнославянской традициями на уровне версий, что может указывать на раннее возникновение этих сюжетов у славянских народов.

Птицы и звери могут давать человеку не только здоровье, но и болезнь. Это мы видим на примере IX подгруппы сюжетов, в которых голубь, лунь, кречет, заяц вкладывают в человека «тоску» – IX.1.1/В1 (*бел.*), IX.2.1/В1 (*рус.*), IX.2.2/В1 (*рус., бел.*), IX.2.3/В1 (*рус.*), IX.3.1/В1 (*рус.*) [Указ.: 241–242]. В этих сюжетах проявляется амбивалентность

¹⁷ Если это не сказано в тексте, то подразумевается общей ситуацией сюжета.

¹⁸ На это указывает и существование версии (II.1.2/В1), в которой зоря ничего не забирает, а только дает сон (здоровье).

образов птиц и животных в заговорных текстах, способных не только помогать, но и вредить человеку.

Также и ветры. Они могут сдувать, сносить болезни, порчу (см. СТ А2), но могут и надувать здоровье или болезни – сюжеты «Ветер надувает сон» (X.1.1/B1, *серб.*), «Ветры вносят «слова» заговаривающего в человека» (X.1.2/B1, *рус.*), «Ветры наносят на человека «сухоту» (X.1.3/B1, *рус.*) и др. [Указ.: 242-245].

Интересно, что в заговорных сюжетах «А» группы, в которых что-то уничтожается, забирается у человека или животного, примеров с персонажем или персонажами, выполняющими два противоположенных действия относительно немного. В «В» группе их значительно больше. Это видно даже на примере одной СТ В1. На наш взгляд, таким образом в заговорно-заклинательном жанре проявляется естественный прагматизм носителей традиций и исполнителей текстов: прежде чем что-то кому-то дать, нужно это взять у кого-то. Заговорные персонажи СТ В1 – силы и явления природы, животные и птицы, демонические существа, Господь, Богородица, святые, ангелы, заговаривающий и проч., своими действиями доказывают это.

Сюжетная тема В2

СТ В2: 22 сюжета в IX подгруппах.

Семантика «основного действия»: «привлечение объектов обещанием удовлетворить их желания и потребности», «создание нового множества через привлечение объектов обещанием удовлетворить их желания и потребности» (Ждут. Ожидают. Поджидают. Зовут. Приглашают. Требуют. Кормят).

Сюжеты СТ В2 противопоставлены сюжетам СТ А2.

Первая, наиболее многочисленная подгруппа сюжетов СТ В2 рассказывает о том, как девицы, бабки, молодцы и проч. ждут к себе болезни. Для встречи с ними приготовлены еда и постели, они все будут веселиться, петь песни и т. д. – «Болезнь ждут на постели» (I.1.1/B2, *бел.*), «Мертвец едет в поле, за море к девицам на перине» (I.1.1b/B2, *рус.*), «Болезнь идет за море, там у бабки (царицы и др.) постели» (I.1.2/B2, *рус., бел., серб.*) и др. [Указ.: 253-261]. Систематизация показывает широкую распространенность этих сюжетов у восточных и южных славян.

В приглашениях на перины и постели болезням обещают хороший сон, отдых и сексуальные «развлечения» (см. подробнее [Кляуз 1994б]). Недуги также могут пугать жесткой постелью и плохой едой – оппозиционные сюжеты «Под голову болезни дают камень» (XXXV.1.1/A6, *серб.*), «Трем монахам на ужин камень, постель – колочки» (XXXV.4.1/A6, *серб.*) [Указ.: 167-168]. Хотелось бы обра-

тить внимание на то, что потребности в хорошем сне, еде и сексе относятся к так называемым «первичным», «базовым» потребностям человека (см. [Хьелл, Зиглер 1977: 487-496]). Люди считали, что таковые есть и у мифологических существ, и старались использовать это в магических ритуалах и текстах.

Большинство сюжетов СТ В2 развивают тему еды. Заговаривающий, молодец, царь, Божья мать кормят болезни, птиц, зверей, насекомых, мифологических существ. Особый интерес среди сюжетов представляет V и VI подгруппы, где присутствуют приглашения на свадьбу – «Царь «лыщища» играет свадьбу, ждет на нее болезни» (V.1.1/В2, бел.), «Царь играет свадьбу, зовет болезни. Болезни нападают на царских сватов, гостей» (V.1.2/В2, болгар.), «Святой женит сына, приглашает человека, ему отсылают болезни» (V.2.1/В2, серб.), «Божья Мать играет свадьбу, отправляет «юнака» пригласить болезни» (V.2.4/В2, болгар.) и др. [Указ.: 261-265].

Свадьба, соединяющая в себе пиршество и сексуальное действие, должна была привлечь к себе, по мнению исполнителей заговорных текстов, тех, от кого они хотели избавиться.

Сюжетная тема В3

СТ В3: 34 сюжета в XVI подгруппах.

Семантика «основного действия»: «приближение, перемещение объекта», «создание нового единого множества через приближение, перемещение объектов» (Посылают. Присылают. Сгоняют. Гонят. Пригоняют. Приводят. Мучают, чтобы пришел. Наносят. Отпускают. Слетаются. Приходят. Входят).

Сюжеты СТ В3 так же, как и СТ В2, противопоставлены сюжетам СТ А6, так как в них происходит не удаление объекта, а его приближение к исполнителю заговорного текста.

Значительное число сюжетов данной СТ зафиксировано в промысловых (охотничьих, рыбацких) и хозяйственных (на скотину, на пчел) заговорных текстах. В них рассказывается, как заговаривающий, Христос, Богородица или другие персонажи сгоняют, присылают зверей, птиц, рыб, скотину и проч. [Указ.: 266-269]. Только один сюжет из первых VIII подгрупп относится к южнославянской традиции – «Человек, мальчик с заячьими ушами и др. Мальчик с заячьими ушами и др. сгоняют (дают) зверей» (V.1.1/В3, серб.) [Указ.: 267].

Сербский охотничий текст сохранил интересные образы повелителей, хозяев животных (мальчик с заячьими ушами, девочка с лисьим хвостом), которые готовы исполнить волю заговаривающего, дать ему зайцев и лисиц. В восточнославянских промысловых заговорах такими повелителями являются обычно Богородица, Христос, святые. Лишь в

единичных сюжетах можно увидеть, что и у восточных славян были образы, соотносимые с персонажами сербского текста – «Заговаривающий, царь «Вавилон» и Богородица. Царь «Вавилон» и Богородица отпускают заговаривающего на охоту» (IV.1.1/ВЗ, рус.), «Заговаривающий и Богородица. «Муж Жубрил» едет сгонять зверей» (VI.4.4/ВЗ, рус.) [Указ.: 267, 269]:

Следующие подгруппы сюжетов (IX–XIII) зафиксированы в заговорных текстах любовной магии. В них мы встречаем персонажей (зая, солнце, земля, звезда, ветер и др.), способных привести, пригнать, заставить прийти одного человека к другому – «Зори приводят человека» (IX.1.1/ВЗ, укр.), «Звезда дает человека» (IX.3.1/ВЗ, серб.), «Заговаривающий и ветры. Ветры приводят человека» (IX.5.1/ВЗ, рус.), «Ночные «стрешницы» приводят человека» (IX.7.1/ВЗ, болг.), «Домовой приводит к заговаривающему человека» (IX.8.1/ВЗ, укр.) и др. [Указ.: 270–274].

Любовные заговорно-заклинательные тексты, относящиеся к «черной», вредоносной магии, представляют большой интерес с точки зрения изучения истории заговорной сюжетики. Они показывают, что помощниками заговаривающего в любви могут быть зори, солнце, звезды, ветры и другие мифологические персонажи. Редкие случаи, когда в этом ряду оказываются представители христианского мира, восходят или к функционально нейтральным текстам – гадать на милого: сюжет «Бог посылает к заговаривающему человека» (XII.1.1/ВЗ, серб.), или к текстам с благой целью, хотя и нарушающей волю другого – к примеру, «чтобы вернулся отец к ребенку»; сюжет «Господь спускается с неба, гонит человека домой» (XII.1.2/ВЗ, бел.) [Указ.: 273–274].

Между «современными» любовными заговорными текстами восточных и южных славян обнаруживается значительное сюжетное сходство. Ср., к примеру, сербскую сюжетную версию «Черный петух» из дымохода мучает человека (IX.9.1/ВЗ) и русскую «Дым несет тоску в человека» (IX.9.2/ВЗ); также сербскую «Заговаривающий и три джина. Третий идет к человеку, мучает его» (X.1.1/ВЗ) и русскую «Заговаривающий и три чудища. Чудища идут к человеку, мучают его» (X.1.2/ВЗ) [Указ.: 271].

На сюжетную общность любовных текстов восточных и южных славян указывают и сходения на уровне редакций в сюжете о заговаривающем, который трясет дерево, землю, и они заставляют другого человека придти к нему – X.2.1/ВЗ (укр., болг., серб.) [Указ.: 271–272]. В данном случае явная сюжетная близость между украинским и южнославянскими заговорными текстами вряд ли могла возникнуть в результате заимствования, хотя такие случаи, вполне возможны (см. стр. 133). Перед нами сюжет, видимо, восходящий к более ранней эпохе.

Подтверждением этого является фиксация в русской традиции сюжета, где описывается схожий способ заставить нечистую силу привести другого человека – «Черти приводят к заговаривающему человека. Наказание, если не сделают этого» (XII.1.2/B3) [Указ.: 273].

Сюжеты любовных заговоров повествуют еще и о том, как в тело человека входит тоска-сухота – «Заговаривающий и тоска. Тоска выходит из-под доски, идет в человека» (XIV.1.2/B3, *рус., бел.*), «Сухота» разыскивает человека, заставляет идти к заговаривающему (XIV.2.2/B3, *рус.*) [Указ.: 274-276].

Тоска – олицетворенное, персонифицированное состояние человека, ведет себя здесь подобно джинам, чудовищам из сюжетов, на которые мы указали выше. В то же время, она понимается как недуг [Попов 1903: 28-31], и потому ее поведение схоже с тем, что делает болезнь (ср. сюжет «Болезни входят в человека» (XIV.5.1/B3, *бел., серб.*) [Указ.: 276])

Правда, последний сюжет зафиксирован в лечебных заговорных текстах и здесь чаще всего рассказывается о том, как болезни приходят (переходят) к нехорошему человеку (злому «душманину», виновнику, некрещенному ребенку), мифологическому существу (ребенку «вилы»), но они очень близки к тем сюжетам заговорных текстов, которые использовались для того, чтобы человек заболел и умер – ср. «[Порча] идет на человека» (XIV.3.1/B3, *болг.*) [Указ.: 276]. Возвращаясь к проблеме оппозиционности сюжетов, отметим одну деталь. Описывая сюжеты и сюжетные ситуации СТ А6, мы обратили внимание на то, что сюжеты с изгнанием зафиксированы в основном в заговорных текстах, относящихся к «белой» магии (см. стр. 37). Интересно, что в СТ В4 обратная ситуация. Сюжеты данной СТ относятся в своем большинстве к вредоносным заговорным текстам.

Сюжетная тема В4

СТ В4: 21 сюжет в XIV подгруппах.

Семантика «основного действия»: «невозможность уничтожения объекта» (Не пьют. Не кусают. Не съедают. Едят не съедобное. Не достают. Не видят. Не снимают. Не могут взять. Не убивают. Не погибают. Не стреляют).

Сюжеты СТ В4 противопоставлены сюжетам СТ А4, А5, А6 и, отчасти, СТ А1 и СТ А3. Такое широкое противопоставление объясняется тем, что в СТ В4 мы сконцентрировали сюжеты с семантикой невозможности насильственного уничтожения объекта (съесть, убить его и проч.).

Здесь мы встречаем уже знакомые нам по СТ А4 образы безногих, беззубых существ, но уже в ситуации, когда они не ходят, не ку-

сают – сюжет «Безногий не ходит, не сидит, беззубый не кусает» (II.1.1/B4, рус.) [Указ.: 277]:

В нескольких сюжетах персонажи (враг, змея) не могут съесть, укусить, ужалить камень или своих детей – «Враг не угрызет камень» (III.1.1/B4, бел.), «Гад не жжет, не кусает детей» (IV.1.1/B4, рус.), «Заговаривающий и змея. Змея не жжет [не кусает] камень» (IV.2.1/B4, рус.) [Указ.: 278].

Образ камня в фольклоре славян, по мнению ряда исследователей, занимает важное место в картине мира, восходящей к языческим представлениям (см. [Юдин 1997.: 194-201; Познанский 1917.: 264-272; Раденкович 1996.: 113-122; Шиндин 1993: 112-114] и др.). Поэтому не случайно в заговорах сформировалось несколько сюжетов, в которых камню принадлежит одно из центральных мест. Сюжеты, в которых персонажи не могут съесть, укусить камень соответствуют реальности: камни действительно не едят. Но в заговорных текстах описываются и ситуации, в которых камень не могут взять, достать, порубить. Именно здесь мы сталкиваемся с образом мифологического царя-камня – сюжет «Никто не может достать царь-камень» (VI.1.1/B4, бел.) [Указ.: 279].

подавляющее большинство сюжетов СТ В4 относятся к восточнославянским традициям и лишь один сюжет – к южнославянской (болгарской): о волке с волчонок, которые не сгорают в огне, не тонут в воде, не погибают в лесу – I/XIII.1.1/B4. К нему мы обнаружили любопытную аналогию в белорусском заговорном тексте от уроков, рассказывающем о медведице с медвежатами, которые плывут через море и их не уносит вода – I/XIII.2.1/B4 [Указ.: 281].

Образы животного и его детеныша (волк и волчонок, медведица и медвежонок, курица и цыпленок, корова и теленок и проч.) встречается во многих сюжетах восточных и южных славян. Но в СТ В4 они предстают в необычной ситуации: передвигаясь через опасные пространства, зверь и его детеныш не гибнут. Выяснение истории возникновения приведенных болгарского и белорусского сюжетов требует дополнительных изысканий, мы предполагаем, что они имеют общее происхождение.

Персонажи, которые не могут никого убить, представлены в сюжетах восточнославянских заговорных текстов на порчу оружия – сюжет «Не охотник идет, а поп. Его ружье не стреляет» (XIV.1.1/B4, рус.), «Заговаривающий и покойник. Его ружье не стреляет» (XIV.1.2/B4, рус.) [Указ.: 281]. География распространения этого сюжета, зафиксированного в двух версиях, показывает его широкую известность в русской заговорной традиции. Охота в XIX – нач. XX в. (время записи текстов) играла значительную роль в жизни русского человека. В Сибири, в Забайкалье, на Дальнем Востоке она была одним из основных

видов хозяйственной деятельности (таковой остается и сейчас в некоторых регионах). Поэтому конкуренция на охоте была очень высокой, и в промысловой магии большое место занимали заговорные тексты и магические действия, направленные как на порчу оружия, так и на его сохранение от порчи¹⁹.

Сюжетная тема В5

СТ В5: 37 сюжетов в XX подгруппах.

Семантика «основного действия»: «сохранение через пришивание, связывание», «создание (воссоздание) единого целого через пришивание, связывание» (Зашивают. Шьют. Вышивают. Не умеют шить – лечат. Прядут. Мотают. Заматывают. Чешут шерсть. Сплетают. Ткут. Вьют. Свивают обручи. Одевают повязки. Связывают. Засыпают. Затыкают).

Сюжеты СТ В5 противопоставлены сюжетам СТ А5, А6, А11, А15, в которых развиваются мотивы рассечения, разъединений, открывания.

Персонажи СТ В5 обычно совершают действия, связанные с шитьем, ткачеством или прядением: зашивают, шьют, вышивают, прядут, ткут, свивают и проч., что, конечно же, тесно связано с использованием в обрядовой магической практике индоевропейских народов нитей, пряжи, веревки, волос, шерсти (см. [Рэдфорд, Миненок 1995.: 61, 78-81; Успенский 1982: 66, 67, 75, 106, 166-179; Раденкович 1996: 144, 152; Раденкович 1996а: 25-26] и др.). Зашивание чего-то разрубленного или разрезанного является одним из ведущих мотивов восточнославянских заговорных текстов, которые направлены на остановку кровотечения, но, кроме того, с помощью этих действий избавлялись и от «обычных» болезней – «уроков», испуга, «звиха», «колтуна» и др. – сюжеты «Девушка (баба) зашивает раны» (II.1.2/В5, рус., бел.), «Богородица зашивает раны» (II.1.3/В5, рус., бел.), «Заговаривающий и девушки. Девушки зашивают раны» (II.1.4/В5, рус., бел.), «Старик зашивает раны» (II.1.6/В5, рус.), «Девушка прядет. Нитка рвется, кровь унимается» (II.2.1/В5, рус., бел.) и др. [Указ.: 282-292].

В то же время во II подгруппе нами зафиксированы схождения на уровне редакций в двух сюжетных версиях «Три девушки шьют, вышивают» (II.10.1/В5, бел., серб.), «Три девушки чешут шерсть (лен), лечат» (II.10.2/В5, бел., серб.) [Указ.: 289-290], которые показывают, что шьющий, прядущий, зашивающий женский персонаж является

¹⁹ К примеру, в Забайкалье бытует любопытный способ избавления от порчи на охоте: Если охотник, стреляя из своего оружия, постоянно промазывал, то он делал следующее: вырезал на дереве лицо бурятки и расстреливал его из своего ружья. (Информация получена от жителя с. Укыр Красночикоиской р-на Читинской обл. – Н.В.Арефьева, 1949 г.р., в рассказе об охотниках Шоной – соседней деревни. Архив автора. Запись 1998 г.)

общим для заговорных традиций восточных и южных славян. Характерно, что он присутствует в текстах, которые должны остановить не текущую кровь, а прекратить болезнь (см. также сербский П.9.1/В5 и белорусские П.9.2/В5, П.9.1/В5 сюжетные версии). Возможно, они имеют раннее происхождение. На это указывает не только их бытование у восточных и у южных славян, единый характер персонажей и мест обитания (две или три девицы, одна из которых старшая, находятся в лесу или под деревом), но и совпадения в функциональной направленности некоторых текстов с данными сюжетами (от «урока»).

Сюжеты восточнославянских заговоров от кровотечения, которые можно обозначить в общем виде как «Девушка (Богородица) зашивает рану» (П.1.2/В5 и др.), видимо, являются более поздними по происхождению и восходят к рассмотренным выше, а также к тем, где персонажи зашивают небо, моря, реки, ветра – «Сучко» и заговаривающий мотает нить, чтобы защитить небо» (I.1.1/В5, *серб.*), «Девушка зашивает моря, реки, раны» (П.1.1/В5, *рус.*) [Указ.: 282]

Несколько сюжетов СТ В5 рассказывают о том, как паук или девица сплетают, заматывают человека. Они известны по сербским заговорным текстам любовного характера – «Паук сплетает нити, сплетает человека» (X.1.1/В5), «Человек и сваты. Девушка замотала человека» (X.3.1/В5). Схожий мотив, но в несколько свернутом виде, характерен и для восточнославянских «присушек» – ср. «Заговаривающий и «матерная жена». «Матерная жена» прядет, вкладывает в человека желанное сердце» (XI.1.1/В5, *рус.*) [Указ.: 294, 295].

С помощью связывания также наводится порча (связываются жизненно важные органы) и нейтрализуются злодеи, противники, лихие люди и проч. – сюжеты «Заговаривающий и дочери царя Ирода. Дочери одевают повязки на человека и др.» (XV.1.1/В5; *рус.*), «Заговаривающий и Сатана. Сатана свивает обручи, одевает их на злодея» (XV.2.1/В5, *рус.*), «Заговаривающий и злые духи. Духи связывают злых людей» (XVI.1.1/В5, *рус.*) и др. [Указ.: 296].²⁰

Две последние подгруппы СТ В5 – XVII, XVIII, в сюжетах которых рассказывается уже не о зашивании, а о засыпании песком, затыкании руном ран и змей (змеиных нор)²¹ Христом, Богородицей, святыми, вороном [Указ.: 297-298], могли бы стоять и в иных СТ группы «В» – а именно в СТ В6, СТ В7. Но мы все же решили отнести их к СТ В5, так как действие персонажей в них инструментально ближе к «ос-

²⁰ Опираясь на сюжеты СТ В5 заговорных текстов восточных и южных славян, которые записаны в XIX-XX вв., мы попытались реконструировать их протосюжет: «Под деревом сидят женщины – мать и ее дочери (две?). Они шьют (прядут, ткнут, чешут) ткань (веревку, нить, шерсть, свои волосы). Заговаривающий обращается к ним с просьбой, и они связывают (завязывают) болезни (мифологическое существо, людей и др.)» [(Кляус, 1995б)].

²¹ Образы змей (змеиных нор) появились в этих сюжетах как следствие развития темы раны от змеиного укуса.

новному действию» СТ В5. Выделение же отдельной СТ с этими сюжетами нам видится нецелесообразным.

Сюжетная тема В6

СТ В6: 72 сюжета в XXXX подгруппах.

Семантика «основного действия»: «создание защиты, сохранение через замыкание, закрывание, охрану» (Замыкают. Закрывают. Закрываются. Покрывают. Запирают. Не пускают. Ставят тын. Загораживают. Огораживают. Строят тюрьму. Ставят ловушки. Не дают пройти. Охраняют. Стерегут. Защищают).

Сюжеты СТ В6 противопоставлены сюжетам СТ А6, А10, так как их персонажи совершают действия, связанные с защитой и охраной, с сооружением преград в виде замка, тына и других ограждений.

В сюжетах первых подгрупп рассказывается о том, как замками, ключами²² закрываются болезни, звери, злые люди, жених и невеста, моря и реки, кровь и др. В роли замыкающих персонажей могут выступать силы природы (заря, звезда), животные (волки, вороны, змеи, рыбы), девицы, заговаривающий, Богородица, Христос, святые [Указ.: 298-305].

Из всех сюжетов с этими героями только один относится к южнославянскому ареалу, зафиксированному в апокрифической молитве на суд из болгарской рукописи XVII в. – «Заговаривающий и звезда. Звезда закрывает сердце и язык соперников» (I/П.1.1/В6) [Указ.: 298]. Но, несмотря на его единичность и относительно раннюю фиксацию, в нем представлены мотивы, имеющие в восточнославянской сюжетике широкое развитие: небесное происхождение ключей и их ассоциированность с миром христианских персонажей.

Прямое указание на небесное происхождение ключей встречается редко – сюжеты «Ключи на небесах. Заговаривающий достает замки и запирает их» (X.3.2/В6, рус.), «Заговаривающий и арх. Михаил с ангелами. Арх. Михаил и ангелы запирают, ключи отдают звездам» (XIII.2.1/В6, рус.) [Указ.: 305, 309]. Чаще всего говорится о том, что ключи находятся у Бога, на престоле, на горе. Истоки данного мотива понятны: образ ключей в этих сюжетах восходит к образу ключей от рая, который также нашел непосредственное

²² Ключ и замок в магической практике славян играют важную роль (см. [Раденкович 1996: 234]). Об этом говорит хотя бы тот факт, что в заговорах восточнославянских народов структурный элемент, завершающий текст, стал называться «заклочкой» (см. [Чернов 1965; Топорков 1999: 57-58] и др.).

отражение в заговорных текстах – «Святой замыкает небо, землю, рай и замыкает их» (XI.1.1/В6, *рус., укр.*) [Указ.: 305].

Заговорные сюжеты с описанием постройки, установки тына, ограды или стены, как способа создания защиты человека от болезней и другого зла, являются, видимо, более ранними, чем вышеприведенные. На это указывают разнообразие персонажей, которые совершают данное действие: это не только герои христианского мира, но и молодцы-духи, девицы, морской царь, заговаривающий; разнообразие «материала», из которого делают ограду: солнце, звезды, месяц, гора, сковорода, камни, колья, щит, рубашка, железо, колоды [Указ.: 313-317, 321]. Загрождающим предметом могут быть и ризы, естественно, что ими пользуются только Христос, Богородица или святые [Указ.: 318-321].

В сербской заговорной традиции известен сюжет, отнесенный нами к СТ В6, в котором упоминается тюрьма для болезни – «Красный» человек и др. строят тюрьму для болезни» (XXX.1.1/В6). Возможно, в белорусском сюжете «Молодцы рубят церковь, лечат болезни» (XXX.2.1/В6), церковь, как строение эволюционно сменила тюрьму для болезней, потому что молодцы после обращения к ним в итоге церковь не строят, а просто лечат болезнь. Болезнь же может сидеть не только в тюрьме, но и в клетке, ее аналоге (ср. белорусский сюжет «Болезни в клетке» (XXX.3.1/В6) [Указ.: 325]).

К СТ В6 мы отнесли также сюжеты, в которых нет описания использования материальных, видимых предметов защиты (ключей и замков, стены и проч.). В них просто рассказывается, как персонажи охраняют, берегут человека, скот – «Заря охраняет» (XXXIII.1.1/В6, *бел.*), «Волчица охраняет человека от болезней» (XXXIV.1.1/В6, *болг.*), «Богородица, святые охраняют» (XXXIII.1.1/В6, *рус., бел.*) и др. [Указ.: 321-324].

Относительно тех сюжетов, где человека, его дом, хозяйство охраняют ангелы, Божья Мать, святые можно сказать, что они сформировались под влиянием христианских представлений. Среди них интересен следующий – «Ангелы и др. охраняют человека» (XXXVIII.2.1/В6, *бел., болг., серб.*) [Указ.: 325], так как в нем обнаружено схождение на уровне версий. Возможно, здесь у восточных и южных славян был какой-то общий, вероятно, книжный источник.

СТ В7: 18 сюжетов в XI подгруппах.

Семантика «Основного действия»: «сохранение объекта в неподвижном состоянии» (Удерживают. Не пускают. Останавливают. Не течет).

Сюжеты СТ В7 противопоставлены сюжетам СТ А6, А11.

Основная цель действия персонажей СТ В7 – удержать объект в неподвижном состоянии. В подавляющем большинстве сюжетов таковыми являются кровь, вода, речка, молоко, слюна, – т.е. жидкие вещества. В отличие от предыдущих сюжетных тем «В» группы, в СТ В7 это делается, как правило, без каких-либо инструментальных средств (ср. игла, ключи в СТ В5, В6), используется только «заговаривание»²³ (см. [Указ.: 326-327]).

В СТ В7 обратим внимание на IV подгруппу сюжетов, в которых говорится об остановке рек – «Текут три речки, кровавая останавливается» (IV.1.1/В7, *рус., бел., серб.*), «Заговаривающий останавливает кровавую реку» (IV.2.1/В7, *укр., бел.*) [Указ.: 327-328]. Здесь мы обнаруживаем сюжетное схождение на уровне редакций между заговорными традициями восточных и южных славян. Показательно, также совпадение функционального назначения текстов (от раны, от крови).

Тема остановившейся реки продолжается и в первом сюжете следующей V подгруппы. Но здесь ее останавливают Христос, святые – «Господь останавливается. Вода (кровь) останавливается» (V.1.1/В7, *бел., укр.*), «Христос идет через реку, останавливает ее» (V.1.3/В7, *бел.*) и др. [Указ.: 328-329]. Название реки («Иордань», «Ордань», «Юрдань»), образы Иисуса, святых, некоторые их действия (св. Ян крестит) указывают на связь сюжета с евангельскими мотивами, видимо, их перенесение в заговорно-заклинательную традицию восточных славян произошло потому, что тема остановившейся реки в ней уже существовала.

Отметим еще один сюжет СТ В7, который рассказывает о «стар угрюм человеке» не пускающем, удерживающем кобылицу – I.1.1/В7 (*рус.*) [Указ.: 326]. Он оппозиционен сюжетам СТ А6. Образ «стар угрюм человека»²⁴ и ситуация, в которой он находится (удерживает кобылицу с 12 жеребцами) напоминает пастухов сербских сюжетов, которые гонят скот (XVIII.1.1/А6 [Указ.: 158-159]). Отметим героичность «стар угрюм человека», которая проявляется в том, что

²³ «Слово» как инструмент воздействия на болезни нам уже встречалось в СТ А8. Но там оно используется в целях *изгнания* болезни. Здесь же для того, чтобы *остановить* текущую кровь.

²⁴ Ср. с дедом, охраняющим и пасущим скот, в белорусских сюжетах – XXXV.1.1/В6 [Указ.: 322].

только он может удержать «кобылицу-златыницу». Кстати, и в сербских *басме* образ пастуха также не лишен некоторых черт героики: в одном из текстов сказано, что пастух имеет саблю (см. I/XVIII.1.1/A6, [Раденкович 1982. № 295]).

Сюжетная тема B8

СТ B8: 14 сюжетов в VIII подгруппах.

Семантика «основного действия»: «восстановление сломанного, сдвинутого с места» (Составляют. Ломают – скрепляют. Не ломают. Устанавливают).

Сюжеты СТ B8 противопоставлены сюжетам A12.

Вывих суставов, ломка костей, видимо, были не редким явлением в народном быту. Систематизация показывают, что особенно широко заговорные тексты, направленные на устранение этой напасти, были распространены среди белорусов. В белорусских заговорах появился даже особый образ «звиха», существа повинного в вывихах костей у человека и скотины. Он встречается в нескольких заговорных сюжетах – «Звихова» мать (Пречистая) будет сына (сыновей). Сын помогает (составляет суставы) (IV.1.1/B8, *бел.*), «Заговаривающий и «вихова» мать. «Вихова» мать будет сына. Сын помочь не может. Будет ехать Бог, болезнь уймется (IV.1.3/B8, *бел.*) и др. [Указ.: 332-333]. Из них следует, что «звихов» может быть несколько, у него есть мать («звихова» мать иногда заменяется Богородицей). «Звих» может ходить, путешествовать по дорогам, лесам, но чаще всего он находится в состоянии сна, и, когда требуется помощь, необходимо разбудить его. Еще один сюжет, известный по двум текстам из Могилевской губ. и Забайкалья, указывает на то, что «звих» могут поймать девицы, которые на лугу собирают цветы – IX.2.4/A13 [Указ.: 218].

Сам образ «звиха» (а также «костяного царя», которому Господь не дает ломать кости – I/V.1.1/B8 (*бел.*) [Указ.: 333]), олицетворяющий болезнь, вероятно, достаточно архаичный. Но отдельные сюжеты с этим персонажем имеют, видимо, относительно позднее происхождение. В первую очередь это касается сюжета со спящим «звихом», которого будит его мать. В одной из версий данного сюжета рассказывается не о «звихе» и «звиховой матери», а о Христе и Матери Марии – IV.1.2/B8 (*бел.*) [Указ.: 333], в нем разрабатывается известный по апокрифам и духовным стихам мотив обращения Богородицы к своему Сыну с просьбой помочь людям (см. [ПЛДР 1980: 166-183, 651-652; Словарь 1987: 462-463]).

Из южнославянских традиций к СТ B8 относится сюжет о господине, составляющем живот с пупком – I.1.1/B8 (*серб.*) [Указ.:

330]. Прямых аналогий к нему у восточных славян мы пока не обнаружили, но они в принципе могут существовать, так как известны, к примеру, сюжеты о калекках или Пречистой Матери, устанавливающих на место «золотник» – VII.1.1/B8, VIII.1.1/B8 (бел.) [Указ.: 334]. Под «золотником» здесь понимается матка женщины, которую необходимо было «установить» ей «на место» после родов. Эти заговорные тексты обычно читались повитухой наряду с массажем, который она делала роженице (см. [Попов 1903: 353-354]).

Сюжетная тема В9

СТ В9: 6 сюжетов в V подгруппах.

Семантика «основного действия»: «сохранение формы» (Не гнутся. Не валятся. Не разбиваются).

Сюжеты СТ В9 противопоставлены сюжетам СТ А12, А13.

Сюжеты СТ В9, несмотря на то, что их количество незначительно, занимают важное место в заговорно-заклинательных традициях славянских народов. И не только потому, что они дополняют и подтверждают систему противопоставлений сюжетов, которую мы попытались отразить при систематике, но также и потому, что они сохранили целый ряд интересных персонажей заговорного мира.

Один из них (уже встречавшийся нам в СТ В8) – костяной царь в сюжете «Костяной царь [не гнется]» (I.1.1/B9, рус.) [Указ.: 334].

Мотив негнущихся костей, а также рогов животных продолжается в других сюжетах СТ В9 – «Заговаривающий и «волотовы» кости. «Волотовы» кости не гнутся» (II.1.1/B9, рус.), «Бык бодает дуб, у быка не гнутся рога» (III.1.1/B9, рус.) и др. [Указ.: 334-335].

Лежащие в поле негнущиеся «волотовы» кости²⁵ сопоставимы с костями из сюжета «Кость не знает болезней» (XXVI.7.1/A5, рус.) [Указ.: 137], но они значимы не тем, что принадлежат миру мертвой природы, в котором нет болезней (см. СТ А5), а своей постоянностью, неизменностью. Это качество придает данному сюжету эпический характер, как впрочем и другим сюжетам СТ В9.

В одном из сюжетов IV подгруппы развивается мотив негниблемого дерева²⁶ – «Дерево не гнется» (IV.1.1/B9, рус.), «Заговаривающий и дерево. Дерево не гнется» (IV.1.2/B9, рус.) [Указ.: 335]. Его сравнение с сюжетами СТ А13 обнаруживает пример

²⁵ «Волотовы» кости – это кости людей-великанов [Белова 2000: 74-75].

²⁶ Если говорить об архетипичных образах в заговорных текстах, то образ «мирового дерева», которое не подвластно стихии и времени, ясно представлен именно в этом сюжете.

зеркального сюжетного противопоставления: сюжет «У дерева ветки гнутся и ломаются» (XIX.2.1/A13, рус.) [Указ.: 222].

Образу дерева в СТ В9 близок образ не гнущегося, не падающего столба, железного «пута» – IV.2.1/В9, IV.2.2/В9 (рус.) [Указ.: 335]. Правда, в отличие от дерева столб может находиться не только на море, в поле, но и во дворе заговаривающего. Связано это с тем, что заговоры от «невстанихи», в которых зафиксирован данный сюжет, проводился во дворе больного или испорченного человека. Так, к тексту, опубликованному Н.Н.Покровским, стоит пометка: «А говорить по три зори утряних, по три вечерних, выти на дво[р], съчати²⁷ на верю²⁸, на котору ворота отворяютце».²⁹

Практически все сюжеты СТ В9 относятся к русской заговорной традиции, они зафиксированы в текстах XVII–XX вв. и должны были помочь мужчине от «плотской немощи». Единственный южнославянский сюжет в данной СТ рассказывает о не разбивающемся яйце, снесенном «красной» курицей – V.1.1/В9 (серб.) [Указ.: 335]. Он имеет уникальный характер, но мы обнаружили в СТ А12 зеркально противопоставленные ему сюжеты – «Камень содрагается, разбивается яйцо» (VIII.1.1/A12, бел.), «Болезнь гнездо вьет. Заговаривающий его разбивает» (XVIII.1.1/A12, серб.) [Указ.: 212, 214], первый из них относится к белорусской заговорной традиции, что может указывать на принадлежность данных сюжетов к раннему слою славянского заговорного фонда.

²⁷ Съчати – не совсем ясно: лить воду или мочиться.

²⁸ Веря – столб, на который вешаются ворота.

²⁹ Из книги Г.Попова «Русская народно-бытовая медицина» мы более подробно узнаем, как проводился этот обряд лечения болезни (к сожалению, заговорный текст, который при нем произносился, видимо, не был записан).

«Еще уходя с брачного пира и прощаясь с молодым, хорошо угощенный и опытный знахарь, в ободрение его говорит:

- Ты, малый, если что буде неладно, завтра пришли за мной. Мы это дело живо обкомандуем.

В случае неудачи, молодой посылает за знахарем, тот приходит.

- Ну, как дела? – спрашивает.

- Плохо, дядюшка. Нельзя ли помочь? Век не забуду твоей милости.

- Помогнем, не бойся.

Знахаря сейчас же сажает за стол и начинают усиленно угощать. Достаточно угостившись, он требует ведро воды и приказывает всем выйти из дому, ведет жениха на двор, становится около ворот, подле пятной верей, делает наговор над водой и обливает молодого с головы до ног. При этом дует, плюет, топаёт ногами и кридается на разные манеры. Прделавши все это, говорит молодому:

- Ну, теперь кончено, теперь ничего не бойся, лучшим манером справишь свое дело.» [Попов 1903:34-35].

СТ В10: 6 сюжетов в IV подгруппах.

Семантика «Основного действия»: «невозможность выполнения определенных действий» (Не могут сделать. Не могут собрать. Не могут посчитать. Не могут навредить).

Сюжеты СТ В10 противопоставлены сюжетам СТ А1, А4, А14.

Необходимо отметить, что противопоставление сюжетов СТ В10 сюжетам группы «А» носит самый общий характер. Это выражается в том, что персонажи этой сюжетной темы не могут выполнить то, что делают персонажи группы «А». К примеру, сюжет **I.3.1/В10** (рус.) [Указ.: 336, 337], где злые люди, колдуны не могут зарю *потушить* (тушат огонь персонажи СТ А14), месяц, солнце *взять*, облака *достать* (ср. СТ А1), звезды *отбить* (ср. СТ А5), облака *открыть* (ср. СТ А10), камни, землю *съесть* (ср. СТ А4).

В СТ В10 мы включили также сюжеты с другими видами невыполнимых работ: считать листья в лесу, звезды на небе, дыры в решетке – **I.1.1/В10, I.2.1/В10** (серб.) [Указ.: 336]. Их персонажи хотя и совершают невыполнимое, результатом их действий все равно остается то, что они не могут навредить человеку.³⁰ Мотив невыполнимой работы встречается и в других сюжетах, но там он играет вспомогательную роль (см. [Указ.: 450]).

Сюжетная тема В11

СТ В11: 9 сюжетов в VII подгруппах.

Семантика «Основного действия»: «невозможность произрастания» (Сажают – не растет. Нет плода).

Сюжеты СТ В11 противопоставлены сюжетам СТ А13.

Напомним, что в сюжетах СТ А13 персонажи собирают (часто после того как посадят), ищут растение. В сюжетах СТ В11 рассказывается о персонажах, которые так же, как и в сюжетах СТ А13, сажают растение, но у них ничего не растет.

Наиболее показательными являются следующие сюжеты – «Идут калеки и др. через реки, сажают «рожу», она не растет» (**I.1.1/В11, укр., бел.**), «Туры сеют «рожу». Она не всходит» (**II.1.1/В11, укр.**), «Девушки пашут, песок засыпают [сеют]» (**III.1.1/В11, бел.**), «Ветер сеет песок» (**III.1.3/В11, укр.**) и др. [Указ.: 337-339]. Действия персонажей этих сюжетов в сравнении с тем, что делают персонажи СТ А13 напоминает нам действия мифологических

³⁰ Ср. в мифологических рассказах, когда черти досаждают колдуну, своему хозяину, требуя от него работы, то он заставляет их выполнять что-то трудновыполнимое – считать песок на море, иголки в лесу и др. [Померанцева 1975: 141-142].

трикстеров (см. [Мелетинский 1994: 36-43]). Сопоставляя тех и других, можно сказать, имея в виду, конечно, заговорную сюжетику в целом, что герои СТ В11 неудачно копируют то, что совершают герои СТ А13: они сажают «рожу» (болезнь), песок, пепел, которые не вырастают. Образы героев СТ В11 (калеки, еврей, туры и др.) в сравнении с образами героев СТ А13 («пустой» человек – V.1.1/А13; «красный» и «чудный» человек – V.1.2/А13; «черный» человек – V.2.1/А13; заговаривающий – VI.1.3/А13, VII.1.4/А13; Авраам, Адам, Господь, Илья, Божья Мать – VII.1.1/А13; Христос – VII.1.2/А13; св. Петр – VII.1.3/А13; «хозяйка» – VII.1.3/А13) отличаются к тому же значительным отклонением от нормы. Именно поэтому в СТ В11 мы включили сюжет о пахаре, где ничего не говорится о том, всходит ли посаженное героем или нет, но где персонаж отличается своим необычным видом: он м... обмотался, х... подперся – III.2.2/В11 (серб.) [Указ.: 339].

Подобно песку и пеплу, ничего не может вырасти и из камня, из железа. Это констатируется в отдельном заговорном сюжете – «Заговаривающий и камень. От камня нет плода, от железа нет роста» (VII.1.1/В11, рус.), «От камня нет камня (нет роста)» (VII.1.2/В11, серб.) [Указ.: 339]. В данном случае мы имеем пример сюжетного схождения между традициями восточных и южных славян на уровне версий. Впрочем, более близких аналогий к сербской версии в восточнославянском фольклоре достаточно много. В основном они встречаются в заговорах от чирья. К примеру, «*Ни от камня плоду, ни от чирья руды, ни от пуныша головы, умри, пропади!*» [Майков 1869: № 135].

Менее ясным в СТ В11, чем все предыдущие, является следующий сюжет о яблоке на яблоне, в котором ничего нет (семян?), зафиксированный в белорусском заговоре от порчи – V.1.1/В11 [Указ.: 339]. Место нахождения яблони (не горе, во дворе у Бога) и ее маркированность как дерева с особыми плодами, может указывать на то, что перед нами один из модифицированных образов библейской мифологии, а именно – дерево познания добра и зла, плоды которого попробовали Адам и Ева.

Сюжетная тема В12

СТ В12: 54 сюжета в XXV подгруппах.

Семантика «основного действия»: «разжигание, использование огня, света» (Сушат. Присушивают. Высушивают. Засушивают. Припекают. Спекают. Распекают. Выжигают. Жгут. Одеваются тем, что жжет. Сияют. Тают. Пересыхают реки. Сохнут. Умываются в огненной воде. Кипятят. Горят. Идут в огонь. Бросают в огонь. Не мокнут).

Сюжеты СТ В12 противопоставлены сюжетам СТ А14.

Характеризуя сюжеты СТ А14, «основное действие» в которых определено как «уничтожение огня», мы уже отметили двойственное отношение к огню, с одной стороны, как к помощнику, с другой, как к грозной силе, которая может принести несчастье.

Определение семантики основного действия сюжетов СТ В12 носит, как и в большинстве случаев, обобщающий характер. В дальнейшем мы увидим, что в отдельных сюжетах персонажи действительно разжигают, распалют огонь, в других они пользуются им как средством уничтожения, сжигая тех или то, что им противостоит. Следует также заметить, что реализация процесса «разжигания огня» может происходить и в более мягких формах: сушат, припекают, кипятят и т.д.

Огонь в заговорных сюжетах может представлять собой самостоятельный персонаж, но чаще всего он является инструментом, орудием действия героев заговоров, при чем природа некоторых из них изначально имеет огненный характер, к примеру, солнца.

Солнце – один из главных действующих персонажей и предметов сюжетов СТ В12. Это можно хорошо видно на примере сюжетов I подгруппы – «Заговаривающий и солнце. Солнце жжет траву» (I.1.5/В12, *рус., бел.*), «Заговаривающий одевает на себя солнце. Солнце спекает сердца людей» (I.2.2/В12, *рус.*), «Люди радуются солнцу, человеку» (I.4.2/В12, *рус.*) и др. [Указ.: 340-343]. Здесь солнце выступает в различных функциях: сжигает человека, сжигает траву, освещает мир, на него невозможно подумать плохого, ему радуются, поклоняются. Некоторые из этих «действий» нам уже встречались или еще встретятся в других СТ (А16, В13) и, в принципе, в них можно было бы отдельные сюжеты перенести из СТ В12, но мы посчитали нецелесообразным делать это, так как везде в основе образа солнца лежит представление о том, что оно – носитель небесного огня и тепла. Систематизация этих сюжетов показывает также, что солнцу функционально синонимичны некоторые природные объекты, которые также имеют огненную, светоносную природу: зори, месяц, звезды.

Обратим внимание, что при систематизации отмечены сюжетные сходства, одно на уровне редакций – в сюжете «Солнце освещает мир, человека» (I.1.3/В12, *рус., укр., серб.*) [Указ.: 340] и несколько на уровне версий. Впрочем, здесь нет ничего неожиданного, так как особое отношение славян к солнцу общеизвестно³¹.

В IV подгруппу мы включили сюжеты, где главным действующим персонажем является огонь или огненные персонажи – «Огнен-

³¹ См. о культуре солнца у славянских народов [Афанасьев 1865-1869, I: 151-243; Успенский 1982: 169-170] и др.)

ный царь высушил воды» (IV.1.1/B12, *рус.*), «Царь Огонь сжигает травы, болезни» (IV.4.1/B12, *рус., укр.*), «Св. Илья, Пантелеймон и огненная Мария. Св. Илья поражает болезнь» (IV.6.1/B12, *серб.*), «Заговаривающий и Илья Пророк. Илья Пророк сжигает болезни» (IV.7.2/B12, *рус.*) и др. [Указ.: 344-347].

На примере сюжетов этой подгруппы особенно хорошо видно, насколько трудно провести грань между сюжетами, где персонажи разжигают, распалют огонь, и где им пользуются как средством уничтожения зла. Сравним сюжеты IV.3.1/B12 (*рус.*) (о заговаривающем, встречающемся с тремя братьями, и посылающим их зажечь сердце человека) и IV.4.2/B12 (*рус.*) (о «царе огне», спасающем человека от болезней). Что делают три брата, царь Огонь? По просьбе заговаривающего первые разжигают любовный огонь в сердце человека, второй спасает человека от болезней, сжигая их. Но образы этих персонажей идентичны: братья и царь Огонь до встречи с заговаривающим жгут леса, высушивают болота, реки, моря. С точки зрения систематики, разделять сюжеты с этими персонажами, основываясь только на одной семантике глаголов или функциональном принципе было бы не верно.

Определение значения действий («основного действия») персонажей складывается не только из семантики глаголов, которые употребляются в заговорном тексте, но и из характера образа персонажа, который сам по себе уже несет важную смысловую нагрузку, определяющую круг его потенциально возможных действий. Такой персонаж, как Огонь – яркое тому подтверждение.

В белорусском заговорном сюжете о старушке с огнивом (IV.5.1/B12) [Указ.: 346] также не говорится о том, что она сжигает болезни, более того, некоторые ее действия (отсылает, отсекает) соответствуют действиям персонажей СТ А5, А6. Но старушка в этом сюжете не просто отсылает, отсекает болезни. Она делает это с помощью огнива, высекая искру, т.е. сжигает, жжет болезни. Ср. с лечением с помощью высекания, которое известно в русской народной медицине. Обычно при этом произносились заговорные тексты в форме диалога. Они не учитываются в данной систематике, поэтому мы приведем один из примеров: «Берут напилки и кремень, секут кремень на зари так, что искры сыплются и приговаривают: «*Что сечешь?*» – «*Летучий огонь засекаю*» – «*Секи, секи пуще, чтобы век не болело, чтобы век не шипело. Шипи и кипи, где пеня, где коренья, где гнила колода*» [РЗЗ 1998: № 1729, от летучего огня, Арх. обл.].

Остановимся еще на одной подгруппе сюжетов СТ В12, где представлен образ огненного змея, одного из самых интересных в сла-

вянском, и особенно в восточнославянском фольклоре³² – «Заговаривающий и огненный змей. Огненный змей засушивает человека» (VI.1.1/B12, *рус.*), «Заговаривающий и огненный змей. Огненный змей вносит в человека красоту и ярость «змеи огненной девицы» (VI.1.3/B12, *рус.*) и др. [Указ.: 347-348], Систематизация показывает не только географию распространения сюжетов, его соотношенность с функциональной группой любовных заговоров, но некоторые эволюционные формы змея – «бугало», «стрела», «пламя», и необычные версии сюжетов – «Заговаривающий поворачивает к себе змею» (I/VI.1.4a/B12, *бел*), смысл которых становится понятным только в сопоставлении со всем имеющимся материалом.

Обратим также внимание на то, что огненный змей, ставший одним из главных персонажей русских любовных заговоров, видимо, не всегда выполнял лишь функцию «разжигать» у человека любовь. На это указывает сюжет заговорного текста из «волшебной тетрадки» начала XVIII в. – к примеру, «Заговаривающий и «змея-болезнь». «Змея-болезнь» сушит реки и озера, ест тело человека» (VI.1.2/B12, *рус.*) [Указ.: 348]. Здесь действие, которое заговаривающий просит выполнить «змею-болезнь» (полететь в человека и есть его тело), соотносимо с действиями персонажей СТ А6, но было бы не верно определять данный в сюжет в другую СТ, так как «змея-болезнь» имеет огненную природу.

Сюжетные схождения на уровне редакций между заговорными текстами восточных и южных славян, кроме отмеченного выше сюжета с солнцем (I.1.3/B12), зафиксированы также и в других подгруппах – VIII.3.3/B12 (*рус., серб.*) (заговаривающий умывается солнечным жаром и проч.), XV.2.1/B12 (*рус., серб.*) (заговаривающий сжигает болезнь) [Указ.: 350, 354]. Характерно, что здесь описываются действия заговаривающего, исполнителя заговорного текста, что, помимо фактов схождения и характера действий персонажа, может указывать на раннее происхождение данных сюжетов.

Сюжетная тема В13

СТ В13: 14 сюжетов в VII подгруппах.

Семантика «основного действия»: «добровольное подчинение, желание красоты и радости» (Украшают. Радуются. Смотрят на то, что радует. Показывают).

Сюжеты СТ В13 противопоставлены сюжетам СТ А15, А16.

В сюжетах I подгруппы рассказывается о том, как украшается земля, небо, церкви, человек – «Солнце украшает землю» (I.1.1/B13, *рус.*), «Господь украшает небо, землю и человека» (I.2.1/B13, *рус.*),

³² Об огненном змее см. [Козлова 2000]

«Св. Илья украшает церкви, ловушки» (I.2.2/V13, *рус.*) [Указ.: 358]. «Украшение» человека здесь понимается по-разному, в зависимости от функциональной направленности текста. В промысловых заговорах под этим подразумевается охотничья добыча, в обереге «к властям» почти буквально, чтобы понравится.

В серии следующих заговорных сюжетов рассказывается о радости одного персонажа по поводу кого-либо, чего-либо – «Заря радуется ночи» (II.1.1/V13, *рус.*), «Ангелы радуются душе» (III.1.1/V13, *рус.*), «Богородица радуется Господу» (III.2.1/V13, *рус.*), «Люди радуются Христову Воскресению» (III.3.2/V13, *рус.*) и др., и о том, что смотрят и не могут наглядеться: народ глядит на кресты и Богородицу, Иосиф смотрит на Богородицу, монахи смотрят на сокола – IV.1.1/V13, IV.1.2/V13, IV.2.1/V13, IV.2.2/V13, IV.3.1/V13, V.1.1/V13, VI.1.1/V13 (*рус., бел.*) [Указ.: 358-360].

Эти сюжеты СТ V13 имеют не всегда свойственный другим заговорным сюжетам радостный, светлый характер, а их персонажи, предметы и ситуации соотносены с миром христианства, что может указывать на их относительно позднее возникновение.

Последняя подгруппа сюжетов отнесена к СТ V13 достаточно условно. В них рассказывается о том, как один персонаж помогает другому узнать, увидеть нечто – «Огненный змей все показывает заговаривающему» (VII.1.1/V13, *рус.*), «Заговаривающий и «победитель». «Победитель» наговаривает мыслями, чтобы заговаривающий видел» (VII.2.1/V13, *рус.*), «Богородица глядит в воду, показывает путь царю Владимиру» (VII.3.1/V13, *бел.*) [Указ.: 360-361]. Эти сюжеты сближает с предыдущими лишь то, что их герои смотрят на что-то (в данном случае на воду) и желают видеть, но не «красоту», а какие-то события. Интересен результат этих действий: получение сведений обо всех событиях не только настоящего, но и будущего, что напоминает эпизоды из сказок и некоторые обрядовые действия.³³ Два первых сюжета зафиксированы в одном заговоре, который произносили при гадании. Назначение текста с третьим сюжетом – противодействие ведьме, которая отбирает молоко. Думается, что первоначально он мог также использоваться при гадании, для того, чтобы узнать, кто же является ведьмой, вредящей корове.

Сюжетная тема V14

СТ V14: 19 сюжетов в XIV подгруппах.

Семантика «основного действия»: «любовные, дружественные отношения» (Соблазняют. Обольщают. Любят. Сватают. Выходят замуж. Родятся. Братаются. Плачут. Соединяются).

³³ См. [Афанасьев 1865-1869, I: 192; Древности 1995: 289-390].

Тема любви, сексуального влечения, привязанности в заговорном фольклоре встречается не только в текстах любовной магии. В сюжетах и сюжетных ситуациях функционально иных заговоров данная тема порой не менее значима.

Рассматривая сюжеты СТ В2, мы уже отмечали, что когда хотели заставить уйти болезни, им рассказывали о живущих в отдалении персонажах, которые накормят, дадут возможность отдохнуть, помогут в любовных развлечениях и сексуальных утехах. Но в СТ В2 данный мотив любовной связи был дополнительным по отношению к главному – мотиву еды. В СТ В14 он лежит в основе большинства сюжетов.

Обратим внимание на такие – «Болезнь бьется над турчанкой» (III.1.1/В14, *серб.*), «Болезни любят своих невест» (III.2.1/В14, *серб.*), «Старик и старуха любят друг друга» (III.3.1/В14, *серб.*) [Указ.: 361]. Здесь рассказывается о болезнях, которые хотят заняться сексом: «красный ветер» с турчанкой, «власи» с тремя невестами, старик со старухой, «урок» с «урочицей». Особенность данных сюжетов состоит в том, что любовные отношения между персонажами носят ненормальный характер: «красный ветер» бьется над турчанкой и рассыпается, все «власи» три ночи любят одну невесту, любовь между стариком и старухой, «урочица» не отдается «уроку».

Вариантом любовных отношений является свадьба, выход замуж или женитьба болезни – сюжеты «Боль выходит замуж» (VI.1.1/В14, *серб.*), «Девушка выходит замуж» (VI.1.2/В14, *серб.*) [Указ.: 362]. Но здесь свадьба тоже имеет необычный вид: у «невесты» каменная телега, волы, возница, жених и сваты.

Необычность, ненормальность любовных отношений и свадьбы героев в данных сюжетах указывает на то, что этих событий как бы и не происходит, а значит и не существует болезни, которых олицетворяют персонажи данных сюжетов. Заметим, что сюжеты с подобным развитием событий нам известны только по южнославянским заговорным традициям. Лишь один восточнославянский сюжет ненормальностью ситуации напоминает нам приведенные выше, рассказывающая о том, как конь родил коня – XII.1.1/В14 (*укр.*) [Указ.: 364].³⁴

Большинство же восточнославянских заговорных сюжетов, которые мы отнесли к СТ В14 несколько иного характера. В них говорится о заговаривающем, соблазняющем девушку, о змее, совершающем то же самое по отношению к женщине, о петухе, который «топочет» куриц – I.1.1/В14, II.1.1/В14, XI.1.1/В14 (*рус.*) [Указ.: 361, 364].

³⁴ Дословно в украинском тексте от "перелогов" говорится, что «конь коня законил», что мы предпочли перевести как «конь коня родил». В любом случае перед нами – ненормальная ситуация, которая в конечном итоге приводит к исчезновению болезни.

Здесь развиваются «реальные» события, которые должна помочь магической реализации заговорного текста: заговаривающий соблазняет сидящую на камне девицу, которая и «является» той «рабой имярек», кого он хочет влюбить в себя; описание летающего змея к царице – это повествование, заимствованное из мифологических рассказов³⁵, объясняющее ситуацию, которой необходимо противодействовать; с яростью петуха, «топчущего» куриц, сравнивается мужская сила и «ярость».

Сюжеты, рассказывающие о браке, восточнославянским заговорам почти не известны (кроме некоторых сюжетов СТ В2, где повествуется о царе за морем, играющем свадьбу и ждущем к себе ворона и проч.), но один сюжет в СТ В14 может, на наш взгляд, намекать на архаичные представления о браке земли и неба – «Земля с небом «ерится» [соединяется]» (XIV.1.1/В14, рус.) [Указ.: 364].

В заговорной сюжетике мы находим также и материнскую любовь, когда Богородица плачет о своем Сыне – XIII.1.1/В14, XIII.1.2/В14 (рус.) [Указ.: 364]. Этот восточнославянский сюжет имеет поздний характер, но интересным здесь является то, что любовь Богородицы к своему Сыну должна была помочь исполнителю текста достичь любви совсем иного рода³⁶.

Сюжетная тема В15

СТ В15: 25 сюжетов в XX подгруппах.

Семантика «основного действия»: «соединение, невозможность перемещения, движения, жизни без чего-либо» (Обхватываются. Обвиваются. Вьются. Переплетаются. Складывают вместе. Держатся. Не могут-жить без чего-либо. Не шевелится. Не выходит. Не переживает. Не передвигается. Не оживает. Не двигается. Не встает. Не говорит. Не думает. Не каркает. Не поет)

Сюжеты СТ В15 противопоставлены сюжетам СТ А6, А8, А12, А13, А15.

Соединение разрушенного, разрезанного, или же существующего отдельно в единое целое является одной из доминант действий в «В» группе (см. СТ В3, В5, В8 и др.). СТ В15 в этом не исключение.

В сюжетах и сюжетных ситуациях первых четырех подгрупп СТ В15 развивается тема соединения двух персонажей, которые обвиваются, переплетаются и т.п. друг с другом – «Зверь любимец» вокруг камня обогнулся» (I.1.1/В15, рус.), «Заговаривающий и «океан-

³⁵ См. о летающем змее [Козлова 2000].

³⁶ Вероятнее всего этот сюжет появился в результате развития следующего мотива в при-
сушках – «как мать тоскует по своему ребенку» [Майков 1869: № 10].

море». «Океан-море» облегаает землю» (II.1.1/B15, *рус.*), «Хмель вьется около дерева» (III.1.2/B15, *рус.*), «Заговаривающий и три дуба. Дубы свиваются вершинами» (III.1.4/B15, *рус.*), «Заговаривающий выходит в поле. Около человека обвивается нитка»³⁷ (IV.1.1/B15, *рус.*) и др. [Указ.: 364-365]. Все эти сюжеты зафиксированы в любовных или близких (свадебный оберег, на начальство) заговорных текстах. Им противопоставлены некоторые сюжеты СТ А12, особенно следующий – «Христос идет в лаптях, [подпоясан] веревками, веревки рвутся» (XIII.2.2/A12, *бел.*) [Указ.: 213], а также СТ А13, к примеру, «Ветви с дуба долой» (XX.1.1/A13, *бел.*) [Указ.: 223].

С сюжетами первых четырех подгрупп СТ В15 по смыслу отчасти связаны сюжеты X-XI подгрупп – «Земля основана на китах, не шевелится» (X.1.1/B15, *рус., бел.*), «Земля стоит на кедрах, не шевелится» (X.1.2/B15, *рус.*), «Вол держит месяц» (XI.1.1/B15, *укр.*) [Указ.: 366-367]. Эти сюжеты имеют космогонический характер и отражают архаические представления об устройстве мира [Мифы 1987-1988, 2: 392].

К ним примыкают сюжеты, также отражающие выжнейшие с т.з. носителей традиции элементы устройства мира, правда более поздние по сравнению с предыдущими – «Господь (гроб Господень) стоит на воздухе («на духу»)» (XIV.1.1/B15, *рус., бел.*), «Престол Господень стоит, не шевелится» (XIV.1.2/B15, *рус.*), «Адам и Ева не выходят из рая» (XV.1.1/B15, *бел.*), «Поп стоит на «Ердане», не шевелится» (XIII.1.2/B15, *рус., бел.*) и др. [Указ.: 367].

Последний сюжет, кстати, оппозиционен одному из сюжетов СТ А6 – «Попы и дяки выходят [на Иордань], потом расходятся» (XXXIV.1.1/A6, *укр.*) [Указ.: 173].

На других сюжетах X-XV подгруппы СТ-В15 оппозиции пока не обнаружено, т.к. в них описывают такие основы мироздания, разрушение которых означает конец света.

Тема не двигающихся, не говорящих персонажей развивается в следующих подгруппах XVII-XX – сюжеты «Мертвец не оживает (не встает)» (XVII.1.1/B15, *бел.*), «Заговаривающий и мертвец. Мертвец не двигается, не говорит» (XVII.1.2/B15, *рус., бел.*), «Христос и покойник. Покойник не встает» (XVII.2.1/B15, *бел.*), «Заговаривающий и человек. Человек лежал в чреве, не думал на заговаривающего» (XVIII.1.1/B15, *рус.*), «Ворон летает, не каркает» (XX.1.1/B15, *рус., бел.*), «Петух не поет» (XX.2.1/B15, *бел.*) [Указ.: 368-369].

³⁷ Ср. с этим сюжетом распространенное в России поверье о нитке на одежде человека, имеющее игровой характер – сколько раз обовьется нитка вокруг пальца, с такой буквы начинается имя жениха или невесты.

Последние сюжеты с птицами прямо противоположны ряду сюжетов СТ А8 – «Птицы выговаривают болезнь» (VII.1.1/А8, бел.), «Петух встает, поет» (XV.1.1/А8, рус., бел., серб.) и др. [Указ.: 184-188].

Таким образом, на примере СТ В15 особенно хорошо видна сложность сюжетных взаимодействий заговорных текстов, которая заключается в том, что имея, в целом, сходную семантику основного действия, относясь только к восточнославянским заговорным традициям, сюжеты СТ В15 противопоставлены сюжетам нескольких СТ «А» группы, среди которых есть и южнославянские.

Повествовательность как категория фольклорных произведений имеет в заговорных текстах текстуально-обрядовый характер, т.к. их информационная, содержательная наполненность не исчерпывается собственно словесной манифестацией, а содержится и в акциональности заговорно-заклинательных обрядов, в представлениях и верованиях, определяющих их бытование. Особенно наглядно это представлено в простых, односложных текстах, называемых в фольклористике чаще всего заклинаниями, и в ритуальных диалогах. Более сложным формам, обладающим повествовательностью как таковой, также свойственна текстуально-обрядовая повествовательность, но в этом случае она непосредственно воплощается в словесной фактуре текстов, либо сворачиваясь до акций, которые существуют параллельно тексту в силу традиции³⁸.

Материалом «Указателя сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян», обобщенного систематического реестра сюжетики заговорных текстов восточных и южных славян, послужили в основном тексты сложной повествовательности, хотя в некоторых случаях в нем учтены и простые словесные формы, если они отражали возможные этапы эволюции сложных

В «Указателе» учтено 981 сюжет/сюжетных ситуаций в 1804 версиях и 3545 редакциях.³⁹

В заговорных текстах, в основном записанных в XIX-XX веках, отражаются различные, порой очень ранние этапы развития сюжетов. По «Указателю» можно проследить лишь некоторые из них. К примеру, как и для фольклорной сюжетики в целом, заговорной свойственна

³⁸ Возможно, именно данное обстоятельство позволяет, что называется, "забывать" о "затекстовой" информации, акциональности заговорно-заклинательных актов, что приводит к ограниченным, неполным записям заговорно-заклинательного фольклора (см. большое число публикаций текстов без описания условий и характера их исполнения).

³⁹ Сюжеты могут быть широко известны, иметь десятки версий, редакций и вариантов, а могут иметь и уникальный характер, быть зафиксированными лишь в одной версии, представленной в одной редакции и единственном варианте.

смена персонажей при относительной неизменности действий и обстоятельств действий. Нельзя не заметить, при этом, что мифологические герои, персонажи или стихии сменяются более поздними христианскими.

Одной из задач при составлении «Указателя» был показ эволюционных связей между сюжетами, их версиями, редакциями, вариантами, но речь в данном случае идет не о построении «эволюционных сюжетных цепочек», сложной и неоднозначно решаемой проблеме (см. [Смирнов, 1974]), а в раскрытии «эволюционного поля» сюжетов, по которому видно, что сюжеты сходны между собой. Характер этого сходства и возможная направленность эволюции должны решаться при более детальном исследовании.

СЮЖЕТНЫЕ СЛАГАЕМЫЕ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН. КОНТАМИНАЦИИ.

Систематическое расположение сюжетов в том порядке, в каком они представлены в «Указателе», является, на наш взгляд, достаточно оптимальным, но не единственно возможным. Приходилось опробовать немало сочетаний, прежде чем остановиться на каком-то решении. Думается, поиски сочетаемости, последовательности сюжетов могут идти сколь угодно долго, особенно при учете нового материала. Действия персонажей при этом как главная сюжетная слагаемая, конечно, было основным, но не единственно возможным критерием расположения сюжета в системе. В наиболее сложных, а потому, может быть, особенно интересных случаях, обращалось внимание также на эволюционно близкие сюжеты, характер персонажей, их атрибутику, локусы совершаемых действий и объекты действий.

Действительно, не только действие, но и другие элементы повествования определяют сюжетность заговорных текстов. В отношении сказок это было замечено К.Бремоном в статье, посвященной работам В.Я.Проппа, где он пишет, что «у Проппа были все основания считать поступки персонажей, приводящие в движение сюжет «составными частями», необходимыми для структуры рассказываемой истории. Тем не менее современные исследования приводят к выводу о необходимости градуального включения и других элементов. Исключение из рассмотрения понятия персонажа, его мотивировок и т.п. представляется все менее и менее приемлемым» [Бремон 1983: 432]. И систематизация заговорно-заклинательных текстов может быть осуществлена и по другим элементам их повествования, что уже сделано, к примеру, на материале русской традиции в работе [Юдин 1997].

Вместе с тем, словарное описание тех или иных концептов, предполагающее учет всех их упоминаний в текстах, которое необходимо при этнолингвистическом исследовании и (см. [Никитина 1993, 1999; Юдин 1997; Завьявлова 1999; Вельмезова 1999]), является необязательным при рассмотрении повествовательной, сюжетной фактуры произведений.

Концепты сюжетного слоя – это не только наиболее значимые элементы сюжетного повествования фольклорных текстов, но и системные концепты картины мира, которая, с одной стороны, как нам представляется, соотносима с картиной мира, получаемой этнолингвистическими методами, а с другой стороны, позволяет обращаться к разноязыковым традициям и создавать ее обобщенные модели.

С точки зрения повествования заговорных текстов, кроме действий значимым элементом сюжетной фактуры является персонажный ряд, набор докусов действий и объектно-предметная наполненность заговорного мира, их атрибутивность.

Персонажи заговорных текстов. Исследование мира персонажей заговорных текстов началось в XIX столетии. А.Н.Афанасьева, Н.В.Крушевского, А.Н.Веселовского, Н.Ф.Познанского и др. интересовала история возникновения заговорных образов, их смысловое значение, имянаречение (см. подробно [Юдин 1997: 15-17]). В последние годы ко всем этим проблемам вновь было обращено пристальное внимание, и появился ряд интересных работ (см. [Шиндин 1994; Юдин 1997; Москвина 1997; Фадеева 2000]).

При систематическом описании заговорной сюжетики нами было замечено, что хотя заговорные персонажи в сюжете не являются столь же устойчивыми, как и действия (на сказочном материале это выявлено [Пропп 1969]), все же они значимый элемент повествования заговоров. Исходя из этого, мы выделили и классифицировали все персонажи (субъекты действий) в заговорных сюжетах восточных и южных славян, учтенных в «Указателе» [Указ.: 398-423].

Отметим сразу, что в наш список попали только персонажи, которые встречаются в учтенных в «Указателе» сюжетах и сюжетных ситуациях. А потому, он не охватывает всего круга персонажей и образов, имеющих в текстах с данными сюжетами и сюжетными ситуациями, и уж тем более – всех персонажей восточнославянской и южнославянской традиций.

В классификационном делении персонажей мы исходили из самых общих признаков, характеризующих их место в христианизированной природно-культурной модели мира. Все учтенные персонажи разделены на несколько групп:

1. Персонажи христианской мифологии.
2. Персонажи языческой мифологии, болезни.
3. Персонажи животного мира.
4. Персонажи растительного мира.
5. Светила, стихии, явления природы.
6. Персонажи предметы.
7. Персонажи «реального мира».

Данная классификация имеет условный характер (ср. с классификацией [Черепанова 1991: 144-149]), но, несмотря на это, для любого персонажа мира заговорных текстов в ней есть место.

В первой группе «христианских персонажей» 172 основных позиций. Некоторые из них имеют обобщенный характер. К примеру, «Бес, Сатана, антихрист, дьявол, враг, черт, дух нечистый, дьяволь-

ская сила, окающая сила, вражья сила, нечистая сила, демонская сила, духи злые», но большинство все же являются индивидуализированными, т.е. одна позиция – один персонаж. При обобщениях мы делали отсылки. К примеру, «Дьявол. см. бес», не отмечая номера сюжетов. Основными позициями называются такие, при которых есть указания на конкретные сюжеты и сюжетные ситуации.

В «Указателе» каждая позиция сопровождается конкретным номером сюжета или сюжетной ситуации. Поэтому с его помощью определяется такая важная черта, помогающая пониманию особенностей заговорного жанра, как частотность персонажей.

Частотность концептов является одним из инструментов исследования фольклорной картины мира и фольклорной поэтики (см. [Никитина 1999: 20-25; Гацак, Алиева и др. 1977: 50-83]). Вместе с тем, при интерпретации частотности персонажей в нашем «Указателе» необходимо учитывать следующие моменты: во-первых, данная частотность не исчерпывает всех упоминаний персонажей даже в учтенных в работе текстах; во-вторых, в некоторых случаях нами делались обобщения (к примеру, когда в заговорном тексте встречались большие списки имен святых, в целях сокращения, мы обобщенно обозначили их как «святые», так как, на наш взгляд, часто подобные списки святых помощников сами имели обобщающий характер и, видимо, просто персонифицировали божественную силу), и, в-третьих, самое главное – данная частотность прежде всего показывает активность персонажей, так как основана на учете их присутствия в сюжетах и сюжетных ситуациях.

Среди «персонажей христианской мифологии» чаще всего в заговорных сюжетах встречаются Христос и Богородица. Каждый из них фигурирует более чем в 500 сюжетных редакциях.⁴⁰ Хотя во многих сюжетах Христос и Богородица встречаются отдельно, но примерно равное число их упоминаний, зафиксированное в «Указателе», показательно: Богородица и ее Сын в сознании православного человека выступают как единая пара его первых помощников и защитников.

Из святых, упоминаемых в заговорных текстах восточных и южных славян, наиболее часто встречаются святой Михаил (около 150 раз), Егорий Храбрый (70), Илья Пророк (40), святой Николай (30).

Нечистая сила (Сатана, бес, черти и др.), составляющая важный элемент христианской картины мира, встречается в около ста редакциях сюжетов и сюжетных ситуаций учтенных заговорных текстах восточных и южных славян.

⁴⁰ Число упоминаний имеет относительное значение, так как привлечение нового материала изменит цифру. Тем не менее, так как нами использован массовый материал, оно показательно в сравнении с количеством упоминаний других персонажей.

В отличие от частотных фольклорных словарей (см. [ФЛ 1997]) «Указатель» не только дает возможность составить представление, о чем повествуют тексты, но и позволяет выявить, какие действия характерны для того или иного персонажа. Правда, при составлении мы не учитывали следующее: выполняет ли данный персонаж основное действие или наоборот оно направлено против него, или персонаж лишь упомянут в сюжете. Вместе с тем, внимательный просмотр позволяет снять эту трудность.

Так, по «Указателю» видно, что Иисус Христос и Богородица встречаются практически во всех СТ, т.е. они являются универсальными персонажами (в отношении Богородицы эти данные подтверждаются в работе [Фадеева 2000: 16-23], в отношении Иисуса Христа – в работе [Юдин 1997: 51-52]). Такими же универсальными оказались Петр и Павел, священнослужители (архиерей, поп и др.).

Относительно некоторых других христианских персонажей можно сказать, что в заговорных текстах восточных и южных славян они чаще всего выполняют действия со следующей обобщенной семантикой:

Ангел, апостол, Гавриил архангел, Егорий Храбрый, Михаил архангел стреляют из лука и проч., избивают, изгоняют (СТ А6), защищают, охраняют замыкают, закрывают (СТ В6). Также стреляют из лука и проч., избивают, изгоняют (СТ А6) *Илья пророк, Кузьма и Демьян, Лука, Николай угодник, Марк. Евангелисты* сжигают огнем (В12), как и *бес, Сатана, другая нечистая сила*, которые к тому же еще нарушают дружественные отношения, привязанность людей друг к другу (СТ А15), приближают, перемещают (СТ В3). У *Лазаря*, которого уничтожают с помощью режущего, колющего инструмента, совершенно отсутствует боль (СТ А5). *Соломонида* моет, смывает водой (СТ А3).

Здесь мы ограничились только теми персонажами, которые встречаются в заговорных текстах значительное число раз. Если сравнить их характеристику с той, которая представлена в работе А.В.Юдина, то обнаруживаются некоторые расхождения, которые связаны в первую очередь с тем, что у А.В.Юдина все действия персонажей рассмотрены с точки зрения их разделения на универсальных, помощников, защитников (целителей) и противников, и не всегда раскрывается, какими именно действиями выполняется та или иная роль (см. [Юдин 1997: 21-22] и др.).

К многочисленной группе языческих персонажей и болезней (383 основных позиции) отнесены те герои заговорных сюжетов, которые, кроме точно определяемых образов, восходящих к дохристианским верованиям (огненный змей, вилы, вештицы, ориснишы и др.) и персонифицированных болезней, имеют неясную этиологию, вероят-

но восходящую к древним представлениям и верованиям – «желтый», «красный» человек, девицы, братья, сестры и др.

Наиболее часто встречающиеся персонажи в этой группе – это болезни (более 300 упоминаний). В целом лишь незначительная часть болезней была нами дифференцирована, а именно – Далак (*серб.*), Усов (*серб.*), Звих (*бел.*), Тоска (*рус.*), Урок (*серб.*), тех, чьи действия отличались особой индивидуализированностью. Остальные, хотя в текстах часто и имели конкретные названия, обозначались нами обобщенно словом «болезнь». Это было сделано в целях унификации описания сюжетов.

Из других часто встречающихся персонажей необходимо отметить таких, как девица (около 150 раз), мертвец (70), дед (70), змей (40).

В группе «языческих» персонажей обращают на себя внимание большое число женских образов, к которым кроме девиц относятся панны, женщины, бабы, старухи и др. В общей сложности они встречаются в около 400 сюжетных редакциях. Соотносимые по числу упоминаний в группе христианских персонажей образ Богородицы и женских образов в группе языческих персонажей может быть показателем, если не процесса стадийной смены девиц и прочих Богородицей, то дополнительным указанием на огромную популярность в славянских заговорно-заклинательных текстах женских образов, что может быть связано с древнейшими культами женских богинь.

Одной из характерных особенностей персонажей данной группы является то, что многие из них являются не только субъектами действий, но и объектами. Таковы, к примеру, многочисленные болезни. Но для ряда персонажей этой группы также по «Указателю» определяется обобщенная семантика наиболее характерных для них действий:

Дед вынимает (СТ А1), режет, колет (СТ А5). Режут, колот (СТ А5) также *невесты*, *плотники* и *братья*. Последние к тому же стреляют (из лука и др.), избивают, изгоняют (СТ А6). *Войско* сражается (СТ А7). *Мертвец* не чувствует боли если его режут (СТ А5), не движется (СТ В15). *Дети* рождаются и исчезают (СТ А9). *Женщины*, *бабы* разламывают, разбивают (СТ А12), а *Звих* (болезнь) восстанавливает сломанное, сдвинутого с места (СТ В8). *Человек безрукий*, *безротый*, *чудный* и *Змей* поедают (СТ А4). *Змей огненный* разжигает (СТ В12). Схожий с ним персонаж – *змея с огненным и водяным глазом*, а также *ледяной царь* уничтожают огонь (СТ А14). *Охотник*, *стрелец* не может убить (СТ В4). *Сваты* приглашают на свадебный пир (СТ В2). *Тоска* идет к кому-то в тело (СТ В1), привлекает другого (СТ В3). *Урок* и *урочица* находятся в любовных отношениях (СТ В4).

Ряд персонажей, такие как *молодец* (парни, юноши и др.), *царь* (король, властители и др.), различные *мужжи* (железный, медный и др.)

являются, видимо, универсальными. Универсальностью отличаются и *девицы* (в т.ч. панны), хотя они и выполняют чаще всего действия, связанные с привлечением, обещая удовлетворить желания и потребности (СТ В2) и пришивают, связывают (СТ В5).

Такая универсальность мужских и женских персонажей показательна, особенно в связи с тем, что универсальными среди христианских являются Иисус Христос (и некоторые святые) и Богородица. Вероятно, это объясняется их эволюционной соотношенностью.

В группе персонажей животного мира 163 основных позиции.

Среди них часто встречаются волк (80), бык, вол, корова (70), ворон (60), собака (60), но численно преобладает все же змея (220), что объясняется не только особой ролью этого пресмыкающегося в славянских верованиях (см. [Гура 1997: 277-379]), но и значительной долей сюжетов восточнославянских (белорусских) заговоров от змей, учтенных в «Указателе».

Рассмотрение характерных действий для персонажей животного мира показывает следующее:

Бык ломает, разбивает (СТ А12). *Змея, жаба* вынимают (СТ А1). *Петух* поет (СТ А8). *Волк, ворон, курица, кот, орел, птица, собака, щука* поедают (СТ А4).

Эти данные показывают, что в восточнославянских и южнославянских заговорных сюжетах роль большинства персонажей данной группы состоит в уничтожении чего-либо, где основным способом, так как это животные, является поедание.

Из группы «светила, стихии, явления природы» наиболее часто встречаемые в заговорных сюжетах персонажи – вода, река, море (около 90 раз) месяц (80), ветер (60), заря (50).

Семантика основных действий этих персонажей состоит в следующем:

Вода, река смывают (СТ А3). *Ветер* сдувает (СТ А2) и надувает (СТ В1). *Огонь, солнце* разжигают (СТ В12). *Месяц* не может сойтись с другими (СТ А15). *Заря* вынимает (СТ А1) и дает (СТ В1).

Направление действий перечисленных выше светил, стихий и явлений связано с их природными свойствами. Исключение составляет, пожалуй, только заря, но и в приписываемой ей способности что-то забрать или дать лежат представления о ней, как о ежедневно приходящем и уходящем, недолговременном явлении, разделяющем день и ночь.

Из немногочисленных персонажей растительного мира (26 позиций) наиболее часто как субъект действия в заговорных текстах встречается дуб (около 30 раз), для которого характерно направление действия «уничтожение через вынимание» (СТ А1).

От «обычного» дуба необходимо отличать *железный дуб*, который не ломается (СТ В9).

Группа персонажей-предметов показывает, что субъектами действия в заговорных сюжетах могут быть и предметы из бытового окружения человека. Обратим внимание, что обычно это те, с помощью которых могут выполняться активные действия: колокол, кочерга, кросно, метла, нож, ножницы, сабля, стрела, топор, хлыст. Появление их в качестве персонажей (как правило, в заговорных сюжетах они фигурируют как инструменты действий) объясняется значимостью действий с данными предметами в заговорных сюжетах (бьют, режут, отсекают, отмечают и проч. – см. СТ А5, СТ А6), что привело к перенесению субъектности действия на его инструмент.

В последней 7 группе «персонажей реального мира» наиболее часто встречаемый герой заговорных сюжетов – это «заговаривающий». По уровню частотности он имеет абсолютное «первенство» – более 1100 раз. Заговаривающий как персонаж текста мало интересовал исследователей. Связано это, видимо, с тем, что он, в отличие от других заговорных персонажей, представлен скупой, несмотря на то, что, как реальный человек, – заговаривающий постоянный участник обрядового заговорного действия. Учитывая все это, подробнее рассмотрим его.

Практически, мы одни из первых обратили внимание на *заговаривающего* как персонажа заговорных текстов (см. [Кляус 1997а]). Его отличие от всех остальных состоит в том, что он является одновременно и исполнителем, человеком реально произносящим заговорный текст в заговорно-заклинательном акте, и персонажем, встречающимся с другими персонажами, наблюдающим, вступающим с ними в контакт, беседующим, просящим и выполняющим поручения.

Интерес к человеку – исполнителю магических текстов, особенно усилился в последние годы. При этом проводится не только физиологические, психологические, энергетические исследования людей, занимающихся практической целительской деятельностью (см. [Харитоновна 1995]), но и сделаны попытки непосредственно в заговорных текстах выявить особенности отображения личности исполнителя, образа заговаривающего, как «лирического героя» текста [Москвина 1997: 11-12].

Анализ даже только ограниченной группы заговоров – русского населения Восточной Сибири и Забайкалья – позволяет сделать вывод о том, что образ заговаривающего складывается из характеристик трех видов:

1. Действия заговаривающего.
2. Качества, характерные для заговаривающего.
3. Качества объектов, принадлежащих заговаривающему.

Наиболее многочислен первый вид характеристик. Среди всех действий чаще всего встречается выход заговаривающего из дома в некоторое мифологическое пространство (чистое поле, океан море, остров Буян и проч.). Эти действия представлены в традиционном для русских заговоров вступлении «Встану благословясь, выйду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота», которое иногда имеет и вид «Встану не благословясь, выйду не перекрестясь не из дверей в двери, не из ворот в ворота». Обычно за этим следует обращение заговаривающего к какому-либо мифологическому персонажу с просьбой или приказом. В некоторых случаях, выйдя из дома, заговаривающий просто наблюдает за действиями мифологического существа.

Выход из дома практически всегда сопровождается благословением, видимо, это благославление батюшки и матушки [Логиновский 1903: 65-66; 77-78, № 5; 93, № 5]. Выход может осложняться и другими действиями: умыванием [Логиновский 1903: 65-66; С.76-77, № 3; 80-81, № 10; 86-87, № 1; 95-96, № 8] и одеванием [Логиновский 1903: 43, № 1; 78-79, № 6]. На наш взгляд, благословение у родителей, умывание и одевание являются дополнительными действиями по отношению к выходу из дома. Они, в частности, сигнализируют о принадлежности заговаривающего человеческому миру.

Находясь в мифологическом пространстве, заговаривающий может кланяться на четыре стороны, становится лицом к солнцу [Логиновский 1903: 81-82, № 11]. Обращаясь к мифологическому персонажу, он «подходит близешенько, кланяется низешенько» [Виноградов 1915а: 117]. Характерно, что кланяется заговаривающий таким персонажам, как Богородица, Иисус Христос, святые, т.е. представителям христианского мира. Сатане, чертям и проч. заговаривающий обычно не кланяется.

Действия вне «дома» показывают, что заговаривающий обладает определенными навыками поведения в мифологическом пространстве, знает, как нужно общаться с встречающимися там персонажами.

Интересно, что большинство действий заговаривающего говорят о том, что он является не совсем обычным человеком. Заговаривающий может съесть болезнь [Виноградов 1915: 91, № 4; Ермолаев 1913: 360; Логиновский 1903: 64, № 2; С. 92, № 3; Азадовский 1914: № 35], он гасит за морем огонь (Болонев 1978: 123-124), вытаскивает зубы у змеи [Логиновский 1903: 43, № 1; С. 44-45, № 4], бьет болезнь [Логиновский 1903: 75, № 1; Азадовский 1914: № 27], плывет в лодке, стреляет из лука, летает [Логиновский 1899: 58, № 6], сечет, пресекает дороги [Логиновский 1899: 58], разрезает тело больного [Чеканинский 1914: 271, № 5.6] разливает кровь по жилам [РО. № 3271, п. 2, л. 102]; кидает за море «думу» (мысли) [Виноградов 1915: 391, № 5].

Подавляющее большинство этих действий в заговорных сюжетах выполняют мифологические персонажи: съедают болезнь [Указ.: 74-105], тушат огонь [Указ.: 223-227]; вынимают змеиные зубы [Указ.: 22-34], бьют болезни [Указ.: 144-148], стреляют из лука [Указ.: 138-142].

Как отдельные действия можно рассматривать те, которые отражают обучение заговаривающего, получение им «магического слова» и пользование эти «словом»: учил – недоучил [Логиновский 1903: 88, № 4 – от хомута], учил – перезабыл [Красноженова 1908-1911, 39: 20-21, № XIV], учил чертить и наговаривать [Болонев 1987: 124-125]; переговаривает, недоговаривает слова [Логиновский 1903: 37, № 2; Чеканинский 1914: 272, № 6.4], берет слова и складывает [Красноженова 1908-1911, 39: 18, № IX.5].

У восточных славян существует поверье, что с заговорным текстом необходимо обращаться очень осторожно: нельзя переставлять слова, менять или пропускать их, так как в противном случае заговор потеряет свою «силу». В реальной практике дело обстояло несколько иначе: при исполнении заговоров, как и других жанров фольклора, происходила импровизация. Возможно, она была не такой сильной, к примеру, как в сказках, но достаточно заметной, чтобы ее почувствовали сами исполнители заговоров, что и нашло свое отражение в описаниях обучения заговаривающего и пользовании им «словами».

Во втором виде характеристик раскрываются качества заговаривающего. Он – «раб Божий», имеет имя, рожден от матери [Логиновский 1903: 92, № 2], крещеный [Логиновский 1903: 64, № 1], не может жить без хлеба и соли [Братский 1913: № 2], у него чистое сердце, невинное тело [Логиновский 1903: 66-67, № 6]. Эти качества можно охарактеризовать как человеческие. В то же время, заговаривающий имеет черты мифологического существа: он отождествляется с Богородицей [Овчинников 1914: 99-100], не боится колдунов [Красноженова 1909: 30, № 2], у него есть слуга – злой человек татарин [Красноженова 1908-1911, 39: 15-16, № IV.3], он имеет железные когти [Логиновский 1903: 92, № 2], зори – названные сестры заговаривающего [РО. № 3180, п.4, л.168], он способен покорить мир [Логиновский 1903: 92, № 2].

Третий вид характеристик раскрывает качества объектов, принадлежащих заговаривающему. К примеру, дом заговаривающего – ни дна, ни покрышки, его двор – ни людей, ни зверей [Логиновский 1903: 41]. Этот дом и двор стоят в одном ряду с такими мифологическими объектами, как изба без окон, без дверей [Указ.: 440], дуб вниз макушкой [Указ.: 436].

Сюда относится характеристика «слов» заговаривающего: они «крепкие» [Логиновский 1903: 97, № 11], «ходки и плавки» [Логинов-

ский 1903: 92, № 3], «острее ножа» [Красноженова 1908-1911, 42: 74, № 26], «хитры и мудры» [Красноженова 1908-1911, 42: 12-13, № 11.3], дума заговаривающего – туча, слова – гроза [Логиновский 1899: 63, № 7], слова заговаривающего идут через тело лошади в землю [Логиновский 1903: 79-80, № 8].

Так называемые «заключки» (завершающая часть заговорного текста) дает характеристику еще двух объектов, принадлежащих заговаривающему: «уста – замок, ключ – язык», которые также подчеркивают особенность слов, произнесенных заговаривающим.

Обилие характеристик «слов» заговаривающего не случайно, так как его главное отличие (и как реального человека и как образа в тексте) от других людей как раз и состоит в обладании этими «волшебными» словами.

Анализ русских заговоров Сибири позволяет сделать вывод о том, что образ заговаривающего в этих текстах отражает определенные представления о человеке, владеющем заговорами. С одной стороны, он – человек, представитель мира людей. С другой стороны, владение магией слова дает возможность заговаривающему чувствовать себя своим в мире мифологических существ. Заговаривающий стоит на границе двух миров, он посредник между ними. Поэтому его образ в заговорах амбивалентен – являясь человеком, он имеет и черты мифологического существа. Этим заговаривающий существенно отличается от «обычного» человека в заговорах – больного или тому, кому требуется помощь (см. также стр. 99-100).

Наряду с *заговаривающим*, который в сюжете заговорных текстов, хотя и является персонажем, но все же выступает в форме 1-го лица ед. числа, мы посчитали необходимым выделить такого персонажа, как *знахарь* (*знахарка*). Он в отличие от заговаривающего в текстах представлен уже как полноценный персонаж, т.е. описывается со стороны, в форме 3-го лица ед. числа, хотя и в этом случае и знахарь (*знахарка*) и исполнитель заговорно-заклинательного акта – одно и то же лицо. Образ такого знахаря (*знахарки*) характерен для сюжетов южнославянских традиций.

В заключение укажем, что между группами заговорных персонажей можно выделить оппозиционные пары резкого плана антитечности:

1. Языческие – Христианские.
2. Животный мир – Растительный мир.
3. Персонажи «реального» мира – «Ирреальные» персонажи (христианские, языческие).
4. Персонажи живой природы (животные, растения) – Персонажи неживой природы (предметы, светила, стихии).

Эта оппозиционность указывает на то, что персонажный мир заговорно-заклинательных жанров восточных и южных славян носит системный характер, который выявляется при определенных исследовательских подходах (см. [Юдин 1997: 21-26]).

Предметы и локусы. Локусы как отдельный элемент сюжетного повествования нецелесообразно отделять от многочисленных предметов, встречающихся в заговорных текстах – инструментов, объектов действия и проч., так как многие предметы могут выступать и как локус, и как объект действия, и как его предмет или инструмент [Указ.: 424-449].

Все предметы и локусы нами разделены на следующие классификационные группы:

1. Предметы и локусы картины мира и явлений природы (158 основных позиций).
2. Предметы и локусы растительного мира (68 основных позиций).
3. Предметы и локусы мира животных (26 основных позиций).
4. Предметы и локусы, связанные с миром и жизнедеятельностью человека (299 основных позиций).
5. Предметы и локусы с неясным значением (12 позиций).

Данная классификация охватывает практически все многообразие заговорного мира, и нет ни одного локуса или предмета «человеческой» вселенной, которые нельзя было бы отнести к этим группам.

Попытаемся более наглядно на основе данных «Указателя» предварительно обрисовать, как может выглядеть «карта» сюжетного заговорного мира восточных и южных славян. Отметим лишь, что составление такой карты, учитывая наличие специальных компьютерных программ, является вполне выполнимой задачей. Насколько это может быть интересно, видно из нижеследующей таблицы, содержащей предварительный материал для такой карты.

Для наглядности, ориентируясь на картографическое отражение реального мира, мы выбрали лишь определенные локусы и объекты, подразделив их на классы и уровни. В качестве первичных, основных локусов «карты», на которых покоятся все остальные, нами выбраны четыре – земля, море, остров, небо. На них расположены вторичные локусы. Причем те, которые находятся на земле и острове подразделены на 2 класса – природные и артефакты.

Все локусы и объекты в таблице имеют две цифры: число в квадратных скобках – это количество упоминаний в заговорных сюжетах; число в процентах – относительная частотность («размер») к другим локусам уровня, с условием, что каждый из уровней взят за 100%.

Первичные локусы

(% – частотность к общему числу данной группы)

Море – 59% [756]	(«обычное» – 58% [744], «золотое/желтое» – 0,3% [4], «огненное» – 0,2% [3], «ледяное» – 0,2% [3], «красное» – 0,07% [1], «поганое» – 0,07% [1]).
Земля – 18,2% [233]	(«пустая» – 7,7% [99], «обычная» – 5,6% [72], «лукоморье» – 8,5% [36], «ад» – 2,8% [13], «железная» – 0,4% [5], «немецкая» – 0,2% [3], «Египет» – 0,07% [1]), «Индия» – 0,07% [1], «турецкая» – 0,07% [1], «французская» – 0,07% [1], «тридевятое» – 0,07% [1])
Остров – 12,5% [161]	
Небо – 10% [129]	(«обычное» – 9,3% [120], железное/медное – 0,4% [6], лубяное 0,07% [1], тридевятое 0,07% [1], седьмое 0,07% [1])

Вторичные локусы, расположенные на небе

(% – частотность к общему числу данной группы)

Солнце – 45% [44]; Месяц – 29% [28]; Звезды – 26% [25]

Вторичные локусы, расположенные на острове и на земле

1 уровень [природные локусы] (% – частотность к общему числу данной группы)

Поле – 22% [496]	(«поле» – 19,7% [442], «луг» – 1,9% [43], «долина» – 0,5% [11])
Камень – 16,5% [370]	
Гора – 12% [268]	(«обычная» – 11,4% [256], «холм» – 0,3% [6], «ледяная» – 0,13% [3], «костяная» – 0,08% [2], «огненная» – 0,04% [1].)
Дуб – 9% [204]	(«обычный» – 7,3% [195], «без корня, вниз макушкой» – 0,4% [9])
Дерево – 6,6% [192]	(«просто дерево» – 1,8% [41], груша – 1% [22], яблоня – 0,8% [17], береза – 0,5% [12], явор – 0,5% [11], верба – 0,4% [9], калина – 0,4% [9], лоза – 0,3% [6], сосна – 0,3% [6], осина – 0,2% [4], ель – 0,2% [4], липа – 0,1% [3], ракета – 0,08% [2], ива – 0,04% [1], кедр – 0,04% [1], тополь – 0,04% [1]).
Лес – 8,4% [188]	(«обычный» – 8% [180], «дуброва» – 0,3% [7], «святой лес» – 0,04% [1])
Реки – 6,2% [139]	(просто река (локальные реки) – 3,6% [80], «Иордань» – 0,9% [20], огненная река – 0,7% [15], ключ – 0,4% [9], «Дунай» – 0,3% [7], ручей – 0,2% [5], «Дон» – 0,08% [2], «Днестр» – 0,04% [1])
Дорога – 4,2% [94]	(«обычная» – 3,9% [89], «левая» – 0,08% [2], «царская» – 0,04% [1], «черная» – 0,04% [1], «лесная тропа» – 0,04% [1])

Трава – 3% [67]
 Огонь – 3% [63]
 Болото – 2,5% [56]
 Берег – 2% [45]
 Куст – 2% [43]
 Цветы – 1% [19]
 Озеро – 0,5% [11]
 Перекресток – 0,5% [11]
 Пень – 0,4% [9]
 Солома, сено – 0,2% [4]
 Жива – 0,1% [3]

2 уровень [локусы–артефакты] (% – частотность к общему числу данной группы)

Церковь – 29,3% [124]
 Гнездо – 14,4% [64]
 Города – 13,4% [57]

(Иерусалим – 5,4% [23], просто город – 2,1% [9], Царьград – 1,4% [6], Киев – 1,4% [6], Банат – 0,2% [1], Белград – 0,2% [1], Москва – 0,2% [1], Лукорье – 0,2% [1], золотой – 0,2% [1], огненный – 0,2% [1], желтый – 0,2% [1], Чернигов – 0,2% [1], София – 0,2% [1], Стамбул – 0,2% [1], Срем – 0,2% [1], Охрид – 0,2% [1], Оборочен город – 0,2% [1], Минск – 0,2% [1])

Деревни – 5,4% [23]

Особенность данной «карты», показанной здесь в виде таблицы, состоит в том, что она отражает не просто мир заговорных текстов, а сюжетный мир, т.е. показывает активность персонажей в определенных локусах. И роль последних в этом отношении неравнозначна. При этом крайне любопытным является то, что если первичные объекты и вторичные объекты, расположенные на небе (солнце, месяц, звезды), соответствуют как бы реальным представлениями о соотношении их размеров: к примеру, море больше земли, а земля больше острова, или солнце больше месяца и проч., то некоторые вторичные объекты, расположенные на земле и острове, поражают своими несоответствием – камень больше, чем гора, церковь больше, чем города и деревни.

По «карте» видно, что наиболее значимые локусы для заговорных персонажей – это «море», «земля», «остров», «поле», «камень», «гора», «дуб», «реки», «лес», «церковь». По «Указателю» все они являются универсальными, т.е. возле них выполняются практически все действия.

Относительно же некоторых иных локусов можно указать, что они связаны с определенными действиями, с их исполнением или результатом. Покажем это, опираясь на семантику основных действий:

Возле *берега* используют воду (СТ А3). Что-то уничтоженное с помощью режущего, колющего инструмента (СТ А5) или стрельбой (из лука и др.), избиваемое, изгоняемое (СТ А6) отправляют в *пустое место, пустое царство*. С *дубом без корня, без макушки и базаром, гнездом* связаны персонажи, которые поедают (СТ А4). Опять же с *гнездом*, но также и *кустом, руном, рукавицами, грушей* что-то вынимающие персонажи (СТ А1), а с *грушей* еще и пришивающие (СТ В5). Рождающиеся на *маковом зерне* исчезают (СТ А9). Сидящие на *доске* дают нечто (СТ В1) и пригоняют (СТ В3). На *мосту* всегда что-то ломается (СТ А12)

Также и некоторые предметы преимущественно связаны с определенными действиями:

Солнце защищает (СТ В6) и сжигает (СТ В12). *Мечом, косой, ножом, ножницами, саблей, топором, лопатой, костями* режут колот (СТ А5). Из лука стреляют *стрелой, прутом* и *копьем* бьют, изгоняют (СТ А6). С помощью *веника, метлы* выметают (СТ А2), и отмечают то, что было отрезано (СТ А5). *Свадьбой, столом с вином, хлебом* и *едой* вообще, *постелью с подушками* привлекают, обещают накормить, дают отдохнуть (СТ В2). *Воротами, замком, ризой, тыном* закрывают, замыкают, защищают (СТ В6). Также закрывают (СТ В6) и *ключом*, но им еще и открывают (СТ А10). *Евангелие, книгу* читают (СТ А8). *Иглой с нитью, шелком* пришивают, связывают (СТ В5). В *ловушки* загоняют (СТ В3). *Молоко, сыр* поедают (СТ А4). *Печь* разжигают (СТ В12). *Роза* не может расти (СТ В11). *Траву* рвут (СТ А13).

Из этого перечня видно, что предметы в заговорах и заклинаниях используются в соответствии со своей функцией в реальной жизни человека.

Из рассмотрения персонажей, локусов действия, предметов и непосредственно самих действий в заговорных текстах восточных и южных славян неизбежно возникает вопрос о соотношении этих сюжетных составляющих: возможно ли определение таких сюжетных повествований, для которых все эти элементы были бы жестко взаимосвязаны между собой, т.е. каждый из них неизбежно был бы взаимообусловлен другим? Как нам представляется, видимо, нет, так как заговорный мир восточных и южных славян чрезвычайно многообразен, и заговорно-заклинательные традиции, имея давнюю историю, продолжают активно бытовать и эволюционировать в наши дни. Вместе с тем, при определенных допущениях, можно выявить некоторые закономерности, тенденции в этом отношении (см. нашу работу о локусе *гора* [Кляус 1993]).

Константы и константные атрибуты персонажей, предметов и локусов. Одной из составляющих повествования фольклорного текста являются константы и атрибуты персонажей и предметов (см. [Гацак 1990а, Гацак 1989]). Хотя в большей степени они связаны с характеристикой персонажей, действий и объектов «фольклорного мира», тем не менее сама эта характеристика обусловлена прежде всего их функциональной или акциональной заданностью в сюжетном повествовании.

Рассмотрение сюжетики заговорных текстов восточных и южных славян позволило выявить ряд постоянных свойств и атрибутов персонажей и предметов [Указ: 450-452], а именно: Чудо; Невыполнимая работа; Слепые; Немые; Без рта; Без крыльев, без ног и др.; Многоголовые; Огненные; Железные, медные, золотые, серебряные; Железные зубы; Каменные, костяные; Едут на коне; Выходят из-под камня, вынимают из камня; Проходят через тело в землю; Летают; Плавают; Передают друг другу.

Оказалось, что некоторые из указанных атрибутов константны представителям всех сфер и областей мира: водной, подземной, земной, небесной; животным, растениям, стихиям и светилам и самому заговаривающему. Ниже даем список персонажей с этими атрибутами, приводя и номера сюжетов по «Указателю».

Огненность

Хищные животные: волк с пламенем из рта (1/XII.3.2/A4); волк с огненным и водяным м... (1/VII.3.1/A14)

Птицы: ворон огненный (1/V.1.1/B12); жар-птица (11/VI.1.1/A4 и др. сюжеты)

Рыбы: рыба огненная (1/XIX.1.2/B6)

Змеи: Змей огненный, змея огненная (4/III.2.1/A4 и др. сюжеты); змея огненная девица (1/VI.1.3/B12); змея с огненным и водяным глазом (2/VII.1.1/A14 и др. сюжеты)

Прочие животные: *(не зафиксировано)*

Заговаривающий: Заговаривающий одевает на себя солнце (1/I.2.2/B12), на лице заговаривающего лучи солнца (1/I.2.4/B12), в очах заговаривающего солнце (1/I.2.3/B12), заговаривающий – солнце (1/I.2.2/B12) *(заговаривающий также может сжигать болезни, змей и проч. – см. 1/XV.1.1/B12 и др. сюжеты)*

Прочие живые, мифологизированные существа: Мария огненная (1/X.2.1/A5 и др. сюжеты); урок с водяным и огненным глазом (1/VII.2.1/A14); урок водяной и огненный (1/VII.2.2/A14)

Строения: град огненный (28/I.1.2/A1); дом огненный (1/XVIII.1.1/A1 и др. сюжеты); престол огненный (1/XI.1.1/A14)

Прочие объекты мира человека: стрела огненная (1/VI.2.1/B12 и др. сюжеты); колесница огненная (1/Л.7.1/A6 и др. сюжеты); меч огненный (23/Л.1.2/A1 и др. сюжеты); палаши огненные (1/X.1.2/B12); оружие пламенное (1/XXIX.1.3/B6)

Растения: *(не зафиксировано)*

Небесные светила: солнце (16/Л.1.2/A1 и др. сюжеты)

Водные объекты: река огненная (1/VI.2.1/B1 и др. сюжеты); ключи огненные (1/VIII.3.1/B12); море огненное (1/Л.1.10/A1 и др. сюжеты)

Прочие объекты неживой природы: гора огненная (1/Л.1.1/A16); столб огненный (1/Л.4.2/A4 и др. сюжеты)

Огненность некоторых заговорных персонажей, предметов и логосов – чрезвычайно любопытный атрибут, требующий специального рассмотрения. Здесь мы только укажем, что к исследованию истоков огненности отдельных из них уже обращались исследователи. Так, В.С.Мансикку и Н.Ф.Познанского интересовало происхождение образа «огненной Марии» и персонажей, напоминающих ее – девиц, женщин, баб, которые «пользуются» огнем. В.С.Мансикка считал, что они восходят к иконографическому образу Богородицы [Мансикка 1909: 138-140, 302]. Н.Ф.Познанский представлял это иначе: по его мнению, основу для формирования женских персонажей, связанных с огнем, создали способы лечения отдельных болезней [Познанский 1917: 194-202].

Н.Ф.Познанский, кстати, пишет, что выражение «огненная Мария» в заговорах не встречается, и он применяет его лишь только потому, что «раньше им пользовались Веселовский и Мансикка» [Познанский 1917: 194]⁴¹. Сейчас мы можем сказать, что это не так, и в сербских заговорных традициях «огненная Мария» все же упоминается (см. [Раденкович 1982: № 234, 492]), но самое главное, что в данном случае – это пока единственное употребление эпитета «огненный», указывающей на определенную атрибутивность, по отношению к персонажу, который может ассоциироваться с миром христианских образов.

Огненность в фольклоре, как следует из целого ряда исследований, является одним из атрибутов объектов и персонажей «иного» мира. «Огненная река» разделяет «этот» и «тот» свет [Успенский 1982: 143-144; Пропп 1986: 216-263], она находится в основе мироздания, а в ней плавают «огненная рыба» [Афанасьев 1865-1869, 2: 163; Апокрифы 1982: 335-336; Успенский 1982: 143; Гура 1997: 287].

⁴¹ А.Н.Веселовский предположил, что эпитет «огненный» Мария получила у сербов и болгар в связи с Ильей-громовником, так как она называется у них его сестрой (Веселовский 1879-1891, 2: 87).

«Огненный змей», воплощающий стихию огня [Мифы 1987-1988, 2: 238; Гура 1997: 291]⁴², также связан с потусторонним миром [Успенский 1982: 63, 148-149]. В сербском эпосе от него рождается чудесный герой, схожий с русским Всеславом, – *Змај Огњена Вук*, который хотя и имеет человеческий облик, но из его рта вырывается огонь, он имеет волчью шерсть, а раны этого эпического героя зализывает волк [Мифы 1987-1988, 1: 471. Путилов 1971: 70-78]. Для волка, кстати, огонь является одним из наиболее характерных атрибутов [Гура 1997: 158].

С огнем в славянских представлениях связаны и некоторые птицы. Так существует поверье, что в гнезде орла есть камень *огневик*, который защищает от огня и болезней [Гура 1997: 612]; аист наказывает своего обидчика тем, что приносит в клюве головню или уголь и поджигает крышу дома [там же: 663], огненной символикой наделяют и дятла [там же: 714]. В рассмотренных нами заговорных текстах славян связь этих птиц с огнем не отмечена, зато обнаружен замечательный сюжет о вороне с огненным крылом, который сжигает болезни. Кроме этого ворона к огненным персонажам может быть отнесена и жар-птица, хотя в заговорных сюжетах она просто поедает и выклеивает болезни, так как образ сказочной восточнославянской «жар птицы», похищающей золотые яблоки в саду, по мнению исследователей, связан с птицей-огневик в словацком фольклоре и вообще с огненным змеем [Афанасьев 1865-1869, 1: 512-513; Мифы 1987-1988, 1: 439].

Железное (или из иного металла), каменное, костяное тело

Хищные животные: волк медный (3/XII.3.2/A14)

Птицы: ворон с железными когтями (1/VIII.2.1/A16), жар-птица (11/VI.1.1/A4)

Рыбы: щука с железными зубами, медными глазами (1/XX.1.2/A4 и др. сюжеты)

Змеи: (не зафиксировано)

Прочие животные: бык железный (1/III.1.1/B9 и др. сюжеты); вол каменный (1/VI.1.1/B14); звери златорогие (1/II.1.1/A2); корова с серебряным (оловянным) языком (1/XVIII.2.1/A4 и др. сюжеты); корова золоторогая (1/XVII.7.1/B1); корова каменная (1/IX.1.1/B7)

⁴² Среди семейских Забайкалья, в частности, широко распространены былички о существовании в тайге, в болотах большого змея, с красной, похожей на конскую, головой, который, когда проползет, оставляет за собой след – пожухлую, сгоревшую траву (по материалам экспедиций 1997-1998 гг. в Красночиркойский р-н Читинской области, архив автора).

Заговаривающий: У заговаривающего – кость камень и проч. (1/XXXI.1.1/A5) заговаривающий с железными когтями (2/XXI.1.1/A4)

Прочие живые, мифологизированные существа: воины железные (1/IX.4.9/A5); девка трухлявая, голова железная (1/XVII.1.2/A12); баба костяная (1/IX.1.1/B7); жених каменный (1/VI.1.1/B4); кузнец костяной (1/L.2.2/A6); муж медный (1/XIV.3.1/A1); муж железный (1/L.1.1/A4 и др. сюжеты); паны каменные (1/L.1.1/B4); сваты каменные (1/VI.1.1/B14 и др. сюжеты); старуха с железными зубами, стальными руками (1/L.3.1/A4); царь костяной (1/V.1./B8 и др. сюжеты); человек золотой (1/V.5.2/A6); голова золотая (9/I.1.3/A1)

Строения город золотой (1/VII.3.1/A6); город костяной (9/II.1.3/A14); город каменный (1/XXVII.2.2/B6 и др. сюжеты); град железный (17/L.1.5/A1); ворота железные (1/XXVI.2.1/A6); дом железный (1/XII.3.2/B6 и др. сюжеты); потолок железный (1/XXVII.1.1a/B6)

Прочие объекты мира человека: ужин из камня (3/XXXV.1.1/A6 и др. сюжеты); подушка каменная (1/XXXV.1.1/A6 и др. сюжеты); посох золотой (1/XVVV.1.1/A6); стрела каменная (34/L.1.4/A1); стул золотой (1/XI.1.1/B5); телега каменная (1/VI.1.1/B14); рубашка медная (1/XIII.1.9/B6)

Растения: дуб железный (1/IV.1.1/B9 и др. сюжеты)

Небесные светила: *(не зафиксировано)*

Водные объекты: вино каменное (1/L.1.1/B4)

Прочие объекты природы: горы костяная, мясная, молочная (1/V.6.1/A10 и др. сюжеты); земля железная, медная (1/IV.1.3/B12 и др. сюжеты); камень хрустальный (1/XVII.8.3/B1); межа железная (4/L.2.2/A15); небо железное, медное (2/XIII.1.6/B6 и др. сюжеты); туча каменная (19/L.1.4/A1 и др. сюжеты); доска чугунная, железная (5/XIV.1.2/B3 и др. сюжеты); столб с золотым верхом (1/X.2.1/B4);

К рассмотрению истоков возникновения образов «железных» персонажей заговорных текстов, в частности шуки, которая железными зубами загрызает болезни, впервые обратился Н.Ф.Познанский, который пришел к выводу, что «здесь мы просто имеем дело с симпатическими эпитетами... [которые] даны шуке затем, чтобы оттенить ее способность грызть, подчеркнуть именно это ее свойство» [Познанский 1917: 169].

В определенной степени, Н.Ф.Познанский прав, но если учесть, что данный атрибут характерен и для множества других заговорных персонажей и предметов, не связанных с поеданием чего-либо, и что

«железность» щуки – лишь частный случай: она может иметь и золотые зубы и медные глаза, т.е. вообще не характерное для обычной рыбы тело, то на вопрос исследователя «могут ли эти эпитеты указывать на то, что речь идет о какой-то мифической, божественной рыбе», т.е. нашло ли в щуке заговоров отражение образа рыбы, имеющей мифологическую природу, на наш взгляд, необходимо ответить утвердительно, так как фольклорные эпитеты «золотой», «железный», «медный» и проч. по отношению к различного рода предметам и объектам природы, указывает на их связь с потусторонним миром. В славянских поверьях и преданиях таковыми могут быть *горы* [Пропп 1986: 284-286; Успенский 1982: 60], *ворон* [Мифы 1987-1988, 1: 246-247; Афанасьев 1865-1869, 1: 514], *дуб* [Успенский 1982: 143; Афанасьев 1865-1869, 2: 163], *«лесной человек»* [Пропп 1986: 160; Успенский 1982: 61-62]. См. также о «метализации» предметов в заговорах [Шиндин 1993: 110-111].

Многоголовость, многочисленность

Хищные животные: *(не зафиксировано)*

Птицы: орел с двадцатью восьмью очами (10/VI.1.1/A4); орел с четырьмя крыльями, двумя клювами (1/1.1/A7)

Рыбы: *(не зафиксировано)*

Змеи: Змей на 12 огненных хоботах (1/XV.1.1/A5); змея трехголовая, двенадцатиголовая (1/IX.3.9/A5 и др. сюжеты)

Прочие животные: крокодил двенадцатиголовый (6/XXVII.1.3/B6)

Заговаривающий: заговаривающий трехголовый с клювами (1/XII.2.1/A6)

Прочие живые, мифологизированные существа: дед двенадцатиголовый (5/VI.1.1/A1)

Растения: *(не зафиксировано)*

Строения: *(не зафиксировано)*

Прочие объекты мира человека: *(не зафиксировано)*

Небесные светила: *(не зафиксировано)*

Водные объекты: *(не зафиксировано)*

Прочие объекты природы: *(не зафиксировано)*

Многоголовость как атрибут персонажей славянского фольклора в первую очередь ассоциируются со Змеем в сказках, хотя и в народных поверьях встречается образ двухголовой змеи [Тура 1997: 301]. По мнению В.Я.Проппа, многоголовость Змея – это поздно возникший гипертрофированный образ пожирания [Пропп 1986: 347]. С чем, в общем-то трудно согласиться, так как не только этот, но и другие фольклорные персонажи могут иметь несколько голов или иных

частей тела, на что указывает материал заговорных текстов (см. выше). Если учесть при этом данные о том, что ряд славянских языческих божеств и идолов изображались с несколькими головами [Афанасьев 1865-1869, 2: 524; Древности 1995-1999, 2: 389], то становится понятным, что многоголовость и многочисленность заговорных персонажей – указывает на их особый мифологический статус.

Отсутствие частей тела

- Хищные животные:** волк безротый (1/V.2.1/A4); пес одноглазый (1/V.1.1/A4)
- Птицы:** ворон без костей, без языка (2/V.10.2/A4 и др. сюжеты); лебедь без крыльев (5/V.10.3/A4); орел без крыльев (2/V.10.3/A4 и др. сюжеты); сокол без крыльев (1/V.10.2/A4); сороки без крыльев (7/V.10.3/A4); ястреб без костей (1/V.10.3/A4 и др. сюжеты)
- Рыбы:** рыба без ребер, без чрева (1/V.5.2/A4)
- Змеи:** Змей без хвоста, головы (1/I.1.1/A16)
- Прочие животные:** овца без ребер (1/V.11.1/A4)
- Заговаривающий:** заговаривающий безротый (1/V.9.1/A4)
- Прочие живые, мифологизированные существа:** безногий, бескрылый (1/V.10.1/A4, 1/II.1.1/B4 и др. сюжеты); безногая, бескрылая Сгара-жара (3/V.10/A4); Антипка беспятный (1/X.2.1/B12); болезнь безротая (1/V.4.1/A4); братья слепые, хромые (1/XVII.1.3/A4 и др. сюжеты); девицы слепые, немые, глухие (1/XVII.1.1/A4 и др. сюжеты) безрукая, безротая сестра вилы (1/V.3.1/A4); безротая белая Рада (1/V.6.1/A4 и др. сюжеты); сваты немой, глухой, одноглазый (1/XVII.2.1/A4); тоска без рук, без ног (1/XIV.1.2/B3); человек безрукий, безротый (1/V.5.1/A4 и др. сюжеты)
- Строения:** гнездо бездонное (4/V.10.3/A4); изба без окон, без дверей (1/VII.1.3/A8); хата треугольная (1/X.1.6/A1).
- Прочие объекты мира человека:** *(не зафиксировано)*
- Растения:** дуб без корня (... вниз макушкой, ... без сучьев) (1/V.10.2/A4 и др. сюжеты)
- Небесные светила:** Солнце безногое, безрукое (1/V.1.1/A4 и др. сюжеты)
- Водные объекты:** *(не зафиксировано)*
- Прочие объекты природы:** *(не зафиксировано)*

Как противоположность многоголовости и многочисленности в восточнославянских и южнославянских заговорных текстах встреча-

ются и персонажи с какими-либо отсутствующими частями тела – головами, руками, ногами, крыльями и проч.

Материалы «Указателя» показывают, что подавляющее большинство данных персонажей сконцентрировано в СТ А4, в сюжетах с семантикой основного действия «Уничтожение через поедание». Чаще всего эти странные персонажи не имея зубов, рта, рук, ног, крыльев, клюва, ребер, глаз и др. (порой у них нет и самого тела), кусают или поедают что-то. Эти персонажи напоминают нам некоторые образы песенных небылиц. Ср.:

*«Ещё где это слыханое,
Еще где это виданое ..
Что безрукий-то бы клять подломал,
Что нагому бы он в пазуху поклад;
Что безногий-то вприпрыжку побежал,
Безязыкий-то бы громко закричал;
Что слепой-то подсматривает,
Что глухой-то подслушивает ...»*

[Соболевский 1895-1902, 7: 292, № 327].

Истоки подобных образов в небылицах исследователи видят в представлениях, связанных со «смеховой культурой», так как они отражают иной перевернутый, изнаночный мир, в котором отсутствует общепринятая норма (см. [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 45-59; Ивлева 1972: 120-124; Левина 1981]). Близким аналогом рассматриваемых заговорных персонажей являются также образы калек, существ с физическими недостатками, которые, по представлениям различных народов, в том числе и славян, связаны с потусторонним миром [Древности 1995-1999, 2: 53]. В любом случае отсутствие частей тела у заговорных персонажей указывает на их особые качества.

Царственность, главенство

Хищные животные: волк царь (1/III.1.1/A15 и др. сюжеты); медведь царь (22/III.1.1/A15)

Птицы: ворон царь (1/III.1.1/A15 и др. сюжеты); стратим птица (1/VIII.1.1/A16)

Рыбы: рыба-кит, кит морской (2/X.2.1/A2 и др. сюжеты)

Змеи: змея царица, змей царь (2/I.1.1/A1 и др. сюжеты)

Прочие животные: рак царь (1/III.1.1/A15 и др. сюжеты)

Заговаривающий: заговаривающий – зверь, повелитель зверей (1/XIV.1.1/A4 и др. сюжеты)

Прочие живые, мифологизированные существа: (не зафиксировано)

Строения: ворота (двери) царские (2/V.3.7/A5 и др. сюжеты); двор царский (18/L.1.6/B2); дворец царский (1/П.1.3/A14 и др. сюжеты)

Прочие объекты мира человека: (не зафиксировано)

Растения: дуб царь (6/Ш.1.1/A15 и др. сюжеты); купорос дерево (1/X.1.1/A16 и др. сюжеты)

Небесные светила: месяц царь (1/Ш.1.1/A15 и др. сюжеты); солнце царь (1/Ш.1.3/A15)

Водные объекты: волица царица (3/П.1.1/A3 и др. сюжеты); море царица (1/IV.1.1/A3); Салтан река (1/X.1.1/A16)

Прочие объекты природы: вихри цари (1/X.2.3/B1); камень царь (17/Ш.1.1/A15 и др. сюжеты); огонь царь (1/IX.1.1/A16 и др. сюжеты); огоница царица, искра царица (2/IV.4.1/B12 и др. сюжеты); дорога царская (1/X.5.5/A5); луг царский (2/I.1.4/B2)

Как заметил В.Я.Пропп, потусторонний мир – царство животных, в котором звери имеют своего царя [Пропп 1986: 286-287]. Новейшее исследование А.В.Гуры также показало, что в верованиях славянских народов существуют представления о царе змей [Гура 1997: 253], хозяине волков [там же: 130], царе рыб [там же: 750, 754].

В целом же, видимо, по архаичным верованиям, каждый из объектов окружающего мира имел своего «царя», «отца» или «мать». Об этом рассказывается в духовном стихе «Голубиная Книга»:

«... Скажи ж ты нам, царь, отповедай нам,

Которая река над рекам отец?»

“Ярдан река над рекам отец!”

“А за что ж яна над рекам отец?”

“Крестили в ней Христа – царя небесного.

Вот за что и яна над рекам отец!”

“Скажи ж нам, отповедуи нам,

Которая птица над птицам отец?»

“Стряхиль-птица – над птицам отец”

“А за что ж яна над птицам отец?”

“Свила гнездо посреди моря,

Посреди моря, моря синего...” и т.д.» [Новиков 1999: № 194]

Большинство из указанных нами персонажей и объектов заговорных текстов с тем или иным атрибутом представлены в единичных фиксациях, к примеру, «овца без ребер», «вилы сестра безрукая, безногая», «подушка каменная», «меч огненный», «воины железные». Но некоторые, а именно – волк, ворон, рыба, змея, солнце, река, дуб, камень, дом, заговаривающий (см. о последнем стр. 84-87) – имеют практически все из них.

Таким образом, в заговорных сюжетах восточных и южных славян выявляется ряд персонажей и объектов, имеющих единую типологию обликов. Представим это в следующей сводной таблице, где * обозначено, что в заговорных текстах восточных и южных славян какой-либо атрибут зафиксирован у того или иного персонажа:

	<i>Волк</i>	<i>Ворон</i>	<i>Рыба</i>	<i>Заяц</i>	<i>Дуб</i>	<i>Солнце</i>	<i>Река</i>	<i>Клязьма</i>	<i>Дом</i>	<i>Заговаривающий</i>
<i>Огненность</i>	*	*	*	*	-	*	*	*	*	*
<i>Железное (или из иного металла), каменное, костяное тело</i>	*	*	*	-	*	-	*	*	*	*
<i>Царственность, главенство</i>	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
<i>Отсутствие частей тела</i>	*	*	*	*	*	*	-	-	*	*
<i>Многоголовость</i> ⁴³	-	*	-	*	-	-	-	-	-	*

Обращает на себя внимание, что и в этом случае наблюдается представительство всех сфер и областей мира, причем здесь мы имеем таких «персонажей», которые в традиционных славянских верованиях имеют особое значение (см. [Древности 1995-1999, 1: 411-417, 434-438, 2: 116-120, 141-146, 330-341, 347-350, 448-453; Мифы 1987-1988, 2: 374-376; Шиндин 1993: 112-120] и др.).

В нашу задачу не входит рассмотрение истории возникновения «огненных», «многоголовых» и проч. персонажей и предметов. Этому должны быть посвящены отдельные исследования. Но для нас несомненным является то, что истоки этих образов восходят к языческим верованиям славян⁴⁴ и, вероятно, они представляют собой осколки картины мира заговорно-заклинательных текстов, бытовавших до принятия христианства.

⁴³ Реже всего встречаемое свойство – многоголовость. Рассмотрение более широкого материала заговорных текстов восточных и южных славян должно, на наш взгляд, заполнить имеющиеся лакуны в данной таблице.

⁴⁴ Ни один из канонических христианских персонажей не имеет в заговорных текстах восточных и южных славян указанных атрибутов, а уж тем более выявленную типологию [см. Указ.: 398-405].

Контаминации в заговорных текстах восточных и южных славян
Важным приемом организации повествования заговорных текстов является контаминация сюжетов и сюжетных ситуаций. Под контаминацией в фольклоре подразумевается «соединение, объединение в одном художественном произведении двух или более произведений или частей их, варианты которых зафиксированы в живом бытовании (в устной передаче) или как самостоятельные, или как составные разных произведений» [Словарь 1993: 122]. Изучение контаминаций в произведениях устного народного творчества проводилось в основном на основе сказочного материала [Ведерникова 1972; Матвеева 1996; Аникин 1996: 69-91] и др. Материал других жанров привлекается очень редко, а проблема контаминаций в заговорах не затрагивалась вообще. Составляя «Указатель» мы не могли ее не затронуть, и в пометках к сюжету, который контаминировался с другими, ставили букву "к.", а далее давали номера соответствующих сюжетов. Правда, при подготовке его к изданию нам не удалось составить списка контаминаций по тому типу, который есть, к примеру, в указателе сюжетов восточнославянской сказки [СУС: 395-397].

Анализ совокупности записей заговорных текстов славян позволяет выделить два типа контаминаций:

I. *Простые* контаминации, когда в одном тексте «механически» соединены два или более сюжета (сюжетных ситуаций). Например:

«Заря-заряница, Господня помощница, речка (местная или ближайшая), моешь ты крутые бережки, желтые пески, сырые коренья, черные кременья, — умывай ты раба божія (имя) и бурьян — железо ружья его все уроцы, переполоцы, мужские и женские, подивные, поглядные, помолвные, поговорные, девичьего сына и бабкинаго сына. Як на море на Кіяне, на острове на Буяне лежить Латра-камень; на том камни сидит бабка Бабка ты, бабка! Принимала ты Иисуса Христа на свои перста, прими ты и раба божія (имя) и бурьян железно ружья его, и свою черною ризою вси уроцы сотри» [Романов 1891: 156, № 66, Могилевская губ., охотничий].

В данном заговорном тексте контаминируются два сюжета [Указ.: 60, 63]:

I/II.1.2/A3. Река [название] моет берега, пески, коренья, камни. * Она смывает с ружья порчу.

I/XII.1.1/A2. На море остров, на острове камень, на нем бабка [Соломонида?]. Она принимает Христа. * Она принимает ружье, стирает ризой порчи.

Герои этих двух сюжетов, *река* и *бабка*, убирают с ружья заговаривающего порчу, и это дало возможность исполнителю использовать оба сюжета в одном заговорном тексте, но соединены они «механически», т.е. один заканчивается, за ним следует другой.

II. *Сложные* контаминации, когда два или более сюжета (сюжетных ситуации), бытующих также и отдельно, в определенных конкретных случаях могут составлять такое единое повествовательное целое, при котором их не целесообразно отделять друг от друга. Например:

«На мори на кияне стоит дуб, под тым дубом липовый куст, у том кусту ляжит змея шкурапя. Ты змяя шкурапя, а я раб Явстрот (знахарь): собирай свой народ с устьх сторон, со мхов з болотов, з нятленных зноев, с темных лясов, с ширых боров, и с крутых межь; и вынимая змяинный яд с костей, с мощей, с русых волос. Не послухаешь того, нашьлет на тебя Господь тучу-гром и молоньню» [Романов 1891: 109-110, № 285, Могилевская губ., от змеи].

Сложно контаминированные сюжеты заговорных текстов даются в «Указателе» в виде единого сюжета. Его место определяется по первому сюжету в этой контаминации. На второй и следующие дается сноска в соответствующее места «Указателя» [Указ.: 24]:

9/1.1.2/A1. На море дуб, под дубом куст, в нем змея. * Она собирает свой народ, вынимает яд с человека. Если не сделает этого, Господь нашьлет тучу.

Рассмотрим каждый из обозначенных типов контаминаций.

Для более наглядного представления о простом типе контаминаций мы составили «Таблицу контаминаций заговорных текстов восточных и южных славян» (см. Приложение I). Из ее данных следует, что в «Указателе» отмечено 460 случаев контаминаций заговорных сюжетов с другими на уровне версий. Если учесть, что в «Указателе» зафиксировано 1804 версий заговорных текстов, то из этого следует, что простой тип контаминаций встречается примерно в одной четвертой из них.

Контаминации являются одним из способов создания новых произведений фольклора путем соединения в один, как правило, самостоятельно бытующих в традиции текстов. Относительно небольшое значение полученной нами с помощью «Указателя» цифры показывает, что исполнители народных заговорных текстов восточных и южных славян контаминацией сюжетов и сюжетных ситуаций пользуются не часто⁴⁵.

Как следует из таблицы в Приложении I, подавляющее большинство контаминаций имеют единичный характер, т.е. встречаются лишь в одном зафиксированном тексте из используемых нами источников. Из всего числа можно указать лишь на 14 версий заговорных сюжетов, которые могут контаминироваться с другими три и более

⁴⁵ Правда, здесь необходимо иметь ввиду, что эти данные извлечены из публикаций заговорных текстов, записанных при опросе носителей традиции. Во время исполнения заговоров и реальных обрядовых актах контаминации происходят, видимо, чаще.

раз, т.е. эти контаминации с другими, видимо, не являются случайными:

№ 52 VII.6.2/A3. Богородица умывает от болезни.

№ 91 XX.1.1/A5. Христа распинают. Он не знает боли.

№ 111 III.1.1/A6. Святые стреляют громом и молнией.

№ 149 VIII.1.3/A7. Царь Давид скрепляет небо, землю.

№ 160 II.2.3/A8. Девица (бабка) не умеет читать, писать, умеет болезнь выговаривать.

№ 167 VIII.1.1/A8. «Урок» портит, «урочица» отговаривает.

№ 176 XV.2.3/A8. Петух поет и рассветает.

№ 191 I.5.4/A12. Дед (мужик, царь и др.) едет на коне.

№ 343 XIV.1.1/B6. Заговаривающий замыкает, ключи относит рыбе на море.

№ 344 XIV.1.2/B6. Заговаривающий замыкает, относит ключи в море.

№ 370 XXXVI.1.2/B6. Богородица, святые охраняют.

№ 384 IV.1.1/B8. «Звихова» мать (Пречистая) будит сына (сыновей). Сын помогает (составляет суставы).

№ 434 III.3.2/B13. Люди радуются Христову Воскресению.

№ 455 XIV.1.1/B15. Господь (гроб Господень) стоит на воздухе («на духу»).

Наиболее показательна не случайность контаминаций того или иного сюжета с другими являются № 91, 111, 149, 160, 167, 176, 191, 370, 384, т.к. по «Указателю» видно совпадение функциональной направленности текстов и их регионального распространения.

В других случаях (№ 52, 343, 344, 434, 455), когда совпадения не обусловлены ни функциональной направленностью, ни региональным распространением, частота контаминаций определенного сюжета с другими объясняется их содержанием:

№ 52. VII.6.2/A3. Богородица умывает от болезни. – Использование воды в лечении недугов повсеместно распространено у восточных и южных славян. Можно сказать, что вода – универсальное лечебное средство. В данном случае водой умывает Богородица, которая так же является универсальным персонажем восточнославянских и южнославянских заговорных текстов.

№ 343 и № 344. XIV.1.1/B6. Заговаривающий замыкает, ключи относит рыбе на море; XIV.1.2/B6. Заговаривающий замыкает, относит ключи в море. – Данные сюжеты, как правило, используются в так называемой «заклочке», универсальном формальном элементе восточнославянских заговорных текстов.

№ 434 и № 455. III.3.2/B13. Люди радуются Христову Воскресению; XIV.1.1/B15. Господь (гроб Господень) стоит на воздухе («на духу»). – Эти сюжеты имеют христианизированное содержание, и

распространенность часто встречающихся контаминаций, вероятнее всего, объясняется их бытованием в рукописной традиции у восточных славян.

Кроме частоты контаминаций версий сюжетов мы попытались выяснить – существуют ли совпадения в контаминациях между одними и теми же сюжетами. В результате анализа материала «Указателя» были выявлены 34 пары более одного раза встречающихся сюжетных контаминаций заговорных текстов восточных и южных славян. Они показаны нами в Приложении II настоящей работы, из которого видно, что контаминационные совпадения могут встречаться как на уровне версий, так и на уровне редакций.

Половина из всех отмеченных нами случаев (пары № 17-34) – совпадение двух контаминаций на уровне версий. Две пары (№ 15, 16) – совпадение трех контаминаций на уровне версий. Восемь пар (№ 7-14) – совпадение двух контаминаций на уровне редакций. Один раз зафиксировано (№ 6) совпадение трех контаминаций на уровне редакций. Пять пар (№ 1-5) – совпадение двух контаминаций на уровне версий и редакций одновременно.

Большинство случаев совпадения объясняются принадлежностью к одной или родственным локальным традициям. Лишь в одном случае (пара № 29 – VI.1.* / A4 + I.1.* / B2) мы столкнулись с примером контаминационного совпадения на уровне сюжетных версий в текстах, принадлежащих к совершенно разным заговорно-заклинательным традициям, а именно – русской и сербской. Рассмотрим эти заговорные тексты.

«Первым разом, божьим часом господу богу помолимся, всем святым апостолам. Куры-курицы, возьмите хлеб-соль, круп-крупницы. Куры красные, куры коноплястые, куры глицистые, возьмите Изгоревы ночницы, под крылья подвяжите, на сине море несите. На синем море там бабка старенька столы застилала, ночных дождала, ночных и полуночных, денных и полуденных» [Свиридова 1989: 102-103. № 640].

*«Бежи издате, комендате,
Туж не мож' да седиш,
Туж омрашено, туж огалтено,
Туж посрано, туж помочано.
Ајде, ја пешћи, ти с белого коња;
Па те претеко, па ти главу отсеко,
Па наћити, трње и грмање,
Па нарани' орлове и гаврање.
Ајде, туж не мож' да седиш,
Туж дошла (Ружа), бајлица,
С душу че те одува,*

С метлу да одмете.
 Ајде, бежи, издате, комендате!
 Ајде иди у Витош планину,
 Там ти матери, там ти бајта,
 Там ти браћа, там ти сестре.
 Там да вечераш.
 Положили златену совру,
 Златене ложице, сребрне анице,
 Смиљан 'леб.
 Там да рушач, там да вечераш,
 Там да се простиш;
 На зелену травуцу,
 У студену водицу.
 Устп – уступи, издате, комендате!»

[Раденкович 1982: № 77]

Первый текст был записан Л.Е.Фетисовой в 1976 году в Партизанском р-не Приморского края от Ф.И.Бахтиной, русской, и представляет собой заговор от детского крика, который, на наш взгляд, по своему характеру очень близок к украинским *замовлянням* и мог быть перенят от переселенцев с Украины. Время и регион сербского *басме* от боли в животе в публикации не указаны. По функциональному назначению и содержанию данные тексты значительно отличаются друг от друга. В дальневосточном контаминируются два сюжета (11/VI.1.3/A4. * Куры берут болезни, подвязывают их под крылья, несут на море; 13/1.1.6/B2. На море бабка застилает столы, дожидается болезни), в сербском – четыре (1/X.5.12/A5. *Заговаривающий* пешком, болезнь на коне. *Заговаривающий* обгоняет и отсекает ей голову; 2/VI.1.6/A4. Болезнь натывается на колючки и кусты, ее ранят орлы и вороны; 5/X.2.1/A2. Приходит знахарка [*заговаривающий*], болезни отдувает, отмечает метлой, гонит в горы; 10/1.1.2/B2. Болезнь идет в горы, там ее родные. Болезнь там ужинает и спит), лишь два из которых, а также их соединение имеют отдаленное сходство с дальневосточными.

Несмотря на уникальность, совпадение контаминаций версий VI.1.*/A4 и 1.1.*/B2 требует объяснения. На наш взгляд, оно вряд ли может заключаться во влиянии южнославянской заговорной традиции на восточнославянскую, хотя это и не исключено, мы отмечаем подобные случаи (см. стр. 133-134). Проблема, как нам видится, в ином. Оба контаминированных сюжета относятся к общеславянскому фонду, что показывает указатель сюжетных тем и схождения, который фиксирует существование нескольких версий каждого из данных сюжетов и схождения в них на уровне редакций (см. стр. 113, 127). Мы считаем, что совпадение контаминаций должно объясняться причинами

ми типологического характера, а именно распространенностью сюжетов в обеих традициях, их архаичностью, лечебной функциональной направленностью текстов и использованием исполнителями приема контаминации как одного из средств создания новых заговорных текстов.

Относительно небольшое количество сюжетных версий, которые контаминируются с другими, а по отношению к ним еще меньшее число встречающихся более одного раза контаминаций показывает, что простые контаминации, имея ограниченный, уникальный, а возможно и индивидуальный характер, редко закрепляются в традиции.

Сложные контаминации, в отличие от простых, могут иметь более широкое распространение. Приведенная выше белорусская *замова* от змеи в качестве примера заговорного текста со сложной контаминацией демонстрирует усложнение сюжета о змее, собирающей своей народ и унимающей яд, сюжетом о наказании, если она не сделает этого.

Материал «Указателя» показывает, что наказание, уничтожение змеи, хотя и существует в большом количестве версий сюжета I.1.1/A1–I.1.12/A1 [Указ.: 22–35], к которому относится наш пример, локализуется в основном в белорусском ареале, а также, как нам сейчас известно, встречается и в польском. Те же версии, которые не имеют наказания, в одинаковой степени распространены у всех восточных славян – русских, украинцев и белорусов (Новгородская, Вологодская, Тульская, Курская, Симбирская, Орловская, Могилевская, Смоленская, Подольская, Черниговская губернии, Черноморье, Приморье, Забайкальская обл.). Это может указывать на то, что включение наказания является поздней модификацией сюжета, произошедшей главным образом в белорусской традиции, путем контаминации с другими сюжетами, в которых святые, Господь, Богородица режут, бьют, гонят и т.д. своих противников (см. СТ А5, СТ А6 и др.). На вторичность сюжетов с «наказаниями» указывает также тот факт, что версии с этой сюжетной частью, видимо, никогда не существуют самостоятельно. «Указатель» показывает, что они всегда бытуют рядом с версиями, содержащими только «основную» сюжетную ситуацию.

Подтверждением белорусского характера «наказания» является и то, что для других сюжетов развитие действия в этом направлении характерно в подавляющем большинстве для заговорных текстов, записанных в Могилевской, Смоленской, Минской губерниях и современной Гомельской обл. [Указ.: 35, 36–41, 43–44, 83, 299].⁴⁶ У русских нам

⁴⁶ На наш взгляд, сюжетная ситуация с наказанием персонажа за невыполнение им каких-то действий может считаться одним из формальных элементов белорусских заговорных текстов, так как встречается в *замовах* различной функциональной направленности, т.е. обладает универсальностью.

встретились только единичные примеры – в Олонецкой, Рязанской, Орловской, Костромской губерниях [Указ.: 40, 41, 260, 273], куда они могли быть занесены переселенцами из белорусских земель.

Примером сложной контаминации в русской заговорной традиции могут быть, на наш взгляд, тексты со вступлением «Встану благословясь, выйду перекрестясь...». Заговоры с этим повествовательным зачином бытуют, как отмечают исследователи, в определенных региональных традициях [Познанский 1917: 78; Смирнов 1988]. Действительно, материалы «Указателя» показывают, что тексты с этим сюжетным вступлением чаще всего встречаются на Русском Севере и в Сибири. В южнорусских заговорах и в белорусской традиции зафиксированы единичные примеры. В украинских текстах зачин «Встану благословясь, выйду перекрестясь...» не встречается.

Не затрагивая здесь истории возникновения сюжетной ситуации «Выход заговаривающего из дома», которая к XIX столетию стала просто одним из формальных элементов русских заговорных текстов (см. [Чернов 1965; Топорков 1999]), отметим, что, опираясь на региональное распространение, можно дать относительную хронологию времени возникновения описания выхода и его контаминации с другими сюжетами – не раньше XIII-XIV вв., когда произошла частичная изоляция северно-русских и западнорусских земель от южной и центральной Руси.

Примером сложной контаминации в заговорных текстах южных славян может быть так называемая «притча о страдании и излечении», в которой рассказ о страданиях контаминируются с описаниями различных способов излечения. Как и в предыдущих случаях, данная контаминация имеет универсальный, формульный характер и региональное ограничение.

Подводя итоги рассмотрению контаминаций в заговорных текстах восточных и южных славян, мы должны указать на следующее – контаминации, как исполнительский прием, имеют ряд особенностей для этого жанра, определяемых его утилитарностью и сакральностью. Установка на неизменяемость не способствует значительной импровизационности заговорных текстов. Вместе с тем, существование простых контаминаций, имеющих, как правило, уникальный характер, указывает на творческий подход исполнителей к сюжетному и формульному фонду жанра. Появление сложных контаминаций объясняется, видимо, тем, что в отдельных случаях простые контаминации со временем могут закрепляться в традиции, получать в ней широкое распространение, становясь не только элементом содержания, но и формы заговорного текста, как единого целого.

Анализ сюжетных слагаемых заговорных текстов восточных и южных славян — персонажей, предметов, докусов и константных атрибутов — дал следующие результаты: выявлена частотность персонажей, показывающая их активность в заговорном мире, и характерность действий некоторых из них; составлена «карта» заговорного пространства, в которой отмечаются объекты и докусы, наиболее значимые для сюжетного повествования; определены константные атрибуты ряда персонажей, предметов и докусов заговорных текстов восточных и южных славян.

Совокупное рассмотрение всех этих элементов повествования позволяет представить обобщенную модель заговорного мира, удивительно напоминающего мир народных сказок, что еще раз подтверждает, что повествовательность является важнейшей категорией заговорно-заклинательных текстов.

Рассмотренная в настоящей главе проблема контаминаций сюжетов показывает, что для заговорных текстов этот процесс свойственен в той же мере, как и для других жанров. Основой наших выводов послужили данные «Указателя»,⁴⁷ и они демонстрируют, во-первых, смысловую и повествовательную обусловленность контаминаций разных сюжетов в одном тексте, во-вторых, индивидуальный характер большинства случаев контаминаций, в-третьих, возможность их закрепления в локальных традициях и существование типологически сходных контаминаций в различных этнических традициях.

В повествовании все его элементы находятся в сложном взаимодействии и взаимосвязях, что показал наш анализ на материале «Указателя сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян». Эти взаимосвязи подчиняются определенным закономерностям, выявление которых при привлечении современных компьютерных технологий даст возможность создать некоторую гипертекстовую модель жанра, объединяющую известные фиксации и записи текстов эволюционно связанных между собой славянских заговорно-заклинательных традиций.

⁴⁷ В этой связи заметим, что А.Л.Топорков не прав, утверждая в своей рецензии на «Указатель», что при его составлении мы совершенно не обратили внимание на контаминации заговорных сюжетов [Топорков 1999: 53].

Глава 3

ОБЩАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СЮЖЕТИКА ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ СЛАВЯН

Проблемы сопоставительного изучения заговорных текстов собственно славянских традиций лишь относительно недавно стали подниматься в научной литературе, хотя еще П.С.Ефименко, который хорошо знал две традиции – русскую (в лице севернорусской) и украинскую [Ефименко 1874; Ефименко 1878], обратил внимание на их общие и особенные черты. Понимание сходства русских и украинских текстов проявилось у него в их практически одинаковой функционально-тематической классификации, идущей во многом от [Майков 1869]. Касаясь различий, П.С.Ефименко писал: «Великороссияне гораздо богаче малороссиян такого рода памятниками народной словесности. Это, вероятно, обуславливается более сильным распространением суеверия между великороссийским простонародием, с другой стороны, значительным числом грамотников в народе, которые до позднейшего времени слагали во множестве заклинания и записывали существовавшие уже в народе... В особенности сказанное мною относится к местностям крайнего севера европейской России. Здесь среди крестьянского населения можно встретить и без особых усилий собрать множество тетрадок с заклинаниями... При том многие из здешних заклинаний отличаются значительным объемом... В Малороссии, напротив, заклинания составляют почти исключительно достояние знахарей, которые держат их в большой тайне... Как передаваемые главным образом устно, малороссийские заклинания отличаются краткостью...» [Ефименко 1874: II].

В различных исследованиях, посвященных заговорной поэзии, которые появились одновременно с работами П.С.Ефименко или после них, разрабатывались проблемы происхождения заговоров и их строения, роль ритма, рифмы в тексте и его отношение к обрядовому действию, психологические основы заговоров и целый ряд других (см. [Крушевский 1874; Мансикка 1909; Зелинский 1897; Веселовский 1879–1891; Познанский 1917] и др.). Для доказательства своих гипотез и выводов авторы привлекали тексты самых разных традиций, в первую очередь, конечно, русских, украинских, белорусских, но также и сербских, болгарских, польских, чешских, немецких, французских, английских, греческих и проч. Характерно при этом, что вопросы об особенностях отдельных славянских традиций не ставились, а их общие черты рассматривались лишь косвенным образом. К примеру, у А.В.Ветухова, который один из первых в русской науке попытался решить вопрос о «научной классификации», систематизации заговоров, в своем сборнике-исследовании, по существу антологии, распре-

делил тексты по «наичаще встречающимся, и притом у различных народностей» (курсив наш – В.К.), названиям болезней, (каковы – лихорадка, сглаз, кровотечение)», а в этих крупных отделах попытался «установить группировку по степени древности заговора, руководствуясь его формальной стороной... и теми психологическими основаниями возникновения и эволюции заговора, которые высказывались Крушевским, Потемней и Веселовским» [Ветухов 1901-1907, 1902, № ½: 205]. В сборнике А.В.Ветухова, хотя привлекаются тексты различных европейских народов, славянские материалы занимают значительное место, и при внимательном рассмотрении можно увидеть, что заговоры, бытующие у разных народов, но сюжетно и мотивно близкие, составитель часто ставил рядом. Возможно, это получилось у А.В.Ветухова само собой, так как функциональное тождество предполагает и определенное содержательное сходство текстов, принадлежащих родственным народам, но выводов по этому поводу исследователем сделано не было.

Н.Ф.Познанский, один из наиболее авторитетных дореволюционных исследователей заговоров, в своей чрезвычайно интересной работе, подводящей в каком-то смысле итог определенному этапу изучения жанра в России, попытался выяснить происхождение и развитие ряда заговорных формул, привлекая тексты самых разных традиций [Познанский 1917]. Но и для него славянские заговорные тексты в принципе стоят в одном ряду с другими европейскими, что, с одной стороны, позволило исследователю сделать ряд интересных наблюдений и сопоставлений, но, с другой стороны, не дало возможность рассмотреть специфику славянских заговоров.

Сравнительное изучение славянских заговорных традиций как таковое начинается позднее, после долгого перерыва и уже на новом этапе развития науки о фольклоре. Общность происхождения, исторические связи, уходящие в глубь столетий, сосуществование в сходном культурном пространстве славянских народов в различные эпохи и другие причины дают основание воспринимать славянские заговорные традиции как родственные в генетическом и эволюционном отношении и вести поиск общего и особенного в повествовании заговорных текстов, их образной системе, композиционных структурах и других элементах заговорно-заклинательных обрядовых актов. В значительной степени эти подходы нашли выражение в исследованиях, которые осуществляются в Институте славяноведения РАН (см. [Агапкина, Топорков 1990; Вельмезова 1999; Виноградова 1988, 1993; Журавлев 1994; Левкиевская 1995; Толстой 1984; Усачева 1994] и др.).

Важность данной проблематики подчеркивается сербским ученым Л.Раденковичем. В обширном предисловии к сборнику «Народне басме и бајања» он обратил внимание на семь общих для славян и не-

которых других европейских народов мотивов и формул, в заключении чего написал: «Широким комарацијама се може утврдити списак заједничких мотива и анализом примера извршити реконструкција праиноевропског стања за већи број форми бајања» [Раденкович 1982: 26].

Сравнительному анализу восточнославянских и южнославянских заговорных текстов были посвящены и наши первые статьи. В них мы пытались выявить и рассмотреть общие мотивы, сюжеты и формулы русских и болгарских текстов [Кляус 1988], предпринимали опыты создания указателей сюжетов и мотивов текстов русской, сербской и болгарской любовной магии [Кляус 1990], восточнославянской и южнославянской сюжетике в целом [Кляус 1994, Кляус 1994а], тем самым подводя к вопросу об общих мотивах и сюжетах в славянских заговорных текстах во всей их совокупности.

В пределах этнических традиций региональные, локальные особенности повествования заговорных текстов пока улавливают лишь наиболее видимые, лежащие на поверхности. К примеру, распространение эпического вступления «Встану благословясь, выйду перекрестясь...» на Русском Севере и в Сибири [Познанский 1917: 78; Смирнов 1988а], и его редкость в других регионах, а именно на нижегородчине [Коровашко 1997: 7] и на Дону [Проценко 1998: 290]. Вопрос же о возможности выделения региональной или локальной сюжетике заговорных текстов пока даже и не ставится, хотя в исследованиях по другим фольклорным жанрам он занимает немалое место (см. [Соболева 1984; Матвеева-Арефьева 1970; Матвеева 1985; Сидельников 1968; Соловьева 1971; Левашов 1998] и др.).

Общее и особенное, повсеместно и регионально, локально⁴⁸ распространенное – чрезвычайно важные характеристики фольклорных явлений, в том числе и сюжетике заговорных текстов. Важность их состоит в том, что объективностью своих данных они дают непосредственную возможность проследить характер эволюции жанра, его изменчивость во времени и в пространстве, выявить новообразования и др. Конечно, всякий раз полученные результаты на каком-то определенном материале корректируются новыми записями, т.е. выявить окончательную картину общих и региональных сюжетных черт заговорного фольклора, учитывая его характер и активность бытование в наше время, еще долго будет невозможно. Но имеющийся в нашем распоряжении материал уже позволяет подойти к разрешению данной проблемы.

Настоящая глава исходит из результатов систематизации сюжетике заговорных текстов восточных и южных славян, проделанной

⁴⁸ Под региональным в заговорной сюжетике мы понимаем сюжеты, известные традициям/традициям одного географического региона, локальное – известное на ограниченной территории.

нами в «Указателе сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян», обобщения его данных и анализа нового опубликованного и ставшего нам доступного материала, в том числе и западнославянского.

УРОВНИ СЮЖЕТНЫХ СХОЖДЕНИЙ. Составление «Указателя сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» позволило нам обратить внимание на общую сюжеттику заговорных текстов восточных и южных славян [Указ.: 371-397], при этом для нас было крайне интересно, каким образом она соотносится с западнославянской. К сожалению, долгое время, отсутствие крупных публикаций и антологий польских, чешских, словацких заговорно-заклинательных текстов, обобщающих работ по данному жанру в Польше, Чехии, других странах и в России, не позволяло аргументировано ответить на данный вопрос. Сейчас это стало возможным.

В 1999 г. мы получили возможность ознакомиться с источниками по польским заговорным текстам в архиве «Словаря народных стереотипов и символов» (см. [Словарь 1996-1999]) Института польской филологии Университета М.Кюри-Склодовской и библиотеках Люблина⁴⁹. Итогом нашей работы стало составление корпуса текстов, насчитывающего около 400 произведений польского заговорно-заклинательного фольклора (*zamówienia* и др.).

Мир чешских заговорных текстов для российских исследователей открыт сегодня диссертацией Е.В.Вельмезовой «Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор (Опыт исследования семантической структуры)» [Вельмезова 1999], защищенной в феврале 2000 года в Институте славяноведения РАН. Материалом этой работы послужили 300 лечебных текстов впервые воедино собранных автором из малодоступных источников, систематизированных и переведенных на русский язык. Таким образом, теперь есть возможность опереться на этот корпус текстов [Чеш. корп. Вельмезовой], и это позволяет, наряду с имеющимися польскими материалами, более полно представить сюжеттику западнославянской заговорной традиции (в настоящей работе учтено 73 польских и 42 чешских сюжетных текста), сопоставить ее с восточнославянской и южнославянской сюжетикой «Указателя» и выявить схождения между сюжетами заговорных традиций народов всех славянских языковых групп.

В целом, можно говорить о четырех уровнях повествовательного сходства славянских заговорных текстов:

1. Наиболее общий – сходство на уровне семантики основного действия.

⁴⁹ Финансирование поездки осуществлялось фондом "Институт открытое общество" по программе "Гранты на поездки – работа в архивах".

2. Сходство на уровне разных сюжетов.
3. Сходство на уровне версий одного сюжета.
4. Сходство на уровне редакций сюжета.

Собственно сюжетными схождениями являются два последних уровня. Именно о них, в первую очередь, и будет идти речь дальше. Рассмотрим эти схождения сначала между отдельными группами народов, а затем уже между всеми учтенными нами славянскими традициями, идя от более частного к общему, так как этот путь, на наш взгляд, позволяет более наглядно увидеть некоторые особенности выявленных схождений.

Восточнославянско-южнославянские сюжетные схождения. Нами выявлено 30 случаев сюжетного схождения на уровне редакций между заговорными текстами восточных и южных славян. Далее в списке указываются номер редакции сюжета, его название по «Указателю», функциональная направленность, источник и место записи.

Оказалось, что по типу персонажей, выполняющих основное действие, все сюжеты можно разделить на несколько групп:

Светила, стихии, явления природы

1. I.1.1/A2. Ветер сдувает болезни.
вс – *Виноградов 1907-1909, 2. № 97, Костр. губ., от «урока» на охоте;*
юс – *СБНУ, 16-17. В. 2: 261, № 6, Чипоровцы, от «уроков»; Т. 38: 189,*
Тырновско, от «уроков»; Т. 9: 139, № 5, Пловдивско, от боли в животе.
- 1а I.1.2/A2. Ветер надул, ветер сдувает болезнь.
вс – *Романов 1891: 4, № 9 (Барташевич 1992. № 1009), Мог. губ., от лесовика.*
юс – *Геров 1895-1897, 3: 102, от болезни глаз.*
2. VI.1.2/B1. Месяц, звезды, зори собирают тоску (красоту) вносят в человека.
вс – *Чубинский 1872. 92, № в, Киев. губ., любовный; Ефименко 1878: 141,*
№ 7, ркп., Арх. губ., «присушка».
юс – *Раденкович 1982. № 582, на красоту.*
 И др. см. [Указ.: 240].
3. I.1.3/B12. Солнце освещает мир, человека.
вс – *Чубинский 1872. 92-93, № д [5], 93, № е [1], Под. губ., любовный;*
Майков 1869. № 350, ркп., от лихого человека.
юс – *Раденкович 1982. № 571, когда появляется солнце, любовный.*

Звери, птицы, пресмыкающиеся

4. VI.1.3/A4. Птицы выдирают болезни и уносят их.
вс – *Барташевич 1992. № 1025, Гом. обл., от «ляка»; Майков 1869. № 90, ркп. от «усовой».*
юс – *Раденкович 1982. № 436, Левач, Темнич, от всех болезней.*
 И др. см. [Указ.: 81-82].

5. **V.1.1/V1.** Птицы берут болезнь, отдают здоровье и др.
вс – Майков 1869. № 59, Курск. губ., от бессонницы; Барташевич 1992. № 187, чтобы никто не отобрал молоко.
юс – Раденкович 1982. № 238, от глазной боли.
 И др. см. [Указ.: 239]
6. **XV.1.1/A8.** Петух встает, поет
вс – Романов 1891: 161, № 10 (Барташевич 1992: № 486), Мог. губ., от крови; Иванова 1994: № 630, Киров. обл., порча
юс – Раденкович 1982: № 275, от знойника.
 И др. см. [Указ.: 187].
7. **XII.3.3/A4.** Заговаривающий и волк. Волк бежит, поедает болезни
вс – Толмачев 1911-1912, 3: 138, № 3, Заб. обл., от «ногтя».
юс – Раденкович 1982: № 499, от страха.
8. **XII.4.1/A4.** Волк (собака), у него четыре ноги, пятый хвост, он поедает (гонит) болезнь.
вс – Барташевич 1992: № 1080, Мин. обл., от испуга
юс – Раденкович 1982: № 476, Шумадия, от всех болезней.
 И др. см. [Указ.: 90-91].
9. **XVI.1.1/B3.** Волчица («сур» пес) показывает половые органы. Люди видят, болезни проходят.
вс – Барташевич 1992. № 286, Гом. обл., от «урока» коровы; № 929, Гом. обл., от «урока»
юс – Раденкович 1982. № 565, Вост. Сербия, от «урока».
10. **XIII.1.1/A6.** Вол (коровы и др.) бодают болезни.
вс – Барташевич 1992. № 91, Гом. обл., от «урока» скотины
юс – Раденкович 1982. № 329, от острых болей в груди; № 543, Вост. Сербия, от «уроков».
 И др. см. [Указ.: 154-155].
11. **VII.1.1/A14.** Змея с огненным и водяным глазом, водяной лопается, заливают огненный.
вс – Лутовинова 1997: № 128, Кем. обл., от сильного жара; Василенко. Шевчук 1991: 12, Одес. обл., от всех болезней.
юс – СБНУ, 5: 120, № 1, Горно-Джумайско, от «уроков»; Раденкович 1982: № 508, Вост. Сербия, от «уроков».
 И др. см. [Указ.: 225-226].

Заговаривающий

12. **IX.3.12/A5.** Болезни и человек. Заговаривающий лечит, гонит болезни.
вс – Романов 1891: 4-5, № 12 (Барташевич 1992: № 1016), Мог. губ., от лесовика.
юс – Раденкович 1982. № 503, 505 Вост. Сербия, от страха.
 И др. см. [Указ.: 114-115].
13. **X.5.8/A5.** Болезни уходят. Заговаривающий их режет, отсекает
вс – Романов 1891: 167, № 39 (Барташевич 1992: № 680), Мог. губ., от «скулды».
юс – Раденкович 1982: № 67, 86. Вост. Сербия, от боли в животе.
 И др. см. [Указ.: 121].

14. XV.2.1/A6. Болезнь колет заговаривающего. Заговаривающий колет болезнь сильнее.
вс – *Виноградов 1909. 2. № 76, Костр. губ., от «усовой»; Кляуз 1990. № 36, ркп., Енис. Губ., от «колотья».*
юс – *Раденкович 1982. № 164, Вост. Сербия, от грудницы.*
 И др. см. [Указ.: 157].
15. XXVIII.1/A6. Заговаривающий гонит болезни.
вс – *Потов 1903. № 113, Сарат. губ., от «сибирки».*
юс – *Раденкович 1982. № 399, Далмация, от головной боли.*
 И др. см. [Указ.: 164].
16. I.1.1/A8. Заговаривающий выговаривает (заговаривает) болезни.
вс – *Чубинский 1872: 134-135, Киев. губ., от «пристрита»; Романов 1891: 128, № 23 (Барташевич 1992: № 202), Мог. губ., от «чемера».*
юс – *Раденкович 1982: № 217, Ягодина, от отека.*
 И др. см. [Указ.: 179].
17. VIII.3.3/B12. Заговаривающий умывается.
вс – *Майков 1869: № 231, Новг. губ., от «уроков».*
юс – *Раденкович 1982: № 578, Горня крайна, на красоту; № 579, Сараево, на красоту.*
 И др. см. [Указ.: 350].
18. XV.2.1/B12. Заговаривающий сжигает болезни.
вс – *Логиновский 1903: 107, № 1, Заб. обл., от разных болезней.*
юс – *Раденкович 1982: № 355, от искривления позвоночника.*
 И др. см. [Указ.: 354].

Персонажи народных верований

19. VIII.1.1/A5. Идут девицы отсекают, жгут, сметают болезни.
вс – *Барташевич 1992: № 522, Гом. обл., от «удара».*
юс – *Раденкович 1982: № 108, Левач, Темнич, от «красного ветри», № 218, от отека.*
20. IX.2.1/A13. Девицы ищут, собирают травы.
вс – *Романов 1891: 71, № 106 (Барташевич 1992. № 520), Могилевская губ., от «звиха»; Логиновский 1903: 35, № 9, Заб. обл., ркп., от крови; Чубинский 1872: 127, № 8, Киев. Губ., от крови.*
юс – *Раденкович 1982: № 179, Вост. Сербия, от грудницы.*
 И др. см. [Указ.: 217-218].
21. II.10.2/B5. Три девицы чешут шерсть (лен), печат.
вс – *Барташевич 1992: № 1056, Гом. обл., от испуга.*
юс – *Раденкович 1982: № 232, от болезни глаз.*
22. X.2.1/B3. Заговаривающий трясет деревом, землей. Человек («орисница») приходит к заговаривающему
вс – *Чубинский 1872: 91, № а, Киев. губ., любовный.*
юс – *СбНУ. 21: 47-48, Берковско, кричать «орисницу»; Раденкович 1982. № 570, любовный.*
 И др. см. [Указ.: 271-272].

Уже характер персонажей перечисленных выше сюжетов и сюжетных ситуаций – светила и стихии, звери, птицы, пресмыкающиеся,

мифологические существа, заговаривающий – указывает на их раннее происхождение. К этому следует добавить, что тексты, в которых они зафиксированы, часто имеют недостаточно развитую повествовательность, лаконичны. Характерно при этом, что ряд текстов с данными сюжетами совпадают также в функциональном назначении (см. № 1, 3, 9, 10).

Среди общих сюжетов этого уровня схождения определенное место занимают и те, в которых персонажами являются герои христианской мифологии:

23. **IX.1.1/А3.** Человек и колдуны. Человек плачет. Богородица, святые обмывают человека.
вс – Чубинский 1872: 9, № 6, любовный, от чар.
юс – Раденкович 1982: № 421, Вост. Сербия, от нечистой силы, которая нападает на дороге.
24. **XXI.1.2/А6.** Богородица, святые гонят болезни.
вс – Майков 1869: № 222, Новг. губ., от «уроков»; Чекавинский 1914: 270, № 5, 2, Енис. губ., от «когонька».
юс – СБНУ, 12: 145-146, № 1 а, Неврокопско, от ран на лице ребенка; Раденкович 1982: № 606, Лесковац, от града.
И др. см. [Указ.: 160].
25. **I.5.2/А12.** Христос (святой) едет на коне (осле), останавливается.
вс – Романов 1891: 74, № 124 (Барташевич 1992: № 546), Мог. губ., от «звиха».
юс – Раденкович 1982: № 391, Лица, от болезни пупка.
И др. см. [Указ.: 203-204].
26. **I.1.9/В2.** Богородица, святые ждут болезни, кормят их.
вс – Барташевич 1992: № 692, Мин. обл., от «скулы».
юс – СБНУ, 11: 86-87, № 1, Велеско, от «цервенца».
И др. см. [Указ.: 257-258].
27. **XIV.2.1/А6.** Святой (Богородица) едет на коне, колет копьём болезни.
вс – Романов 1891: 114, № 306, Мог. губ., от змеи.
юс – Раденкович 1982: № 76, Вост. Сербия, от боли в животе.
И др. см. [Указ.: 155-156].
28. **III.4.1/А3.** Христос крестился в Иордании. Заговаривающий (человек) умывается.
вс – Попов 1903: № 53, Смол. губ., от боли в животе.
юс – СБНУ, 21: 61, № 272, от порчи.
29. **X.1.1/А6.** Сисиниева легенда.
вс – Майков 1869: № 103, ркп., от лихорадки.
юс – Апокрифы 1982: 304-305, ркп., молитва против лихорадки.
И др. см. [Указ.: 148-150].
30. **X.2.6/А6.** Христос (святые) и болезнь. Христос (святые) отправляет болезнь к оленю (волу).
вс – Ефименко 1878: 158, № 15, ркп., Арх. губ., от «нежита».
юс – Апокрифы 1982: 303, № в, ркп. XVII в., молитва против «нежита».
И др. см. [Указ.: 151].

Три последних сюжета списка с христианскими персонажами (Христом, святыми и проч.) имеют явные книжные истоки: III.4.1/A3 (№ 28), X.1.1/A6 (№ 29), X.2.6/A6 (№ 30). Сопоставление остальных христианизированных сюжетов – IX.1.1/A3 (№ 23), XXI.1.2/A6 (№ 24), I.5.2/A12 (№ 25), I.1.9/B2 (№ 26) XIV.2.1/A6 (№ 27) – с другими их версиями по «Указателю» показывает, что они, вероятнее всего, эволюционно поздние, и появление сходства может быть объяснено типологией развития заговорной сюжетики.

Единичные фиксации какого-то сюжета в одной традиции, в то время как в другой он имеет широкое бытование, могут свидетельствовать и о заимствованиях, произошедшие уже в обозримый исторический период. К примеру, VII.1.1/A14 (№ 11), IX.1.1/A3. (№ 23) (см. стр. 133-134).

Любопытным представляется география схождения. Среди южнославянских по отношению к восточнославянским преобладают сюжеты сербские, что может быть объяснено просто незначительной долей учтенных болгарских текстов. Иная картина со стороны восточнославянских традиций. Здесь мы имеем практически равное число белорусских и русских сюжетов и вроде бы вдвое меньшее количество украинских. Но если учесть, что в «Указателе» основу восточнославянского блока составляют белорусские и русские тексты, то украинская доля схождения с южнославянскими сюжетами получается достаточно весомой. Укажем также, что половину русских примеров составляют записи из Сибири, в том числе и из регионов, в которых могло иметь место влияние украинской заговорной традиции. Иными словами, значительная доля схождения со стороны восточных славян к южным относится к украинской традиции, что, учитывая территориальную близость и другие исторические и культурные факторы, не является чем-то неожиданным.

Интересно, что схождения на уровне редакций, как правило, не являются случайными, одиночными. По «Указателю» видно, что их окружают более общие схождения – на уровнях версий и сюжетных подгрупп [Указ.: 373-376, 379-383, 385, 386, 388-390, 393-395]. Единичные, т.е. записанные в одном заговорном тексте, схождения на уровне редакций, не подкрепленные схождениями на более общих уровнях, могут указывать на заимствования, которые произошли в относительно недавнем прошлом [Указ.: 374 (IX.1.1/A3, № 23), 385 (VII.1.1/A14, № 11)], на использовании в заговорных текстах общих представлений или источников [Указ.: 373 (III.4.1/A3, № 28)]. Относительно последних случаев нужны дополнительные разыскания, которые необходимо вести в направлении выявления новых записей этих сюжетов, анализа текстов (языка, стиля, структуры) и др.

Восточнославянско-западнославянские сюжетные схождения. Между текстами заговорных традиций восточных и западных славян обнаружено 23 сюжетных схождения на уровне редакций. Как и в предыдущей группе эти схождения можно разделить по типам персонажей:

Светила, стихи, явления природы

1. **VIII.2.1/A1.** Мать-земля вынимает болезни.
вс – Ефименко 1878: 212, № 65, ркп., *Арх. губ., от крови.*
зс – Тилле 1894: 444 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 270*), *Нетолице, от зубной боли.*
2. **II.1.1/A3.** Вода смывает болезни.
вс – Георгиевский 1926: № 8, *Прим. кр., сохранить молоко у коровы; Романов 1891: 14-15, № 36 (Барташевич 1992: № 878), Мог. губ., от «уроков»; Ефименко 1878: 216, № 89, Арх. губ., от сглаза; Толмачев 1911-1912: 152, № 5, Заб. обл., от «уроков».* И др. см. [Указ.: 61-63].
юс – Котуля 1969: 87-88, *Лежайск (лясовяки), от рожжи.*
3. **XXVI.1.1/A5.** Заговаривающий разговаривает с месяцем. Месяц был на том свете. У мертвых зубы не болят.
вс – Шейн 1893: № 35, *Витеб. губ., на зубы; Ефименко 1874: № 15, от зубной боли; Майков 1869: № 73, Орл. губ., от зубов.* И др. см. [Указ.: 130-132].
зс – Симонидес 1989: 236 *Сласск, от зубной боли.*
4. **VIII.3.1/A1.** Месяц снимает боль.
вс – Чубинский 1872: 124, № 6, *Черн. губ., от зубов; Попов 1903: № 69, Смол. губ., от зубной боли.*
зс – Котуля 1976: 186, *Махов, от болезни глаз.*
5. **I.1.2/A8.** Заря помогает заг заговаривать болезнь.
вс – Романов 1891: 104, № 266 (*Барташевич 1992: № 435*), *Мог. губ., от «шала».*
зс – Тойпен 1892: 405, *Мазуры, от болезни глаз.*
6. **II.1.1/B1.** Заря берет бессонницу, отдает сон.
вс – Ефименко 1878: 199, № 6., *Арх. губ., от «ночницы»; Барташевич 1992: № 1134, Гом. обл., от «крикс»; Кляус 1990в: № 30, Енис. губ., от бессонницы.* И др. см. [Указ.: 234].
зс – Скалски 1901: 75, *от бессонницы.*
7. **I.1.2/B12.** Зори присушивают человека к человеку, распекают сердце человека.
вс – Барташевич 1992: № 1311, 1312, *Гом. обл., любовный; Логиновский 1899: III-IV, № 2, Заб. обл., «присушка».*
зс – Ворончак 1972: 53, *Жабиково, любовный.*

8. **I.1.4/A1.** Змея вынимает яд. Наказание, если не сделает этого.
вс – *Виноградов 1907-1909, 1: № 80, ркп, Вол. губ., от змеи; Барташевич 1992. № 352, Гом. обл., от ужа.; Попов 1903: № 117, Орл. губ., от змеи.*
 И др. см. [Указ.: 27-30]
зс – *Плаужанка 1934: 91-92, Свир, от укуса змеи.*

Персонажи народных верований

9. **XV.1.1/A13.** Дед (мастер) идет, рубит дуб.
вс – *Барташевич 1992. № 172, Гом. обл., от «урока» коровы, № 1154, Гом. обл., от «ночниц».*
зс – *Котуля 1976: 289-290, Марковизна, 329-330, Ниско, 423 Колбушев, от испуга.*
10. **II.3.4/B1.** Ребенок леса плачет за ребенка заговаривающего.
вс – *Барташевич 1992: № 1167, Гом. обл., от «крикс»; Чубинский 1872: 112, Под. губ., от бессонницы.* И др. см. [Указ.: 238].
зс – *Власакова 1906: 202 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 136), Жижелице-над-Цидлену, от детского плача.*

Эти десять восточнославянских и западнославянских сюжетов имеют, видимо, давние общие корни. В них типологически сходный круг персонажей, что и в предположительно ранних общих восточнославянско-южнославянских сюжетах (см. выше) – змея, заря, месяц, вода, земля, дед, мастер, железный человек, заговаривающий, но интересно, что при такой персонажной близости между восточнославянско-южнославянскими и восточнославянско-западнославянскими группами схождения не наблюдается сюжетных пересечений, т.е. схождения на уровне редакций разных версий одного сюжета, что, в принципе, может свидетельствовать о давнем бытовании и самостоятельном развитии заговорных текстов славян в общем сюжетном поле, которое, возможно, было задано еще праславянской традицией.

Значительно большее число восточнославянско-западнославянских схождения, чем в предыдущей группе, занимают сюжеты с христианскими персонажами:

11. **VI.1.1/A2.** Богородица (святой) своим духом высушает болезни.
вс – *Романов 1891: 54, № 5, Мог. губ., на «золотник», С. 95, № 229 (Барташевич 1992. № 740), Мог. губ., от лишая; Свиридова 1989. № 636, Прим. кр., от порчи.*
юс – *Сярковски 1879: 53, Келц, от болезни глаз*
12. **XXVII.1.1/A4.** Богородица кушает, обедает.
вс – *Попов 1903: № 53, Смол. губ., от боли в животе.*
зс – *Сярковски 1885: 50, Пинчов, от несчастья*

13. **V.3.2/A5.** Господь (святой) рубит, отсекает болезни.
вс – Георгиевский 1926: № 31, Прим. кр., от испуга; Романов 1891: 99, № 248 (Барташевич 1992: № 763), Мог. губ., от «грызи», 29, № 97 (Барташевич 1992: № 909), Мог. губ., от «уроков»
зс – Пруха 1903: 154 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 118), Бернарнице, от чирья, нарыва; Котуля 1976: 283-286, Марковизна, от болезни глаз.
14. **V.1.1/A8.** Богородица, Господь и др. Богородица идет выговаривать болезнь.
вс – Романов 1891: 70, № 100, Мог. губ., от «звиха». И др. см. [Указ.: 183].
зс – Колберг, 15: 240-241, Познань, от чар; Ворончак 1972: 50-51, Жабиково, при поиске украденный денег; Тойпен 1892: 407-408, Мазуры, от рожжи.
15. **I.3.2/A12.** Господь и др. едет через мост, мост ломается, конь спотыкается, болезнь проходит.
вс – Шейн 1893. № 26, Мог. губ., от вывиха; Романов 1891: 77, № 144, Мог. губ., от «звиха». И др. см. [Указ.: 201].
зс – Котуля 1976: 199, Жешув, 258-259, Мазуры, 284-285, Марковизны, от вывиха; Котуля 1969: 93-94, Ядахи; Адамовские 1993: 77, Любелско, от вывиха.
16. **IX.3.1/A13.** Пречистая (Христос) рвет траву (ветки), кровь заговаривает (лечит болезнь).
вс – Барташевич 1992: № 509, Мог. обл., от крови. И др. см. [Указ.: 218].
зс – Зибрт 1995: 64 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 1), от бельма, № 291 Нови Биджов, от всех болезней
- 16а. **IX.3.3/A13.** Божья Мать с Христом и др. рвет траву, дает помощь.
вс – Романов 1891: 163, № 19 (Барташевич 1992: № 545), Мог. губ., от «звиха»; Добровольский 1891: 175-176, № 6 (Барташевич 1992: № 980), Смол. губ., от «уроков»
зс – Ворончак 1972: 56, Жабиково, от пострела.
17. **II.2.1/A14.** Божья Мать идет заливать огонь.
вс – Барташевич 1992, № 26, Гом. обл., от пожара.
зс – Цишевски 1887: 56, Славков, от рожжи.
18. **X.1.1/B6.** Богородица (святые) берет ключи, замыкает болезнь и др.
вс – Добровольский 1891: 199, № 1, Смол. губ., от «притки»; Романов 1891: 48, № 178 (Барташевич 1992: № 163), Мог. губ., от зверей. И др. см. [Указ.: 304-305].
зс – Этнолингвистика 1995: 150-151, Лазоры, от волков. Сялковски 1879: 56, Келц, от волка.
19. **V.1.4/B7.** Вода стояла, когда Христос ходил.
вс – Романов 1891: 69, № 94, Мог. губ., от крови.
зс – Чижмаж 1946: 125 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 99), Оржехов, от навьей кости; Эрбен 1864: 510 (Чеш. корп. Вельмезовой. № 200), Бероун, от чахотки.
20. **VII.2.4/B7.** Христос колет ногу.
вс – Романов 1891: 66, № 72 (Барташевич 1992: № 496), Мог. губ.; Иванова 1994а: № 333, Киров. обл., от грыжи.
зс – Бегелайзен 1929: 87-88, от звиха; Плаужанка 1934: 91, Свир, от зубов.

21. I.2.2/В11. Христос (Пресвятая Мать) идет, несет три розы («рожи»). Третья облетает, исчезает.
вс – *Виноградов 1907-1909. 1. № 97. Костр. губ., от «рожи»; Барташевич 1992: № 721, Витеб. обл., от «рожи».* И др. см. [Указ.: 337-338].
зс – *Тойпен 1892: 407., Мазуры, от грибка; Зибрт 1927: 29 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 123), Костелец-над-Влтавоу-у-Орлика От нарыва, чирья.*
22. XX.1.1/А5. Христа распинают. Он не знает боли.
вс – *Попов 1903: № 35, Вол. губ., от тоски; Покровский 1987: 259-260, ркл., Арх. губ., от «ураза».* И др. см. [Указ.: 127].
зс – *Зибрт 1905: 11 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 45), от кровотечения.*
23. XX.2.1/А5. Сон Богородицы.
вс – *Кляус 1990в: № 43, Енис. губ., молитва; Барташевич 1992: № 1238, Мин. обл., от разного.* И др. см. [Указ.: 127-128].
зс – *Пенкалски 1967: 234-235, Билгорско; Сялковски 1879: 60-61, Келц, от несчастья.*

Среди этих сюжетов также можно указать на те, которые имеют книжные, письменные истоки – XX.1.1/А5 (№ 22), XX.2.1/А5 (№ 23). Особенно показателен последний пример, так как это известный «Сон Богородицы», широко бытующий у восточных славян (особенно у русских и белорусов) как универсальный заговорный текст, помогающий от всех болезней, недугов и несчастий. В подобной функции он известен и у поляков.

В западнославянском материале обнаружился также новые версии сюжетов, известных в восточнославянских традициях преимущественно по белорусским записям:

24. II.1.1/А8. Бабка (девица) заговаривает болезнь.
Барташевич 1992: № 635, Гом. обл., от волчьего зуба; Попов 1903. № 113, Саратов. губ., от «сибирки»; Майков 1869: № 63 (Ефименко 1878: 202, № 27), Арх. губ., от зубной боли. См. *Котуля 1969: 89-90. Лясковяки, от болезни глаз (Богородица отговаривает болезнь трем девицам).*
25. I.1.1/В11. Идут калеки и др. через реки, сажают «рожу», она не растет.
Чубинский 1872: 127, № 9, Волын. губ., от крови; Барташевич 1992: № 478, Гом. обл., от крови. И др. см. [Указ.: 337]. См. *Сялковски 1879: 53-54. Келц, от болезни глаз (Святая сеет просо. Богородица говорит – оно не будет расти, я запретила).*

26. **XXVII.1.3/B6.** Заговаривающий закрывает (ся) тыном. См. *Дековски 1987: 46-47, от змей* (Заговаривающий идет в лес, берет пояс Богородицы, опоясывается им, отстраняет змей).
Красноженова 1909: 30, № 2, Енис. губ., свадебный оберег; Романов 1891: 154, № 60 (Барташевич 1992, № 147), Мог. губ., от волков. И др. см. [Указ.: 316-317].
27. **IV.2.4/A8.** Христос идет шептать болезнь. См. *Котуля 1969: 85-86. Ядахово, от уроков.* (Святой едет на коне лечить, отговаривать болезни).
Барташевич 1992: № 1057, Гом. обл., от «ляка».
28. **VII.1.1/A13.** Авраам и др. сажат растения, собирают. См. *Адамовские 1993: 78, Любелско, от болезни глаз* (Богородица сеет мак, лечит людей).
Романов 1891: 103, № 262 (Барташевич 1992: № 441), Витеб. губ., от «шала»; Майков 1869, № 253, Ворон. губ., при собирании трав. И др. см. [Указ.: 216].
29. **XVII.1.2/B5.** Христос. Пречистая, святые гуляют, песком засыпают раны. См. *Дековски 1987: 167-168, от укуса змеи; Бегелайзен 1929: 108, от укуса змеи; Грабовски 1896: 129, от укуса змеи.* (Богородицу (Христа) змея кусает в ногу. Она засыпает рану песком).
Романов 1891: 169, № 49, Мог. губ., от грыжи; Георгиевский 1926. № 4, Прим. кр., от крови.
30. **IV.7.3/B12.** Двенадцать апостолов выжигают болезни. См. *Бегелайзен 1929: 133, от рожки; Тойпен 1892: 410, Мазуры, от рожки* (Христос идет с головешкой, говорит болезни – не будешь разорять огнем).
Логиновский 1903: 95-96, № 8, Заб. обл., от грыжи.

Персонажи данных сюжетных схождения на уровне версий – заговаривающий, христианские герои, а также те, образы которых, возможно, восходят к языческой эпохе – калеки, бабка, девица.

География схождения всей данной группы показывает, что из западнославянских наибольшее число принадлежит польским, а из восточнославянских – белорусским сюжетам. Отметим при этом, что почти треть сюжетных схождения между этими двумя традициями подкрепляется еще и функциональным совпадением текстов: см. **I.1.2/B12** (№ 7), **I.1.4/A1** (№ 8), **XXVI.1.1/A5** (№ 3), **I.3.2/A12** (№ 15), **XV.1.1/A13** (№ 9), **II.1.1/B1** (№ 6), **X.1.1/B6** (№ 18), **XX.2.1/A5** (№ 23), **XXVII.1.3/B6** (№ 26). Это может указывать если не на влияние одной из них на другую, то существование определенного общего сюжетного ядра в заговорных традициях польско-белорусского пограничья.

Южнославянско-западнославянские сюжетные схождения. Число схождения между южнославянскими и западнославянскими традициями незначительно – 6 случаев и все они на уровне версий:

- 1 VI.1.7/A4. Птицы улетают. [уносят болезнь].
Раденкович 1982 № 446, от боли в ушах.
- 2 XVI.2.1/A6 Св. Йован крестит небо и землю.
Раденкович 1982. № 468, Вост Сербия, на воду.
- 3 XXXIV.3.1/A6. Девица-семилетка рождает сына, покрывает пеленкой поле. «Скот» на поле не идет.
Раденкович 1982: № 591, Врнячка Бане, от града, № 602, от града. И др. см. [Указ.: 167].
- 4 I.7.2/A9. У болезни девять кож, ни одной.
Раденкович 1982: № 265, Далмация, от язвы.
- 5 V.4.1/B2. «Вила» женит сына, зовет человека. Заговаривающий посылает болезнь.
Раденкович 1982: № 405, Вост Сербия, от плача, № 516, от уроков.
- 6 III.1.1/B12. Болезнь передается туману (росе). Солнце высушивает туман.
Раденкович 1982: № 512, от «уроков»; Krauss 1890: 47, № 2, Калинич, от «уроков»; Апокрифы 1982: 303, № 6, ркп. XVII в., молитва против «нежита».
- См. Гура 1997: 672, Моравия, от дремоты. (* Птицы улетают, уносят болезнь)
- См. Великопольская культура 1967-417, от рожжи (Паненки крестят колочки, камни, болезнь)
- См. Адамовски 1995: 33, Любельско, от дождя. (Святая рождает сына, пеленкой разгоняет облака)
- См. Котуля 1976: 200, Жешув, 423, Колбушов, от рожжи; Этнолингвистика 1989: 145, Лауры, от язвы; Пенкалски 1967: 235, Билгорай, от жульв; Адамовские 1993: 79, Любельско, от жульв. (У болезни девять голов, ни одной.)
- См. Чижмаж 1946: 28 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 243), Моравия, от лихорадки. (Вода выводит замуж, заговаривающий отправляет ей в подарок болезни).
- См. Тойпен 1892: 410, Мазуры, от урока коровы (Роса падает с неба на камень, с камня на землю, исчезает от ветра)
- См. Котуля 1969: 86, Лясовяки, от корост (Святая каплями росила. Солнце встает, собирает).

Персонажный ряд сюжетов, имеющих версии в южнославянских и западнославянских традициях тот же, что и в выше рассмотренных группах – птицы, мифологические существа, болезни, природные стихии, святые. Несмотря на небольшое количество, эти сходжения имеют принципиальное значение, так как они дают не только интересные версии уже известных заговорных сюжетов по южнославянскому материалу, но и демонстрируют работоспособность построенной системы и подтверждают некоторые наши первоначальные предположения.

К примеру, в басме с сюжетом VI.1.7/A4. (№ 1) о птицах (гусях, индюшка, утках), известном по записи из Сербии, говорится, что они

улетают и болезнь проходит, но не сказано при этом, что птицами уносится болезнь (в данном конкретном случае – боль в ушах):

*«Одлетила била гуска
И с њом гушћићи.
Одлетила била пура
И с њом пурићи.
Одлетила била патка
И с њом пачићи.
А и то је божја воља
Да пристане увобоља.»*

[Раденкович 1982: № 446]

Рассматривая это *басме* в контексте других, со сходным сюжетом с птицами, мы предположили [Указ.: 83], что в сербском тексте это действие птиц подразумевается, оно опущено. Чешский заговорный текст «от дремоты», приведенный в работе [Тура 1997: 672], подтвердил наше предположение: «В Моравии существует поверье, что во время отлета гусей можно избавиться от дремоты. Для этого нужно умыться в проточной воде и, завидя улетающих гусей, попросить их забрать с собой дремоту, крикнув им: *«Husy, husy divočice, vemte mně ty dřimotice!»*»

Значительный интерес вызывает польский заговорный текст от дождя из Любельского окр. с сюжетом о святой, рождающей ребенка и разгоняющей пеленкой облака, так как он, несомненно, представляет собой эволюционно позднюю версию сербских заговорных сюжетов о девице-семилетке, родившей на поле ребенка, которые анализируются в работе [Толстой, Толстая 1981: 51-56]. Фиксация польского текста, кстати, с той же функциональной направленностью, показывает, что этот сюжет имеет более широкое распространение и не ограничивается одной только южнославянской зоной, как и другие способы защиты от града [там же: 112-113].

Вообще следует заметить, что общие для южнославянских и западнославянских традиций сюжеты и сюжетные ситуации отличаются простотой, неразвитостью, их намного меньше чем, в двух других группах схождения, но при этом имеются совпадения на уровне версий (ср. № 1 данного и № 5 восточнославянского-южнославянского списка). Характерно также и то, что среди них нет имеющих явные книжные источники и схождения на уровне редакций. Все это может указывать на ранее происхождение данных сюжетов и сюжетных ситуаций.

Общеславянские сюжетные схождения. Список схождения общих для всех славянских народов на уровне редакций, определенный по учтенным нами материалам, включает 13 случаев – на уровне редак-

ций (№ 1-11), на уровне версий (№ 12, 13). По типу персонажа они разделяются на три группы – стихии и явления природы, персонажи языческой мифологии и христианские:

Стихии, явления природы

1. **II.1.4/A3.** Заговаривающий здоровется с речкой (водой). Речка (вода) смывает болезнь.
вс – Романов 1891: 194, № 26 (Барташевич 1992: № 193), Мог. губ., от «перелога».
юс – Раденкович 1982: № 310, Левач, Темнич, от головной боли
зс – Гайны 1931: 107 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 115), Нимбурк, от нарыва, чирья; Бруна 1913: 139 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 218), Невелков, от сглаза; Гайны 1931: 107 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 251) Нимбурк, от лихорадки; Градецки 1913: 410-411 (Вельмезова № 286, № 288), Комин, от всех болезней; Матейка 1936: 312 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 295), от всех болезней.
2. **IV.1.1/B7.** Текут три речки, кровавая останавливается.
вс – Шейн 1893. № 33, Мог. Губ., от крови; Попов 1903. № 155, Орл. губ., от крови
юс – Раденкович 1982. № 184, от раны.
И др. см. [Указ.: 327-328]
зс – Колберг, 39: 418, берег Балтики, от крови; Тойпен 1892: 403, Мазуры, от крови.

Персонажи народных верований

3. **XXXVIII.1.1/A6.** Болезнь уходит в «пустое место».
вс – Романов 1891: 94-95, № 225, Мог. губ., от «скулы»; Чубинский 1872: 134, № и, от «уроков»; Майков 1869. № 57, Сарат. губ., от бессонницы
юс – Раденкович 1982: № 381, Левач, Темнич, от лихорадки
И др. см. [Указ.: 169].
зс – Пенкалски 1967: 234, Билгорско, от уроков, 234, от рожги; Чижемаж 1946: 263 [Чеш. корп. Вельмезовой: № 66], от чахотки.
- 3а **XXXVIII.1.2/A6.** Болезнь уходит в воду и там живет.
вс – Романов 1891: 59, № 29, Мог. губ., на «золотник»; Чубинский 1872: 128, от чумы; Макаренко 1897: 389. № 13, Енис. губ., от «полнолуницы».
юс – Раденкович 1982: № 136, Вост. Сербия, от нечистой силы, которая нападает на рожениц.
И др. см. [Указ.: 169-170].
зс – Пруха 1903: 191 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 176), Бернартице, от болезни головы и зубов.

4. **XXXIX.1.1/A6.** Болезнь идет через тело человека в землю (воду).
вс – Майков 1869: № 198, Перм. губ., от «ногтя»; Барташевич 1992: № 251, Гом. обл., от «сухой крови худобы».
юс – Анокрифы 1982: 303, № а, ркп. XVII в., молитва против «нежити»; Раденкович 1982: № 205, Крагуевачка Ясеница, от чирья
 И др. см. [Указ.: 170-171].
зс – Толвински 1896: 705, Варшава, от рожки; Котуля 1969: 92, от рожки; Сярковски 1879: 52, Келц, от поскудников; Матейка 1936: 335-336 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 161), Сулейвицы-у-Лосовиц, от чахотки; Вондрачек 1903: 244 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 164), Горжовице, от чахотки. Эрбен 1864: 509-510 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 198, 199), Бероун, Прага, от чахотки; Матейка 1936: 317 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 203), от чахотки; Миколашек-Скалски 1903: 175 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 175), Писек, от болезни головы и зубов.
5. **I.1.1/A9.** У болезни (царя и др.) девять жен (мужей), ни одной.
вс – Романов 1891: 127, № 20, Мог. губ., от «перелога»; Логиновский 1903: 63-64, Заб. обл., от истуга; Чубинский 1872: 139, от золотухи
юс – СБНУ, 14: 103, № 4, Котленско от болезни суставов
 И др. см. [Указ.: 188-189].
зс – Котуля 1976: 333, Лясовяки, от жуля; Пенкалски 1967: 234, Билго-рай, от жуля; Ястренбовски 1896: 589, от жуля.
6. **I.2.1/A9.** У болезни (царя и др.) девять детей, ни одного.
вс – Барташевич 1992: № 1034, Мог. обл., от «ляка»; Логиновский 1903: 37-38, № 1, Заб. обл., от червей.
юс – Раденкович 1982: № 300, от болезни суставов; СБНУ, 2: 173, № 4, Дебрско, от болезни груди
 И др. см. [Указ.: 188-189].
зс – Сярковски 1879: 52, Келц. От застрелу; С 52-53. От жуля.
7. **I.4.1/A9.** Девять (двенадцать) болезней, ни одной.
вс – Чубинский 1872: 115-116, Киев. губ., от «бешихи»; Иванова 1994: 18, № 60, Арх. обл., от «кшлы».
юс – Раденкович 1982: № 423, от нечистой силы, № 525, от «уроков».
 И др. см. [Указ.: 190].
зс – Гайны 1931: 106 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 87), Нимбурк, от нар-тка; Эрбен 1864: 510-511 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 113), Клатови, от нарыва, чирья; Пруха 1903: 155 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 121), Святковице, от нарыва, чирья; Гайны 1931: 106 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 226), Нимбурк, от простела.
8. **III.1.1/A15.** Не сходятся три царя (три брата и др.).
вс – Ефименко 1874: № 10, ркп., от зубной боли; Попов 1903: № 62, Рязан. губ., от зубной боли; Барташевич 1992: № 603, Гом. обл., от зубной боли.
юс – Раденкович 1982: № 530, от «уроков».
 И др. см. [Указ.: 229-231].
зс – Колберг, 40: 51, Мазуры, от боли зубов; Тойпен 1892: 406, Мазуры, от боли зубов.

- 9 **I.1.2/B2.** Болезнь идет за море, там у бабки (царицы и др.) постели.
вс – Романов 1891: 167, № 38 (Барташевич 1992: № 679), *Мог. губ., от «скулы»*; Савушкина 1975: 120, *БурАССР, от крика*.
юс – Раденкович 1982: № 424, *Лесковац, от болезни глаз*.
 И др. см. [Указ.: 253-254].
зс – Колберг, 31: 177-178., *Покутье; Колберг, 51: 24.*
- 9а **I.1.3/B2.** Болезнь идет за море (на гору и др.), там посланы постели.
вс – Романов 1891: 170, № 51, *Мог. губ., от «грызи»*; Майков 1869, № 107, *от дихорадки*.
юс – Раденкович 1982: № 202, *Вост. Сербия, от чирья; СБНУ, 1: 96, № 7 (Цепенков 1972: 299-300, № 66), Прилеп, от припадка*.
 И др. см. [Указ.: 254-255].
зс – Бегелайзен 1929: 133, *от рожги, 231, на матку; Тойпен 1892: 408, Мазуры, от рожги.*
- 9б **I.1.4/B2.** Девы (молодцы) ждут болезни, гуляют с ними.
вс – Романов 1891: 106, № 274 (Барташевич 1992: № 439), *Мог. губ., от «шала»*.
юс – Раденкович 1982: № 287, *Лужница и Нишава, от болезни десен; СБНУ, 8: 159, № 8, Ловечско, от лишая.*
 И др. см. [Указ.: 255].
зс – Тойпен 1892: 409, *Мазуры, от диатеза.*
- 9в **I.1.6/B2.** Девы (паньы и др.) ждут болезни, кормят их.
вс – Барташевич 1992: № 673, *Гам. обл., от «скулы»*; Свиридова 1989: № 640, *Прим. кр., от детского крика*.
юс – Раденкович 1982: № 122, *Вост. Сербия, от «ветра»*.
 И др. см. [Указ.: 256-257].
зс – Бегелайзен 1929: 267, *от боли в костях и др.*
- 9г **I.1.10/B2.** Болезни идут на поле (за болото и др.), там еда.
вс – Романов 1891: 92, № 212, *Мог. губ., от «скулы»*.
юс – Раденкович 1982: № 119, *Вост. Сербия, от «ветра»*; Кошов 1980: 104, *Разлогско, от нечистой силы*.
 И др. см. [Указ.: 258-259].
зс – Колберг, 40: 65-66, *Мазуры, от «белых людей»*; Чижмаж 1946: 152 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 47*), *Глинско, от испуга*; Гайны 1931: 106 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 86*), *Нимбург, от натка*; Свобода 1904: 214 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 179*), *от боли головы и зубов*; Кратохвил 1924: 91-92 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 206*), *Птачов, от слеза*; Чермак 1892: 606-607 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 219*), *Просече, от слеза*; Чижмаж 1946: 203 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 278*), *от живого волоса.*
- 10 **II.10.1/B5.** Три девы шьют, вышивают и т.д., лечат.
вс – Барташевич 1992: № 1054, *Гам. обл., от «переполоха»*.
юс – Раденкович 1982: № 544, *от «уроков»*.
 И др. см. [Указ.: 289-290].
зс – Колберг, 19: 170-171, *Келец, от боли глаз*; Петуньска 1966: 111, *Белхатов, от уроков*; Эрбен 1864: 508 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 185*), *Бероун, от глистов*; Матейка 1936: 321 (*Чеш. корп. Вельмезовой: № 188*), *Олбрамовице, от глистов*; Пруха 1903: 192 (*Вельмезова 2000 № 189*), *Естришебице, от глистов.*

11. X.2.7/A6. Богородица (Марья, др.) и болезнь. Болезнь отправляют в «пустое место».
 вс – Иванова 1994: 27-28, № 126, 28-29, № 129, Арх. обл., от слезы; Барташевич 1992: № 724, Гом. обл., от «рожи»
 юс – СбНУ, 11: 87, № 3, Велеско, от кровоподтека; Раденкович 1982: № 126, Крагуевацка Ясеница, от «ветра».
 И др. см. [Указ.: 152].
 зс – Котуля 1969: 95, 96, от болезни глаз; Сяркоўски 1879: 54, от болезни глаз, 55, от застрела; Гайны 1931: 106 (Чеш. корп. Вельмезовой, № 227), от прострела; Пруха 1903: 191 (Чеш. корп. Вельмезовой, № 152), от рожки; Ржепа 1930: 261 (Чеш. корп. Вельмезовой № 154), от рожки.
12. IX.3.4/A13. Заговаривающий, зс – См. Матейка 1936: 320 (Чеш. Господь и Мать Пречистая, корп. Вельмезовой: № 43), от кровотечения; Зибрт 1905: 11 (Чеш. корп. Вельмезовой: № 45), от кровотечения; Плещински 1893: 103, от бешенства. (Бог и три брата. Братья идут рыть коренья для ран, от болезни).
 Господь и Мать Пречистая ищут траву от болезней.
 вс – Романов 1891: 190-191, № 13 (Барташевич 1992: № 239), Мог. губ., от «чмемера».
 юс – Раденкович 1982: № 533, от «уроков».
13. XXXVIII.2.1/B6. Ангелы и др. зс – См. Дворжак 1903: 133 (Чеш. охраняют человека, корп. Вельмезовой: № 69), Колин, от чахотки. (Господь впереди человека, за ним над ним.)
 вс – Шейн 1893, № 23 (Барташевич 1992: № 1177), Мин. губ., от «крикс»
 юс – СбНУ, 5: 115-116, № 2.в, Орхание, от «уроков»; Раденкович 1982: № 489, Вост. Сербия, от страха.
 И др. см. [Указ.: 325]. -

Преобладание сюжетов с персонажами, восходящими, вероятнее всего, к языческой мифологии, в этой группе значительно. При этом сравнение общих сходжений со всеми остальными, выявляет любопытную закономерность: если между другими группами сходжений нами отмечен минимум случаев пересечений на уровне версий (см. стр. 124), то обращение к этой основной группе показывает уже целый их набор: ср. № 11 и № 30 восточнославянско-южнославянской (сюжет о встрече с болезнями); № 9-9г и № 26 восточнославянско-южнославянской (сюжет о привлечении болезней едой, отдыхом, весельем); № 1 и № 2 восточнославянско-западнославянской (сюжет о смывании болезней водой); № 12 и № 16-16а восточнославянско-западнославянской, а также № 20 восточнославянско-южнославянской (сюжет о поиске трав от болезней); № 5-7 и № 4 западнославянско-южнославянской (счетные сюжеты).

Показательно, что среди сюжетов и сюжетных ситуаций данной группы нет таких, которые имеют явное книжное, письменное происхождение. Богородица, Иисус Христос, святые, ангелы в сюжетах № 11-13 – помощники, защитники человека, но эта функция не связана с какими-либо специфическими христианскими атрибутами, в подобной же роли, и, кстати, в этих же сюжетах, в разных версиях и редакциях выступают и совершенно иные персонажи (Марья-Мария, Дарья, волк), ассоциируемые с дохристианским кругом верований, как и подавляющее большинство персонажей других сюжетов этой группы – реки, вода, заговаривающий, человек (больной), болезни, цари, царицы, братья, бабки, девицы.

В четырех разных группах схождения неравномерно представлены типы персонажей. Сюжеты с христианскими персонажами преобладает только в восточнославянско-западнославянских схождениях. Среди нехристианских в группе восточнославянско-южнославянской значительное число принадлежит персонажам животного мира, в западнославянско-южнославянских и общих – персонажам народных верований. Сюжеты, где главным героем является заговаривающий, практически встречаются только в группе восточнославянско-южнославянских схождениях. Подобная неравномерность показательна. В заговорных традициях восточных и южных славян роль знахаря, исполнителя заговорно-заклинательного текста очень значима, он является деятельным, активным участником всего акта (см. [Раденкович 1996 С. 11-34; Гоев 1989: 128-133; Москвина 1997: 11-12]), в то время как в западнославянских традициях он чаще всего обращается с просьбой о помощи и, конечно же, его ближайшими помощниками оказываются христианские святые, Богородица и сам Иисус Христос. Именно поэтому, к примеру, в польской традиции заговорно-заклинательными текстами являются в том числе народные молитвы (см. [Котуля 1976: 25-181]). В целом же, оказалось, что общих сюжетов с христианскими персонажами меньше (чуть больше одной трети от общего числа), чем сюжетов, где героями являются светила, стихии, явления природы, звери, птицы, пресмыкающиеся, заговаривающий, а также девицы, бабы, братья, болезни и проч. образы языческого круга верований. Сюжеты, имеющие явные книжные истоки единичны, и они зафиксированы только на восточнославянско-южнославянском и восточнославянско-западнославянском уровнях.

Вообще, у исследователей фольклора славянских народов не вызывает сомнения тот факт, что на заговорные традиции славян существенное влияние оказала христианская мифология. Но нет единства взглядов на то, какой степени интенсивности было это влияние. Выражалось ли оно только в замене языческих, старых персонажей новыми, христианскими. Или же вообще вся заговорная поэзия – это

итог разрушения в народной культуре христианских представлений и символов. Последняя крайняя точка зрения принадлежит финскому ученому В.Мансикке, который считал, что христианские молитвы, проникнув из высоко-духовной книжной культуры в народную, изменившись до неузнаваемости, трансформировались в заговоры, и что практически все персонажи заговорных текстов восточных славян – это испорченные образы Христа, Богородицы, святых и ангелов [Мансикка 1909].⁵⁰

Наблюдения над сюжетикой заговорных текстов восточных и южных славян показывают, что, несмотря на значительное влияние христианской мифологии на этот фольклорный жанр, проявившееся в большом количестве христианских персонажей, среди более чем девятисот выявленных нами сюжетов, крайне мало непосредственно восходящих к апокрифической и канонической христианской литературе. На наш взгляд, это не случайно, и может быть объяснено не просто консервативностью данной фольклорной традиции, а системным характером заговорной сюжетики, при котором поздние («книжные») сюжеты включаются, функционируют, становятся «своими» среди ранних, «исконных» сюжетов в том случае, если они схожи с ними характером действий персонажей, т.е. имеют общие элементы повествования и мотивы (см. об этом [Кляус 1998]).

Сюжетные схождения и выявление их различия между отдельными языковыми группами славян в количественных и качественных показателях – важный источник понимания развития заговорного повествования у славян. Так, восточнославянско-южнославянские и восточнославянско-западославянские соотносимы друг с другом по числу схождений и их уровневой характеристикой, что соответствует и существованию культурных зон, в которых происходили исторические и культурные контакты между восточными и южными, восточными и западными славянами соответственно. Иную картину мы наблюдаем при обращении к западнославянско-южнославянским схождениям: их число невелико и они выявлены только на уровне версий. В принципе, одной из причин этого может быть недостаток материала, но дело еще и в том, что между западными и южными славянами исторические и культурные контакты не носили столь же интенсивного характера, как между южными и восточными, восточными и западными славянами вследствие географических, конфессиональных и иных причин. Значительная часть общих сюжетов – это, видимо, то, что все славяне сохранили со времени своего праславянского единства, но здесь необходимы дополнительные розыскания и, заметим, в

⁵⁰ Гипотеза В.Мансикки не получила поддержки у исследователей русского фольклора (Елеонская 1909; Петров 1978: 87-88; Познанский 1917: 49-56).

отдельных традициях праславянская сюжетика могла дойти до нашего времени в виде некоторых уникальных сюжетов.

Общеславянский список схождения⁵¹ – это сюжетное ядро, от которого сначала как бы радиально расходятся общие сюжеты и сюжетные ситуации групп схождения между двумя какими-либо славянскими народами, затем – сюжеты характерные для каждой языковой группы, далее – для каждого народа и в итоге – региональная, локальная сюжетика. На характеристике некоторых из последних, а именно южнославянских и русских сибирских, мы остановимся далее.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ СЮЖЕТЫ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ. В

заговорных текстах, как и в других жанрах, существует целый ряд элементов, являющихся уникальными для традиции того или иного народа. Такова, к примеру, топонимика. В южнославянских текстах наряду с универсальными для христианского мира топонимами (Иерусалим, Сионская гора и др.) встречаются и специфические балканские географические реалии. В *баяниях* и *басмах* упоминаются Банат [Раденкович 1992: № 180], Белград [там же: № 241], Зайгар [там же: № 72], Новый Сад [там же: № 84], Паланка [там же: № 72], Срем [там же: № 180], София [там же: № 394], Охрид [там же: № 370], из которых складывается своеобразная карта Балкан.

Географические названия Балкан, как собственно южнославянские элементы, в заговорных текстах выделяются легко. Намного сложнее обстоит дело с сюжетным и мотивным уровнем. Для того чтобы выявить специфический для южнославянских традиций круг сюжетов или мотивов, необходим анализ массового материала. На основе «Указателя» мы можем выделить сюжеты, которые являются характерными лишь для южнославянских заговорных традиций и не встречаются у восточных славян.

Как собственно южнославянские (в сравнении с материалом восточных славян) нами определены следующие сюжеты и серии сюжетов:

1. Сюжет о слепых и немых, которые пасут или сторожат «скот-болезни» и не замечают волка, орла или других животных, хватающих и разрывающих болезни (XVII.1.1/A4–XVII.1.5/A4. [Указ.: 93-94]). Сюжет известен по 14 фиксациям из Восточной Сербии, Далмации, Широкого Лога в Болгарии. Он входит в состав заговорных текстов от грудницы, свинки, искривления позвоночника, уроков и других болезней. Существует не менее пяти версий этого сюжета, которые отличаются друг от друга различной полнотой развития действия. В тексте может контаминироваться с иными сюжетами.

⁵¹ Конечно же, он далеко не полон, так как не учтены еще многие материалы по всем славянским традициям.

2. Сюжет, который можно охарактеризовать как «повесть сыра»: люди доят молоко и делают из него сыр; сыр съедают, его разносят люди, ветер или птицы (XXII.1.1/A4–XXII.1.7/A4. [Указ.: 99-101]). Он нам известен по 24 записям из Поморавья, Трояна, Конуско, Разлогско, Неврокопско, Восточной Сербии и других славянских регионов на Балканах. Чаще всего встречается в заговорных текстах от уроков, но также известны *баяния* и *басме* от струпов, от болезни глаз, от спазм в теле, от страха. Сюжет, по нашему мнению, имеет семь версий. Контаминации с другими сюжетами и модификация материала подвергаемого обработке (не молоко, а вино) дало эволюционные и параллельные формы сюжета.

3. Сюжет, который можно охарактеризовать как «повесть льна или конопли»: рассказывается как люди сеют, а затем собирают лен или коноплю и ткут рубашку (VI.1.1/A13–VI.1.3/A13. [Указ.: 216]). Притча о страданиях растения известна и по восточнославянским заговорным текстам. Но изготовление ткани, а затем рубашки как специфическое завершение «страданий растения» в заговорных текстах, мы встретили только у южных славян. Нам известно три фиксации этого сюжета, каждая из которых представляет самостоятельную версию. Они показывают, что он бытует в Сербии, в заговорных текстах от головных и грудных болей.

4. Серия сюжетов, рассказывающих о рождении ребенка-болезни, который меньше макового зерна, т.е. совершенно невидим. Существует, по крайней мере, два связанных между собой сюжета, которые развивают этот мотив (III.1.1/A9, III.2.1/A9, III.2.2/A9. [Указ.: 193]). Они известны нам по семи сербским *басме* от свинки, язвы, чирья, т.е. от накожных болезней.

5. Сюжет о мышке или старце, несущих тыкву, которая лопается (VI.1.1/A12–VI.1.3a/A12. [Указ.: 209]). Имеет четыре версии, известных по семи записям из Болгарии (Конуско, Широкий Лог, Разлогско и др.) и Сербии (Калинич, Восточная Сербия). Все *баяния* и *басме* от «уроков».

6. Серия сюжетов о том, как животное (корова) или птица (курица) приносит потомство, связанная каким-то образом с этим болезнь исчезает (IV.1.1/A9, IV.2.1/A9. [Указ.: 194]). Два сюжета, зафиксированы в двух текстах из Сербии из одного региона, оба от желтухи.

7. Серия сюжетов о людях, которые работают в поле, находят там и уничтожают змею (XIV.1.1/A5, XIV.2.1/A5. [Указ.: 122]). Мотив уничтожения змеи встречается довольно часто в заговорных текстах восточных и южных славян. Как правило, она убивается божественными персонажами (Христом, святыми). Но только у южных славян зафиксированы сюжеты уничтожения змей во время полевых работ.

Один в сербском *басме*, второй в болгарском *баяние*, оба – заговорные тексты от уроков.

8. Серия сюжетов о святом, который откальвает от камня куски и крестит ими болезни (XVII.1.1/A6, XVII.2.1/A6. [Указ.: 158]). Нам известно два сюжета с этим мотивом. Оба зафиксированы в *басмах* из Далмации, с помощью которых лечили чирей, отек на щеке, боль в груди.

Регионально южнославянскими являются также сюжеты о злом существе, которое уносит ребенка у женщины, но святой догоняет, забирает и возвращает ребенка (XXXIV.1.1/B1, XXXIV.1.2/B1. [Указ.: 252]); о «Горянине», который вредит человеку и тот заболевает, но девицы разрывают «Горянина» (II.1.1/A5. [Указ.: 104-105]); о Королевиче Марко, который борется с Дели Мусой и побеждает его (VII.1.1/A7. [Указ.: 174]).

Некоторые заговорные сюжеты, широко распространенные в южнославянских традициях и имеющие, по-видимому, региональный характер, неожиданно встречаются в единичных фиксациях и у восточных славян. К примеру, сюжет о змее с водяным и огненным глазами нам был известен только как южнославянский (VII.1.1/A7) [Указ. 225-226]. Но в 1984 г. за тысячи километров от Балкан – в Кемеровской области – был записан следующий заговор, который должен помогать от сильного жара: *«Лежал камень каменный. Змея черная под камнем дремала. Два глаза у нее были: один водяной, другой огненный. Лопнул глаз водяной, и вода полилась в глаз огненный. Брызнул глаз водяной и потушил глаз огненный. Да испарятся так глаза злые лихо глядевшие»* [Лутовинова 1997: № 128].

Сюжет этого сибирского заговора особенно близок сюжету *басме* из Восточной Сербии [Раденкович 1982: № 508]. Кемеровский текст не совсем обычен. Во-первых, существует несоответствие между функциональным назначением («от сильного жара») и завершающими словами *«... да испарятся так глаза злые лихо глядевшие»*, которые часто встречаются в южнославянских *басмах* и *баяниях* от «уроков» (ср. *«Арачишча, барачишча, да му пукнут две очисти, кой те тебе убарагил»* [СБНУ, 2. 173]). Кроме того, повествовательная структура сибирского заговора (короткие односоставные предложения, которые преимущественно начинаются с глагола) не характерна для восточнославянских традиций. На наш взгляд, перед нами буквальный перевод на русский язык южнославянского текста, который мог попасть в Сибирь вместе с каким-то поселенцем, оказавшимся здесь в относительно недавнем прошлом (сама публикация не помогает выяснить что-либо определенного на этот счет, необходимы, если это возможно, дополнительные опросы исполнителя – З.Е.Красниковой). Иную функциональную направленность этот заго-

вор мог получить под влиянием текстов с сюжетами о тушении огня, которые применялись у восточных славян против пожара и ожога (см. [Указ.: 223-227]).

Данный случай не является единственным примером фиксации сюжета о существе с огненным и водяным глазом у восточных славян. Так, в украинском сборнике «Ви, зорі-зириці...», который стал нам доступен уже после составления «Указателя», опубликован любопытный текст «от всяких хвороб», записанный в с. Панчево Одесской области. Он начинается следующими словами: «*Є ливада, а на тій ливаді – верба, а під тією вербою сидить дієка розплетяна, а в тієї дієки одне око вогненне, а друге водяне. Вогонь щоб потух, а вода щоб стекла. ...*» [Василенка, Шевчук 1991: 12]. Далее идут характерные для южнославянских текстов сравнения – «*як золота та молоко чисте, так щоб вона (больная – В.К.) була чиста*»⁵², сюжет «притчи о страдании и излечении», которые показывают, что перед нами заимствование из южнославянской заговорной традиции. Появление этой украинской замовы объясняется тесными контактами восточнославянского населения с болгарами на территории Крыма (ср. название села – Панчево, где была сделана запись).

Что касается «притчи о страдании и излечении» – чрезвычайно популярной сюжетной форме у славян на Балканах, она известна нам по десяткам фиксаций, – то обнаруженные нами сходжения на уровне редакций и версий между заговорными текстам южных и восточных славян (см стр. 116 № 23, [Указ.: 73-74, 117-118]), вероятнее всего, являются примером редкого прямого влияния южнославянской заговорной традиции на восточнославянскую. Доказательством этого могут быть локализация фиксаций сюжетов с этой формой, несвойственная для эволюционно общих сюжетов разработанность действия, при которой сохраняются большое число немотивированных совпадений, указывающих, на наш взгляд, на какие-то общие источники, возможно письменные. Вероятным местом влияния могли быть регионы исторических контактов с болгарским населением на территории Украины (неслучайно, первая фиксация восточнославянского текста с данной структурой была сделана еще П.П.Чубинским в 1872 г.), откуда уже заговоры распространились в Гомельский край и, вместе с переселенцами, на Дальний Восток.

В южнославянских традициях важное место занимают македонские заговорные тексты. Рассмотрим их особенности на примере записей, сделанных Марко Цепенковым.

⁵² Ср. «*Да се учисти кату чисту сребру, да улекне кату леку перу, да ублагне кату благу мляку...*» [СБНУ, 9: 137-138, № 2]. «*Ти ке побав, та ке улекне, / Като леко перо, като ясно сонце. / Като пресно млеко, като блага душа. / Ке се учисти като чисто сребро*» [СБНУ, 12: 146-148, № 3]. «*Остаде чист, / к'о чисто сребро, к'о чисто злато, к'о леко перо*» [Раденкович 1982: № 491].

Исследователи южнославянского фольклора называют М.Цепенкова «македонским Вуком». Он один из первых обратился к собиранию македонского фольклора и за свою долгую жизнь записал множество эпических произведений, сказок, преданий, мифологических рассказов, лирических песен, первые фиксации которых относятся еще к 50-м годам XIX столетия. Интересовался М. Цепенков и *баяниями*.

Тексты *баяний*, записанные в районах Прилепа и Битоля, М.Цепенков помешал в книгах серии «Сборник за народни умотворения и народопис» (Кн. 1, 2, 6, 11, 15, 16/17). Собирателю при жизни не удалось полностью опубликовать свою коллекцию. Уже в наши дни, в фольклорном собрании ученого – «Македоски народни умотворби во десет книги» [Цепенков 1972], в 9 томе, вышедшем в 1972 году, было опубликовано 84 описания обрядов лечения с сопровождающими их *баяниями*. Наряду с уже известными, здесь приведено около сорока новых описаний из архива собирателя.

Коллекция *баяний* М. Цепенкова насчитывает около шестидесяти текстов и занимает одно из значительных мест в фольклористике южных славян, в первую очередь, потому, что она представляет собой одну из наиболее ранних фиксаций этого жанра в Вардарской Македонии.

Магические обряды и заговорные тексты южных славян всегда привлекали к себе внимание исследователей балканской культуры. Из последних работ особо выделяются монографии [Раденкович 1996, 1996а], которые на сегодняшний день являются обобщающими трудами в области изучения магических обрядов и заговоров южнославянских народов. Македонские *баяния*, хотя и рассматривались в некоторых работах, в том числе и Л.Раденковича, все же еще не стали предметом обширных целенаправленных исследований. Возможно, это связано с отсутствием репрезентативных сборников и пока незначительным, по сравнению с другими славянскими народами, количеством опубликованных записей (см. библиографию в [Раденкович 1982: 442–473]). В этой связи каждый македонский текст приобретает особое значение для сравнительных исследований, особенно это касается материалов М.Цепенкова.

Подавляющее большинство *баяний*, записанных М.Цепенковым, не имеют сюжетного характера. Они либо построены по формуле подобию (к примеру: «*Како што изгоре влакното в огнот и го снема, така да ја снема и болеста од Петка али од Рајка*» [Цепенков 1972: 284, № 43] либо имеют форму приказания, призыва к болезни, например: «*Трчењто од Бориса да биди во рипчињата и да се удаа[т] в водата*» [Цепенков 1972: 283, № 42]. Сюжетных *баяний* в коллекции

М.Цепенкова мало, но они заслуживают самого пристального внимания.

В Прилипе от бабы Петры М.Цепенков записал интересное *баяние* от уроков [Цепенков 1972: 285-286, № 53]. В нем контаминируются два сюжета.

Первый – «Больной идет к бабе Петре, встречает Богородицу. Она его спрашивает – куда идешь? Он отвечает – к бабе Петре, у нее метелка, она сметет болезни, выдует их из тела» (X.1.1/A2) [Указ.: 59] – является типичной «притчей о страдании и излечении», которая обычно имеет следующий вид:

1. Вступление, в котором изображается нанесение вреда человеку болезнью или каким-либо мифологическим существом.

2. Основная повествовательная часть, где рассказывается, как человек плачет, кричит, его слышат Богородица, Господь или знахарка, приходят и выясняют причину его плача.

3. Заключение, в котором описывается процесс уничтожения болезней или последствий нанесенного вреда человеку.

В некоторых случаях текст может начинаться сразу с основной повествовательной части, но в диалоге с божественным помощником или знахаркой больной рассказывает, что с ним произошло.

В сюжете *баяния* бабы Петры, хотя и сохранен основной элемент «притчи» – встреча и разговор с Богородицей, отсутствует описание нанесения вреда. Основной акцент в нем сделан не на Богородице, которая, как правило, является связующим звеном между больным и теми, кто может помочь ему (птицы, люди, знахарка), а непосредственно на самой знахарке. Больной уже идет к ней и его разговор с Богородицей лишь проясняет его намерения и будущие действия знахарки. Заметим, что баба Петра говорит о себе в *баянии* в третьем лице, что вообще характерно для южнославянских заговорно-заклинательных традиций, в отличие от восточных славян (ср. вступление многих русских заговоров «Встану я, раб божий, благословясь, выйду перекрестясь...»).

Необходимо отметить, что наряду с предикатами, действиями персонажей, сюжетообразующими элементами в заговорных текстах могут быть и другие элементы повествования, в частности персонажи, объекты действий, места действий, предметы, которыми совершаются действия. Их учет не менее важен для выяснения системных связей между текстами заговорно-заклинательного жанра.

К примеру, знахарка в *баянии* бабы Петры для уничтожения болезни использует только метелку, тогда как обычно в заговорных текстах «притчи» употребляются ножи, пилы, топоры, лопаты и проч. Но в этом отношении прилепский текст не единственный – знахарка с одной метелкой встречается и в сербских *басме*. У восточных славян бо-

лезнь могут выметать веником, ризой. Интересно, что и у южных, и у восточных славян выметание часто сопровождается выдуванием. То же мы обнаруживаем и в тексте бабы Петры.

Второй сюжет *баяния* – «Болезни собираются в ком, скатываются с горы в долину, рассыпаются по кустам. Их берут орлы, вороны и разносят по лесам и пустым местам». Вариант этого сюжета записан у сербов в *басме* от «издата». Характерно, что он контаминируется, только в другой последовательности, с сюжетом, описывающим, как знахарка отдувает и отмечает болезнь, отдаленно напоминающем первый сюжет *баяния* бабы Петры (VI.1.6/A4) [Указ.: 83; Раденкович 1982: № 77].

Сюжетные формы, повествующие о том, как ворон, орел или другие хищные птицы уничтожают, уносят болезни, хотя и встречаются в южнославянских заговорных текстах, но редко. Чаще мы их находим у восточных славян, причем в заговорах самой различной функциональной направленности. Наиболее близкая восточнославянская параллель ко второму сюжету *баяния* бабы Петры зафиксирована в Гомельской области Белоруссии в заговоре от «скулы». В нем рассказывается, как Божья Мать идет через море с книжкой, встречает ворона, говорит ему – возьми болезнь, неси в «пустое место», чтоб она рассыпалась, раскатилась маковыми зернами по лозам, по воде (VI.2.1/A4) [Указ.: 83; Барташевич 1992: № 684].

Там же, в Прилепе, от знахарки бабы Бона М.Цепенков записал еще одно *баяние* от уроков сюжетного характера [Цепенков 1972: 287, № 55 а]. В нем рассказывается о том, как знахарка лечит водой человека, чтобы он стал здоровым, по воде стекают болезни, вода и соль становятся больными (I.2.1/A3) [Указ.: 61].

Вода – одно из самых распространенных средств лечения болезней в народной медицине. Поэтому не случайно она упоминается во многих заговорных текстах. У восточных славян вода (река), заговаривающий, Богородица или другие персонажи смывают с больного его болезни. *Баяние* бабы Боны, в котором знахарка говорит о том, что она лечит водой, в этом схоже с восточнославянскими заговорами. Но формула «по воде (ручьям) стекают болезни» – характерна именно для южнославянских традиций, у восточных она нам не встретилась.

Кроме воды, в *баянии* бабы Боны упоминается соль. Перед произнесением текста знахарка кидала ее в воду. Апотрепические свойства соли были хорошо известны, видимо, всем славянам и продолжают использоваться в народной медицине. К примеру, у русских в Забайкалье соль – один из постоянных элементов обрядов лечения сглаза, ею сылят воду, перед тем как на нее наговорить.

Третий текст, на который нам бы хотелось обратить внимание, записан М.Цепенковым в Прилепе от Ангелы Мазгало, с его помощью

пытались вылечить человека, который страдал припадком. Текст имеет следующий сюжет: «Дымом окуривают болезни. Болезни уходят в лес к «самовиле Гурге», вьют для нее венки. Если не идут туда, то идут в богатый дом лежать на подушках» (7/1.1.3/B2) [Указ.: 354; Цепенков 1972: 299-300, № 66].

Сюжетные ситуации, в которых рассказывается о том, что где-то, за морем, в лесу и проч. есть еда, постель для болезни, там она может отдохнуть и погулять, широко распространены в заговорных текстах южных и восточных славян. Особенность сюжета *баяния* Ангелы Мазгало в том, что постель для болезни находится не в лесу, не на болоте или «пустом месте», а в доме, при чем это «богатый» дом, что должно особенно «заинтересовать» болезнь. Так привлекают болезни и в восточнославянских заговорах, к примеру, их зовут в «старшинов двор» (1/IV.1.1/B2) [Указ.: 261; Барташевич 1992: № 1004].

Самовила, которая ждет болезнь, неоднократно встречается в сербских текстах. В *баянии* Ангелы Мазгало она должна, видимо, с ней гулять, водить хороводы как в *басме* от болезней ребенка (4/IX.4.5/A5) [Указ.: 116; Раденкович 1982: № 138]. Кстати, и в болгарских *баяниях* музыка и танцы устраиваются в честь болезни (13/L.1.10/B2) [Указ.: 259; Кошов 1980: 104]

Упоминание венков, которые болезни плетут для вилы, позволяет сопоставить сюжет этого *баяния* с сюжетом белорусского заговора от «колтуна», в котором говорится о том, как «Колтун-Колтуница» [т.е. болезнь], брат и сестрица, по саду ходят, цветы срывают, венки вьют (1/IX.2.3/A13) [Указ.: 218; Барташевич 1992: № 838].

Круг персонажей и предметов сюжетных *баяний* М.Цепенкова показателен – самовила, болезнь, ворон, орел, большой, знахарка, Богородица; вода, соль, венок, метелка, кусты и др. Он отражает свойственную для восточнославянских и южнославянских заговорных текстов двухстадийность, выражающуюся в наличии двух групп, которые условно можно обозначить как дохристианская и христианская. Преобладание первой при этом очевидно, что может указывать на архаичный характер текстов.

Таким образом, анализ сюжетных *баяний*, записанных М.Цепенковым от трех разных исполнителей в Прилепе во второй половине прошлого столетия, показывает, что, видимо, в этом районе Македонии в XIX веке зафиксировано существование сложившейся локальной заговорно-заклинательной традиции. Она, несомненно, составляла органичную часть славянского обрядового фольклора. Многочисленные сюжетные параллели с южнославянскими и восточнославянскими заговорными текстами убеждают в этом. Локальные особенности этой традиции, к сожалению, невозможно выявить на трех текстах М.Цепенкова. Тем не менее, проделанный анализ указывает

на ее своеобразие, в том числе на схождения с сербской заговорно-заклинательной традицией (более определенно указать регион невозможно, так как это не позволяет сделать аппарат сборника Л.Раденковича), хотя, конечно, совершенно не исключено, что схождения существуют и с традициями других южнославянских регионов, но их еще предстоит выявить.

Завершая рассмотрение южнославянских сюжетов заговорных текстов, подчеркнем, что они, несмотря на свою специфичность, в определенном плане региональную и функциональную ограниченность, составляют органичную часть общеславянского заговорного сюжетного фонда.

СЮЖЕТИКА РУССКИХ ЗАГОВОРОВ СИБИРИ НА ОБЩЕ-РУССКОМ И СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ. Заговорно-заклинательный репертуар русского населения Сибири и Дальнего Востока начал складываться с XVII века, когда отряды казаков, перейдя Уральские горы, присоединяли к Руси обширные земли сначала до Байкальского моря, а потом и дальше, до побережья Тихого океана.

Казаки, а затем переселенцы, осваивавшие бескрайние сибирские просторы, принесли с собой былинную поэзию, обрядовый и песенный фольклор, сказки, заговоры. Исследователи русского фольклора Сибири в своих работах показали характер этих жанров, их локальные особенности и соотношение с традициями «материнской» России (см. [Матвеева-Арефьева 1970; Левашов 1998; Соболева 1984] и др.).

В отношении заговорных текстов впервые к этой проблеме, обратился Ф.Ф.Болонев. В ряде своих работ он убедительно показал, что заговоры старожильческого населения Сибири по сравнению с традициями иных регионов России сохранили многие архаичные элементы, в них отразились быт, местные особенности (гидронимы и топонимы, промыслы и способы ловли зверей, представления аборигенов о хозяевах местностей, духов гор и др.), исследователем отмечены также заимствования русскими заклинаний от коренных сибиряков [Болонев 1978; РКФСДВ 1997: 269-272].

В «Указателе сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» нами были учтены все основные публикации русских заговоров Сибири и Дальнего Востока, которые выходили с XIX по начало 90-х годов XX века и которые в общей сложности содержат более тысячи текстов.

Используя данные «Указателя», мы составили список сюжетов, зафиксированных в Сибири и на Дальнем Востоке – 214 сюжетов в 304 версиях (см. Приложение III).

Анализируя список, мы обратили внимание на то, что одни «сибирские» (т.е. зафиксированные в Сибири и на Дальнем Востоке) заговорные сюжеты и их версии распространены в европейской части России, на Украине, в Белоруссии и даже известны в южнославянских и западнославянских странах, а другие встречаются только за Уралом. Это дает нам возможность, во-первых, выявить долю и соотношение в «сибирской» сюжетике сюжетов «украинских», «белорусских» и т.д., а во-вторых, очертить тот круг сюжетов, который теоретически мог сформироваться непосредственно на сибирской и дальневосточной земле.

Исходя из географического положения и истории заселения огромного региона, простирающегося за Уралом, мы посчитали возможным рассматривать здесь следующие три зоны: собственно Сибирь (Западная и Восточная), Забайкалье (Бурятия и Читинская область), Дальний Восток (Амурская область, Хабаровский и Приморский края).

В свою очередь восточнославянские земли, откуда происходило заселение сибирских просторов, разделены на пять зон: Русский Север, Центральная Россия, Южная Россия, Украина и Белоруссия.

В итоге мы получили следующую картину:

	Русский Север	Центральная Россия	Южная Россия	Белоруссия	Украина	Западные славяне	Южные славяне	Общее число зафиксир. сюжетов
Сибирь	28%	20%	12%	24%	9%	3%	3%	155
Забайкалье	19%	20%	13%	29%	6%	7%	6%	123
Дальний Восток	17%	13%	14%	35%	12%	6%	3%	66

Если представить эту таблицу в ином виде, по мере убывания доли того или иного «материнского» региона, то хорошо видно, сюжетика какого из них в той или иной географической зоне за Уралом преобладает:

Сибирь – Русский Север (28%), Белоруссия (24%), Центральная Россия (20%), Южная Россия (12%), Украина (9%).

Забайкалье – Белоруссия (29%), Центральная Россия (20%), Русский Север (19%), Южная Россия (13%), Украина (6%).

Дальний Восток – Белоруссия (35%), Русский Север (17%), Южная Россия (14%), Центральная Россия (13%), Украина (12%).

Эти данные в целом соотносятся с историческими фактами миграций в Сибирь и на Дальний Восток восточнославянского населения из метрополии в XVII – начале XX века [Кириянов 1902; Болонев 1994 и др.].⁵³

Особенно наглядно связи сибирских заговорных традиций с иными, находящимися на европейской территории, видны на примере забайкальского материала. Этому способствует в немалой степени наличие обширной коллекции заговоров К.Д. Логиновского. Сравнивая тексты из его работы «Материалы к этнографии забайкальских казаков» с опубликованными в других сборниках, мы обнаружили, что ряд из них имеет точные аналоги с записями, сделанными Е.Р. Романовым и В.Н. Добровольским в Могилевской и Смоленской губерниях. Всего обнаружилось пять случаев практически дословных совпадений:

1. [Романов 1891: 49, № 183, охотничий, записан в с. Городище Горещкого у. Могилевской губ.] – [Логиновский 1903: 119, № 1, заговор для исправления ружья, записан со слов Подойницына, казака п. Оноховский Нерчинского окр.];

2. [Романов 1891: 156, № 67, перед ловлею рыбы, записан от грамотного /крестьянина?/ в м. Хотьславичи Могилевской губ.] – [Логиновский 1903: 121, № 2, на улов рыбы, записан со слов Пьяникова казака ст. Ундинская Нерчинского окр.];

3. [Романов 1891: 145, № 26, от урока, записан в м. Хотьславичи Могилевской губ.] – [Логиновский 1903: 59, № 1, от сглаза, записан со слов Подойницына, казака п. Оноховский Нерчинского окр.];

4. [Романов 1891: 162, № 14, от звиуху, записан в Пирянской в. Могилевской губ.] – [Логиновский 1903: 55-56, от вывиха, из рукописи Туркова, казака п. Подойницино Нерчинского окр.].

5. [Добровольский 1891: 205, № 5, от несправедливого обвинения /на суде/, записан в Смоленской губ.] – [Логиновский 1903: 124, от судей, из рукописи Серебрякова, казака ст. Донинская Нерчинско-Заводского окр.].

Для демонстрации уровня совпадений между собой этих текстов достаточно привести один пример (см. пару № 2):

«Царь Нептун, упрошаю цябе, умоляю цябе, посылай на мою уду-удзицу рыбу-рыбицу из глуби, из мели, з виров, с корчавья и пеньявья. Моя уда кедрова, моя леска шавкова, воском навоцена, доском

⁵³ Западнославянские и южнославянские сюжетные соответствия – восходят к схождениям с данными традициями. Характерно при этом, что практически все западнославянские стоят в одном ряду с белорусскими, т.е. сибирско-западнославянские соответствия появились через белорусскую заговорную традицию.

наложена. Будзи рабу божьему удача во веки вяков, аминь» [Романов 1891: 156, № 67].

«Царь Шептун, упрашаю тебя, умоляю тебя: посылай на уду рыбу-рыбную, из глубны, из мели, из воров, из корчевья, из пенева. Моя уда не урвалась, леска шелковая, воском воценая. Будь мне рабу (шмя) во всех удача!» [Логиновский 1903: 121, № 2].

Как видим, различия между забайкальским и белорусским заговорами незначительны. Они касаются фонетики и отдельных словоформ. В целом, перед нами *один* заговорный текст. То же самое можно сказать и относительно других указанных пар.

Кроме таких полных текстовых совпадений можно указать и на соответствия на уровне мотивов и образов по другим публикациям белорусской и забайкальской традиций:

а) [Шейн 1893: № 21, от уроков, записан в Речицком у. Минской губ.] – [Толмачев 1911-1912: 74, № 10, от лихорадки, точное место записи не указано];

б) [Шейн 1893: № 51, от змеи, записан в Поречском у. Смоленской губ.] – [Логиновский 1903: 92, № 3, от грыжи, записан в п. Оноховском Нерчинского окр.].

Все это подтверждает тот факт, что в формировании забайкальского заговорного репертуара важное значение сыграла белорусская традиция, которую, видимо, принесли в Забайкалье «семейские» – старообрядцы, переселенные сюда из белорусского края (Могилевская и др. губ.) во второй половине XVIII века (см. [Болонев 1994]). Видимо, уже на территории Забайкалья от семейских эти заговоры переняли казаки. Скорее всего, тексты принадлежали к рукописной традиции. К.Д.Логиновский, который старался подробно давать паспортные данные своих записей, относительно заговоров 4 и 5 пары отметил, что они скопированы с рукописей. Е.Р.Романов в своем сборнике не указывал, каким образом были записаны им тексты, с «волшебных тетрадок» или со слов исполнителей, но пометка «от грамот.» для *замовы* пары № 2 подтверждает наше предположение относительно их рукописного характера. Во всяком случае, объяснить существование идентичных текстов, разделенных между собой тысячами километров и зафиксированных практически одновременно (в конце XIX в.) можно только наличием письменных источников, а заговорные тексты – это один из немногих фольклорных жанров, который, как известно, наряду с устной, имеет и письменную форму бытования.

Определение локальных сибирских сюжетов, т.е. таких, которые сформировались в фольклорной традиции непосредственно уже после переселения из европейских районов проживания, составляет определенную трудность. Необходимо отметить, что данная проблема находится в центре внимания многих сибирских фольклористов, особенно

сказковедов [Матвеева-Арефьева 1970; Соболева 1994]. Опыт их исследований показывает, что сравнительный анализ с фольклорными традициями европейской части России может дать довольно надежные результаты в выделении собственно сибирской сюжетики, т.е. сформировавшейся уже непосредственно после переселения за Урал, в результате эволюции и в процессе достаточно длительного бытования. При этом крайне важным здесь является учет как можно большего количества привлекаемого для сравнительного анализа материала.

Составленные нами «Указатель» и (уже на его основе) список зафиксированных в Сибири и на Дальнем Востоке сюжетов и сюжетных ситуаций позволили выявить такие, которые встречаются только в данном регионе. Работая над «Указателем», вышедшем в 1997 г., мы попытались учесть как можно большее число публикаций. Но с того периода появились новые издания восточнославянских текстов и среди них такие, как уже упоминавшиеся нами [РКОФСДВ 1997; Коровашко 1997; Проценко 1998; РЗ 1998] (см. наши рецензии на них [Кляус 1999; Кляус 2000]) и другие – [Барташевич 1997; ДКСБ 1997; Науменко 1998; Новиков 1999: 35-48], стали известны нам также работы [Василенко, Шевчук 1991; Григораш 1995; Афанасьева-Мелведева 1993; Дмитриева 1993]. Все они, в общей сложности, содержат более 4000 тысяч новых текстов. Сплошная проверка по этим сборникам позволила нам уточнить результаты нашего анализа. В итоге, к собственно сибирским мы отнесли следующие сюжеты и версии, учитывая при этом, что все они были зафиксированы собирателями более одного раза, т.е. не являются уникальными.

Сюжеты

1)

1/П.1/А4. Заговаривающий и железный муж. Железный муж поедает болезни. (Макаренко 1897: 388, № 10, Енис. губ., от «ветреного перелома»; Макаренко 1897: 392, № 30, Енис. губ., от «уроков»)

2)⁵⁴

1/П.2.1/А4 – 5/П.2.1/А4. Заговаривающий и змей. Змей поедает болезни. (Красноженова 1908-1911: 79-80, № 41, Енис. губ., от «ногтя»; Толмачев 1911-1912, 3: 137, № 1: 138-139, № 5, Заб. обл., от «ногтя»; Майков 1869 № 197, ркп., от «ногтя»; Логиновский 1903: 77-78, № 5, ркп., Заб. обл., от «ногтя»; Толмачев 1911-1912, 3: 137-138, № 2, Заб. обл., от «ногтя».)

1/П.2.2/А4. Заговаривающий и «черный зверь». «Черный зверь» поедает болезни. (Болонев 1986: 121, БурАССР, от тяжких болезней.)

⁵⁴ Очень близкий сюжет зафиксирован в заговоре от сглаза, который записан в Кемеровской области: На море дуб, на нем змея о девяти головах и двенадцати хвостах. К ней приходит Богородица, спрашивает – Чем сыта? Будь сыта реками и завистным оком. [РКОФСДВ 1997: № 562].

3)

1/XXIII.2.1/A5 – 2/XXIII.2.1/A5. Заговаривающий и Богородица. Богородица держит Господа. Он не знает боли. (Логиновский 1903: 36-37, № 1, Заб. обл., от «колотья»; Толмачев 1911-1912, 2: 66, № 1, Заб. обл., от грыжи.)

4)

1/VI.1.1/A6. Зори выбивают «заступами» болезни. (Кляус 1990в: № 1, Енис. губ., от «уроков».)

1/VI.1.2/A6. Заря выгоняет «жгутом» птиц. (Виноградов 1915а: 118, Иркут. губ., от «букарки».)

5)

1/VII.2.1/A6. Христос дает заговаривающему прутья выбивать из скотины болезни. (Азадовский 1914: № 27, Амур. обл., от болезни скота.)

1/VII.2.2/A6. Заговаривающий, арх. Михаил и арх. Гавриил. Архангелы дают заговаривающему прутья гнать болезни. (Лутовинова 1997: № 141, Кем. обл., на лошадей.)

6)⁵⁵

1/IX.1.1/A12. – 2/IX.1.1/A12. Заговаривающий и Богородица. Богородица срывает с птицы перо. (Логиновский 1903: 87, № 2, Заб. обл., от «хомута»; Кашиц 1860: 142-143 (Майков 1869: № 97), Заб. обл., от «огневой горячки».)

7)

1/XI.1.1/B1. Дед берет тоску из-под доски, отдает человеку. (Чеканинский 1914: 271-272, № 6.1, Енис. губ., от тоски.)

1/XI.1.2/B1. Заговаривающий и бабушка. Бабушка дарит свою любовь человеку. (Сыстеровая, Лахова 1986: № 294 (Барташевич 1992: № 1314), Прим. кр., «присушка».)

8)

1/XII.1.1/B1. Черти набирают песок, нагоняют тоску на человека. (Овчинников 1914: 99, Иркут. губ., «присушка».)

1/XII.1.2/B1. Заговаривающий и черти. Черти достают песок и тоску, вихри вкладывают тоску в человека. (Чеканинский 1914: 272, № 6.5, Енис. губ., «присушка».)

9)⁵⁶

1/XXXVII.3.1/B6. – 6/XXXVII.3.1/B6. Заговаривающий и святые. Святые охраняют стадо. (Майков 1869: № 287, Тобол. губ., оберег скота; Логинов-

⁵⁵ Сюжет зафиксирован также в Новосибирской обл. в заговоре «от кумахи» [РКОФСДВ 1997: № 648].

⁵⁶ Сюжет имеет еще одну фиксацию в забайкальской «Предохранительной молитве» [Толмачев 1911-1912: 136-137; РКОФСДВ 1997: № 401].

ский 1903: 104, № 1, Заб. обл., на выгон скота; *Виноградов 1915а: 115, Иркут. губ., оберег скота; Логиновский 1903: 104, № 2, Заб. обл., на выгон скота; Логиновский 1903: 79-80, № 8, ркп., Заб. обл., от «ногтя».*)

Из этого перечисления видно, что сибирские сюжеты обнаружены во всех местах проживания русского населения, где велся активный сбор заговорного жанра в XIX и XX веках. При этом большее их число имеется там, где русские проживают уже достаточно долго – Красноярский край, Прибайкалье и Забайкалье. В Амурской области и Приморском крае, которые заселены значительно позже, количество их незначительно. Оказывается, что невозможно выделить сюжеты, исключительно принадлежащие к какому-то определенному региону Сибири, их распространение показывает, что «собственно» сибирские сюжеты входят как бы в общий репертуар русского старожильского населения края. Вероятнее всего это связано с интенсивными контактами, которые происходили между сибиряками на протяжении почти более чем трех столетий.

Сюжетные версии

1)

1/1.7.2/А1. – 3/1.7.2/А1. Заговаривающий приходит к змее, вытаскивает ее жало. (*Логиновский 1903: 44-45, № 4, ркп., Заб. обл., от змей; Толмачев 1911-1912, 2: 70, № 1, Заб. обл., от змеи; Логиновский 1903: 43, № 1, Заб. обл., от змеи.*)

2)

1/V.3.7/А5. – 2/V.3.7/А5. Заговаривающий и Христос (святой). Христос (святой) рубит, выбивает болезни. (*Логиновский 1903: 94, № 6, Заб. обл., от грызги; Свиридова 1989, № 636, Прим. кр., от порчи.*)

3)

1/IX.3.3/А6 – 2/IX.3.3/А6 Заговаривающий и святой. Святой едет на коне, кнутом выбивает болезни. (*Логиновский 1903: 82-83, № 13, ркп., Заб. обл., от «ногтя»; Азадовский 1914: № 43, ркп., Амур. обл., от «ветреного».*)

4)

1/III.2.2/А12. Заяц бежит по нитке. Нитка рвется. (*Логиновский 1903: 35, № 10, ркп., Заб. обл., от крови; Азадовский 1914: № 8, Амур. обл., от крови.*)

5)⁵⁷

1/X.2.3/B1 – 4/X.2.3/B1. Заговаривающий и ветры. Ветры берут с людей тоску, вкладывают в человека. (*Овчинников 1914: 25-26, № 5, Ирк. губ., «присуика»; Майков 1969: № 3, Tobol. губ., «присуика»; Логиновский 1899: III, № 1, Заб. обл., «присуика»; Азадовский 1914 № 2, Амур. обл., «присуика».*)

6)

1/XIV.1.2/B4 – 2/XV.1.2/B4. Заговаривающий и покойник. Его ружье не стреляет. (*Азадовский 1914: № 44, ркн., Амур. обл., испортить ружье; Логиновский 1903: 118, № 2, Заб. обл., порча ружья.*)

7)⁵⁸

1/XXVII.1.4/B6. Заговаривающий выходит, закрывается тыном. (*Кривошапкин 1865, 1: 123, Енис. губ., свадебный оберег Майков 1869. № 42 (1), Tobol. губ., свадебный оберег.*)

8)⁵⁹

1/XXVII.2.1/B6 – 2/XXVII.2.1/B6. Стоит (становится) тын железный. (*Майков 1869: № 309, рук., Tobol. губ., на охоту; Толмачев 1911-1912, 3: 140-141, Заб. обл., при бракосочетании.*)

9)

1/III.5.1/B7. Заговаривающий и Богородица. Богородица останавливает кровь. (*Логиновский 1903: 34-35, № 8, Заб. обл., ркн., от змей; Толмачев 1911-1912 2: 67-68, № 1, Заб. обл., от крови.*)

Географическая распространенность сибирских версий, т.е. сюжетов, которые имеют и иные версии, зафиксированные в европейской части России, показывает, что некоторые из них (№ 5, 7, 8) входят в общесибирский репертуар, но большинство (№ 1, 2, 3, 4, 6, 9) принадлежат локальным традициям – Забайкалью и Дальнему Востоку. Если учесть, что заселение Амура и Приморья во второй половине XIX века происходило и из забайкальских старожилов (см. [Болонев 1994: 60-79] и др.), то можно предположить, что на Дальнем Востоке зафиксированы именно «забайкальские» сюжетные версии.

Многие уникальные сибирские сюжеты и сюжетные версии, т.е. зафиксированные лишь один раз и практически все «собственно» сибирские, отмеченные нами выше, начинаются с описания выхода заговаривающего из дома. Присоединение к повествовательной части

⁵⁷ Версия сюжета зафиксирована в присушках из Красноярского края [РКОФСДВ 1997: № 497], Новосибирской обл. (там же: № 501), Алтая (там же: № 512).

⁵⁸ Версия сюжета зафиксирована в свадебном заговоре из Кемеровской обл. [РКОФСДВ 1997: № 526].

⁵⁹ Версия сюжет имеет еще одну фиксацию в забайкальском свадебном заговоре [Толмачев 1911-1912, 3: 141-142; РКОФСДВ 1997: № 529].

заговорного текста эпического вступления «Встану благославясь...» является, с нашей точки зрения, одним из видов контаминации в заговорных текстах (см. стр. 107). Составляя «Указатель», выделяя сюжеты и версии, мы в частности, исходили и из того, что тексты с данным эпическим вступлением являются эволюционными версиями сюжетов без этого вступления. На примере сибирских заговорных традиций оказалось, что часть уникальных сюжетных версий с описанием выхода заговаривающего из дома соотносится с версиями без этого вступления, распространенным на западных восточнославянских землях и особенно в Белоруссии. Особенно хорошо это видно на следующих примерах:

<i>Сюжетные версии без вступления</i>	<i>Сибирские сюжетные версии со вступлением «Встану благославясь ...»</i>
1/IV.1.1/A1 Старшая «Хиншука» унимает девушек (лихорадки).	1/IV.1.2/A1 Царь «Изар» унимает своих сестер (лихорадки)
1/VII.6.3/A3 Богородица умывается в корыте, заговаривающий берет воду.	1/VII.6.4/A3 Богородица дает заговаривающему умываться водой, в которой она купала в купели.
1/XII.3.2/A4–4/XII.3.2/A4 Волк бежит, поедает болезни.	1/XII.3.3/A4 Волк бежит, поедает болезни.
1/XVIII.2.1/A4 Корова с серебряным языком приходит к другой корове, лижет ее.	1/XVIII.2.2/A4 Корова с оловянным языком поедает болезни.
1/V.2.1/A5, 1/V.2.2/A5, 1/V.2.3/A5 Сыновья Христа (Божья Мать, святой) рубят болезни (ведьму).	1/V.2.4/A5 Святые рубят злых людей.
1/I.4.1/A6, 1/I.4.2/A6 Богородица («Саваохов») стреляет стрелой болезни.	1/I.4.3/A6 Богородица, Христос отстреливает стрелой болезни.
1/I.2.1/A9–7/I.2.1/A9 У болезни девять детей, ни одной	1/I.2.2/A9 Возле столбов 12 адамовых сыновей, ни одного.
1/II.5.1/B5–4/II.5.1/B5, 1/II.5.2/B5 Девушки (Богородица) прядут, останавливают кровь.	1/II.5.3/B5 Богородица прядет, вынимает кровь у человека.
1/II.10.1/B5–12/II.10.1/B5, 1/II.10.2/B5–2/II.10.2/B5, 1/II.10.3/B5, 1/II.10.4/B5 Три девушки – одна шьет, другая вышивает, третья – лечит.	1/II.10.5/B5 Три девушки шьют – одна унимает ветры, другая кровь, третья зашивает.

1/XIV.1.5/B6 Заговаривающий загораживает скотину тыном, ключи бросает в море.	1/XIV.1.6/B6 Заговаривающий огораживает свадебный поезд тыном, ключи бросает в море.
1/XVIII.2.1/B12–5/XVIII.2.1/B12 Евангелисты ввергают болезнь в огненную печь.	1/XVIII.2.2/B12 Евангелисты гонят болезнь в огненную печь.

Сплошная проверка по новым публикациям 1997-1998 гг. показала, что в восточнославянских заговорных традициях европейской части России, Украины, Белоруссии и других территорий не зафиксировано вариантов к сюжетным версиям, находящимся в правой колонке. Это позволяет нам утверждать, что указанные версии с эпическим вступлением эволюционно возникли в Сибири путем контаминации описания выхода заговаривающего из дома с повествовательной частью, которая бытовала без данного вступления.

Новые публикации заговорных текстов славянских народов в будущем должны будут уточнить наш список собственно сибирских сюжетов и сюжетных версий. Какие-то из них, возможно, окажутся и общими для рассматриваемых традиций, конечно же, добавятся новые. Наше исследование показало, что в принципе, в заговорных текстах, как и в других жанрах фольклора, возможно выделение сибирской сюжетики. Переселенцы из европейской части России, Украины и Белоруссии, придя на новые земли, принесли свой традиционный заговорный репертуар, активно использовали его, создавая при этом новые сюжеты и сюжетные версии.

Сравнительный анализ сюжетных заговорных текстов славянских народов позволил разрешить нам ряд принципиально важных задач.

Впервые составлен список сюжетных сходжений, охватывающий все славянские традиции. Учитывая неравномерный характер собирания и сохранности заговорно-заклинательного жанра в разных странах, мы включили в этот список сюжеты и сюжетные ситуации общие как для всех славян, так и для каких-то двух языковых групп. В итоге, открылась картина, отражающая характер исторических и культурных связей между славянскими народами. Основу, ядро списка составляют общеславянские сюжеты и сюжетные версии, которые, вероятнее всего, восходят к периоду праславянской общности. Над ними надстраиваются сюжеты и сюжетные ситуации общие для народов двух каких-либо групп, характерно при этом, что сходжений между западными и южными славянами меньше, чем в двух других случаях.

Значительная часть сюжетов этого уровня также, видимо, восходит к раннему периоду истории славянских народов, но некоторые из них появились относительно поздно, под влиянием христианских источников.

На другом полюсе по отношению к сюжетам, у которых обнаружены схождения, находятся сюжеты, имеющие региональное и локальное распространение. Они рассмотрены нами на примере южнославянских и русских сибирских заговорных текстов, но, без сомнения, и другие этнические и региональные традиции имеют если не оригинальные заговорные сюжеты, то какие-то версии и редакции уже известных. Это говорит о том, что сюжетообразование в славянских заговорах шло постоянно, на протяжении всего периода существования жанра, а в некоторых регионах, где он по-прежнему активно бытует, видимо, продолжается и в наши дни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Заговорно-заклинательный фольклор – удивительное явление традиционной культуры. Возникнув на заре человеческой истории, он не только сохранился у многих народов до наших дней, в отличие от некоторых жанров – мифов, эпоса, сказок, но и, трансформируясь, продолжает бытовать в новых формах, к примеру, в неознахарстве.

Будучи фольклорным жанром, сочетая в себе такие признаки, как сакральность и практицизм, заговорно-заклинательные тексты возникновением и бытованием обязаны не просто вере человека в силу произнесенного слова, но и, возможно, каким-то действительно существующим механизмом воздействия на окружающий мир, которые принято называть магией.

Еще в середине 80-х гг. в Улан-Удэ перед собранием коллектива ученых Бурятского филиала СО АН СССР (на котором автор присутствовал как стажер-исследователь Института общественных наук) выступал сотрудник лаборатории акад. А.Г. Спиркина, который рассказал, в частности, об экспериментах проводимых с «заговоренной» водой, когда фиксировали изменение физического состояния воды после того, как деревенская знахарка шептала над ней «тайные» слова. Сейчас число подобных работ, в которых делаются попытки изучения «магии» слова, многократно возросло, но, по нашему убеждению, пока только фольклористика в своих аспектах знания обладает объективными методами исследования заговорно-заклинательной поэзии. Более чем полуторовековой опыт науки о фольклоре и особенно работы последних лет убедительно доказывают это.

Спектр проблем, с которыми сталкивается фольклорист, обратившийся к заговорно-заклинательным текстам, чрезвычайно многообразен. Среди них не последнее место занимают те, которые связаны с изучением заговорной сюжетики, так как рассмотрение именно этого уровня повествования в первую очередь дает возможность выявить своеобразие заговорно-заклинательного фольклора, его генезис и историю.

Исследование заговорной сюжетики позволило нам впервые сделать ее системно-реестровое описание. «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян», хотя и составлен на относительно ограниченном круге источников, стал инструментом постижения не только собственно содержания заговоров, но и многоуровневой системы их повествования и ее отдельных компонентов (персонажей, действий, локусов, предметов, констант, константных атрибутов), а также контаминаций как одного из приемов построения, организации текстов.

Благодаря «Указателю», заложенному в нем информационному потенциалу, который далеко еще не исчерпан, удалось также выявить некоторые аспекты сюжетной поэтики славянских заговоров, а именно общие сюжетные черты и региональные особенности.

Сюжеты, общие для славянских народов, объединены в список сюжетных сходжений и представляют собой чрезвычайно интересный пласт заговорной поэзии. Данные этого списка еще не получили окончательной интерпретации, но значительная часть его сюжетов может составлять повествовательную фактуру заговорно-заклинательных текстов предков современных славян. Список, показывающий сходжения на нескольких уровнях, демонстрирует также характер культурных связей между славянскими народами, и это соответствует реальным историческим фактам. Вообще, подтверждение данными истории результатов сюжетно-текстологического анализа (также, к примеру, соотношение русских сибирских сюжетов и сюжетики «материнской» России с направлением миграций восточнославянского населения за Урал в XVII-XIX вв. и по Сибири) убеждает в правильности выбранной методики исследования.

Завершая эту книгу, хочется подчеркнуть, что в ней освещен лишь небольшой круг вопросов, связанных с заговорной сюжетикой. Надеемся, она будет полезна исследователям народной культуры.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Агапкина, Топорков 1990 – Т.А.Агапкина, А.Л.Топорков. К реконструкции праславянских заговоров // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. М., 1990, с. 67-75.
- Адамовски 1995 – J. Adamowski J. Zawierzyckie zwyczaje, obrzędy i wierzenia w przekazach Edwardy Kowalczyk. // Twórcze ludowa, 1995, № 1, S. 31-36.
- Адамовские 1993 – L. i. J. Adamowsky L. I J. Zamawiania, odczytania, modlitewki. // Twórcze ludowa, 1993, № 1-2, S. 76-81.
- Адоньева, Овчинникова 1993 – Традиционная русская магия в записях конца XX века (Сост. С.Б.Адоньева, О.А.Овчинникова). СПб., 1993.
- Азадовский 1914 – М.К.Азадовский. Заговоры амурских казаков // Живая старина. 1914. Вып. 3/4. С. 05-015.
- Аникин 1996 – В.П.Аникин. Теория фольклора. М., 1996.
- Апокрифы 1982 – Стара българска литература. Апокрифи. София, 1982.
- Афанасьев 1865-1869 – А.Н.Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований с мифическими сказаниями других родственнейших народов: В 3 т. М., 1865-1869.
- Афанасьева-Медведева 1993 – Рождественская ночь. Сказки, былички, заговоры. (Сост. Г.В.Афанасьева-Медведева). Иркутск, 1993.
- Барташевич 1992 – Замовы (Уклад. Г.А.Барташевич). Минск, 1992. 598 с.
- Барташевич 1997 – Таямници замоўнага слова (Уклад. Г.А.Барташевич). Гомель, 1997.
- Бегелайзен 1929 – H. Biegeleisen. Leczniczo ludu polskiego. Krakow, 1929.
- Белова 2000 – О.В.Белова. Славянский bestiарий. М., 2000
- Бобров, Финченко 1986 – А.Г.Бобров, А.Е.Финченко. Рукописный отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (к XVIII – нач. XX в.) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 135-164.
- Богданович 1895 – А.Е.Богданович. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895.
- Болонев 1986 – Ф.Ф.Болонев. О народной медицине и заговорах русского населения Забайкалья // Гемелис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986.
- Болонев 1987 – Ф.Ф.Болонев. О некоторых архаичных элементах в заговорах русского населения Восточной Сибири // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1978. С. 66-78.
- Братский 1913 – В.Братский. Три молитвы для привораживания // Сибирский архив, 1913. № 12. С. 553-554.
- Бремон 1983 – К.Бремон. Структурное изучение повествовательных текстов В.Проппа // Семиотика. М., 1983. С. 429-436.
- Бруна 1913 – R. Brůna. Zařadka z Neveklovska // Český lid, 1913.
- Будовская, Морозов 1995 – Е.Э.Будовская, И.А.Морозов. Баян // Славянские древности. Т. 1, М., 1995. С. 138-140.
- Буслаев 1861 – Ф.И.Буслаев. О сродстве одного русского заклятья с немецким, относящимся к эпохе языческой // Ф.И.Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2 т. СПб., 1861. Т.1. С. 250-256.
- Василенко, Шевчук 1991 – Ви, зорі-зоріш ... Українська народа магічна поезія (Замовляння) (Упор. М.Г.Василенко, Т.М.Шевчук). Київ, 1891.
- Ведерникова 1972 – Н.М.Ведерникова. Контаминация как творческий прием в волшебной сказке // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 160-165.
- Великопольская культура 1967 – Kultura ludowa Wielkopolski. Т. 3. 1967.
- Вельмезова 1999 – Е.К.Вельмезова. Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор (Опыт исследования семантической структуры). Акад. М., 1999.
- Веселовский 1879-1891 – Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1879-1891. Вып. 1-6.
- Ветухов 1901-1907 – А.Ветухов. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли) // Русский филологический вестник. 1901. № 1/2, № 3/4. 1902. № 1/2, № 3/4. 1903. № 1/2, № 3/4. 1904. № 1/2, № 3/4. 1905. № 2, № 4. 1906. № 1/2, № 3/4, 1907. № 1, № 3.
- Виноградов 1907-1909 – Н.Н.Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и прочее // Живая старина. 1907. Вып. 1-4. 1908. Вып. 1-4. 1909. Вып. 4. Отд. изд.: В 2 т. СПб., 1909.

- Виноградов 1915 – Г.С.Виноградов. Самовращение и скотолечение у русского сторожильского населения Сибири. (Материалы по народной медицине и ветеринарии) // Живая старина. 1915. Вып.4. С. 325-432.
- Виноградов 1915а – Г.С.Виноградов. Поверья и обряды крестьян-сибиряков (материалы по этнографии Нижнеудинского уезда) // Сибирский архив. 1915. № 3. С.111-122.
- Виноградова 1988. – Л.Н.Виноградова. Славянские заговорные формулы от детской бессонницы // Этнолингвистика текста. Семантика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Ч. 1, М., 1988, с. 82-85.
- Виноградова 1993 – Л.Н.Виноградова. Заговорные формулы против детской бессонницы как тексты коммуникативного типа // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 153-154.
- Виноградова 1995 – Л.Н.Виноградова. Вода // Славянские древности. Т. 1. М., 1995. С. 386-390.
- Власакова 1906 – J.Vlasáková. Lidové modlitby // Český lid, 1903.
- Власова 1972 – Власова З. И. К изучению поэтики устных заговоров // Русский фольклор. Л., 1972. Т. XIII. С. 194-201.
- Волоцкая, Головачева 1995 – З.М.Волоцкая, А.В.Головачева. Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок // Малые формы фольклора. М., 1995. С.218-244.
- Вондрачек 1903 – A. Vondráček. Zřikání proti souchotinám z Hořovicka // Český lid, 1928.
- Ворончак 1972 – J. Woronczak. Procesy o czary przed poznanskim sądem miejskim w XVI wieku // Literatura Ludowa. 1972. № 3. S.49-57.
- Гайны 1931 – А.Нajný. Paběrky lidového léčení z okolí Nymburka // Český lid, 1928.
- Гацак, Атиева и др. 1977 – А.И.Алиева, Л.А.Астафьева, В.М.Гацак (руководитель работы), Б.П.Киридан, И.В.Пухов. Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 42- 105.
- Гацак 1989 – В.М.Гацак. Устная эпическая традиция во времени (историческое изучение поэтики). М., 1989.
- Гацак 1990 – В.М.Гацак. Художественные константы в поэтических традициях народов // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1990. Ч.1. С.26-27.
- Георгиевский 1926 – А.П.Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке. Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество // Труды Дальневосточного государственного университета. 1926. Серия 3. № 3, вып.1. – 114 с.
- Геров 1895-1897 – Н.Геров. Речникъ на българския език. В 5 кн. Пловдив, 1895-1897. София, 1975.
- Гоев 1989 – А.Гоев. Обредното лечение чрез баена в българската народна медицина // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1989. С. 122-150.
- Грабовски 1896 – A. Grabowski. Lecznictwo lidowe // Wisla. T. 10. 1896. S. 129-130.
- Градечки 1913 – V. Hradecký. Jak se náš lid léčí // Český lid, 1913.
- Гура 1997 – А.В.Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Дековски 1987 – J.P. Dekowski. Strzugi i topieluchi. Opowieści sierdzkie. Warszawa 1987.
- ДКСБ 1997 – Духовная культура северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. (Сост. И.А.Морозов, И.С.Слепцова, Е.Б.Островский, С.Н.Смольников, Е.А.Минюхина). М., 1997.
- Добровольский 1891 – В.Н.Добровольский. Смоленский этнографический сборник. Т. 1. Спб., 1891.
- Древности 1995-1999 – Славянские древности. Т. 1. М., 1995. Т.2. М., 1999.
- Дмитриева 1993 – Традиционный фольклор Русского Севера. (Сост. С.И.Дмитриева) // Материалы к серии «Народы и культуры» Вып. VI. Русские. Кн. 3. М., 1993.
- Елеонская 1909 – Е.Н.Елеонская. Рецензия на книгу Mansikka. // Этнографическое обозрение. 1909. № 1. С. 77-79.
- Ефименко 1874 – П.С.Ефименко. Сборник малороссийских заклинаний // Чтения Московского общества истории и древности. М., 1874. Т.1. С.1-69.
- Ефименко 1878 – П.С.Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878. Т.5. Вып. ½. С.139-222.
- Ермолаев 1913 – А.Ермолаев. Материалы по народной медицине среди русского населения Енисейской губернии // Сибирский архив. 1913. № 6/8. С.358-373.
- Журавлев 1994 – А.Ф.Журавлев. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994.

- Забудин 1880 – М.Забудин, Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия М., 1880.
- Завьялова 1999 – М.В.Завьялова. Балто-славянский заговорный текст: лингвистический анализ и картина мира. Акад. М., 1999.
- Зелинский 1897 – Ф.Ю.Зелинский. О заговорах. (История развития заговора и главные его формальные черты) // Сборник Харьковского историко-филологического общества. - Харьков, 1897. Т. 10. С. 1-58.
- Зибрт 1905 – Č. Zibrť. Staročeská zafikadla a lekovadla nemocí // Český lid, 1905.
- Зибрт 1927 – Č. Zibrť. Lidové léčební v Kostelci nad Vítavou // Český lid, 1927.
- Зибрт 1995 – Č. Zibrť. Seznam pověr a zvyklostí pohanských z VIII věku. Praha, 1995.
- Зуева 1995 – Т.В.Зуева. Восточнославянская волшебная сказка в аспекте исторического развития. Акад. М., 1995.
- Иванова 1994 – Заговоры и заклинания Пинежья. (Составитель А.А.Иванова). Карпогоры, 1994.
- Иванова 1994а – Вятский фольклор. Заговорное искусство (Сост. А.А.Иванова). Котельнич, 1994.
- Ивлева 1972 – Л.М.Ивлева. Скоморошины (общие проблемы изучения) // Славянский фольклор. М., 1972. С. 110-124.
- Кашин 1860 – Н.И.Кашин. Домашние средства, употребляемые жителями при-Аргунского края при лечении болезней и народные врачи при-Аргунцев // Вестник РГО. 1860. № 30. С. 121-145.
- Кербелите 1991 – Б.П.Кербелите. Историческое развитие структур и семантики сказок: на материале литовских волшебных сказок. Вильнюс, 1991.
- Кириллов 1893 – Н.Кириллов. Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье // Этнографическое обозрение 1893. № 4. С. 84-136.
- Киреевский 1983 – Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина: Памятники русского фольклора. (Подготовка текстов, сост. и коммент. З.И.Власовой. А. Лобановой): В 2 т. Л., 1983-1986. 2 т.
- Кирьянов 1902 – В.В.Кирьянов. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902.
- Киселева 1999 – Ю.М.Киселева, В.Л.Кляус. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997 // Филологические науки. 1999. № 2. С. 126-128.
- Кляус 1988 – В.Л.Кляус. Общие мотивы, сюжеты и формулы в русских и болгарских заговорах. // Актуальные проблемы современной науки. X научная конференция болгарских аспирантов в СССР. Тезисы. М., 1988. 0,25 а. л.; то же депонировано в ЦИНТИ-ЦНТБ (София, РБ) 1988, № 4716/88, 0,6 а. л.
- Кляус 1990 – В.Л.Кляус. Любовные заговоры южных и восточных славян. (Опыт указателя сюжетов и мотивов). // Актуальные проблемы современной науки- 90. XII научная конференция болгарских аспирантов в СССР. Тезисы. М., 1990, 0,25 а. л.; то же депонировано в ЦИНТИ-ЦНТБ (София, РБ) 1990, № НД II 13677/90, 1 а. л.
- Кляус 1990а – В.Л.Кляус. Повторяемость мотивов в заговорах // Русский фольклор Сибири. Элементы архитектоники. Новосибирск, 1990, С. 105-112.
- Кляус 1990в – Лечебные наговоры Приангарского края. Из собрания А. А. Савельева. (Составитель В.Л.Кляус.) 1990, 26 с.
- Кляус 1993 – В.Л.Кляус. Персонаж, его локус и действия в заговорах южных и восточных славян // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1993. С. 48-50.
- Кляус 1994 – В.Л.Кляус. Заговоры восточных и южных славян: Опыт систематизации повествовательных элементов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1994.
- Кляус 1994а – В.Л.Кляус. Заговоры восточных и южных славян: Опыт систематизации повествовательных элементов. Акад. М., 1994.
- Кляус 1994б – В.Л.Кляус. Взаимоотношение полов в заговорах (на материале восточных и южных славян) // Женщина и свобода. М., 1994. С. 174-178.
- Кляус 1997 – В.Л.Кляус. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.
- Кляус 1997а – В.Л.Кляус. Образ заговаривающего в русских заговорах Восточной Сибири и Забайкалья // Художественный образ в фольклоре. Улан-Удэ, 1997. С. 53-57.
- Кляус 1998 – В.Л.Кляус. Книжные сюжеты в славянских заговорных традициях // Вестник литературного института им. А.М.Горького. 1998. С.40-41.
- Кляус 1999 – В.Л.Кляус. Публикации русских заговоров 1997-1998 гг. // Живая старина, 1999. № 1. С.54-55.

- Матвеева 1990 – Р.П.Матвеева. Контаминация как творческий процесс в сибирском сказительстве (на материале волшебных сказок) // Русский фольклор Сибири. Элементы архитектоники. Новосибирск, 1990. С. 73-92.
- Матвеева 1985 – Р.П.Матвеева. Сюжетный состав русских волшебство-фантастических сказок Сибири // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1976. С. 5-55.
- Мелетинский 1994 – Е.М.Мелетинский. О литературных архаизмах. М., 1994.
- МГУ – фольклорный архив кафедры фольклора МГУ им. М.Ломоносова.
- Миколашек-Скалки 1903 – V.Mikolášek-Skalský. Zařkávání z Pisecka // Český lid, 1903.
- Москвина 1997 – В.А.Москвина. Символика персонажей русских заговоров. Ака. М., 1997.
- Науменко 1998 – Г.М.Науменко. Этнография детства. М., 1998. 390 с.
- Никитина 1993 – С.Е.Никитина. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Никитина 1994 – С.Е.Никитина. Тезаурус языка фольклора в машинном ракурсе // Фольклор. Проблемы тезауруса. М., 1994. С.27-47.
- Никитина 1999 – С.Е.Никитина. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов). Ака. М., 1999.
- Новиков 1999 – Живое слово. Фольклор русских старожилов Литвы (Составитель Ю.Новиков). Вильнюс 1999.
- Овчинников 1914 – М.П.Овчинников. Заговоры // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. 1914. № 2. С.99-108.
- Пенкалски 1967 – M.Peńkalski. Materiał do magii, przesądów i wróżb w Biłgorzjskim // Studia i materiały lubelskie. Etnografia T. 2. Lublin 1967.
- Петров 1978 – В.П.Петров. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С.77-142.
- Петуньска 1966 – E.Petunská. Lecznictwo ludowe w okolicznych wsiach Betchatowa // Łódzkie studia etnograficzne. T.VIII, 1966. S. 97-114.
- Плаужанка 1934 – W.Plauzanka. Medycyna ludowa w okolicach Swiru // Orto Lor. 1934. S.90-92.
- Плешински 1893 – A.Pleszezyński. Bojarzy Miedzyrzeccy. Warszawa, 1893.
- ПЛДР 1980 – Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
- Познанский 1917 – Н.Ф.Познанский. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917.
- Покровский 1987 – Н.Н.Покровский. Тетрадь заговоров 1734 г. // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С.239-266.
- Померанцева 1975 – Э.В.Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Попов 1903 – Г.И.Попов. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н.Тенишева. СПб., 1903.
- Пропп 1969 – В.Я.Пропп. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.
- Пропп 1986 – В.Я.Пропп. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л., 1986.
- Проценко 1998 – Б.Н.Проценко. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону, 1998.
- Пруха 1903 – E.Průcha. Za říkadla v netosech na Bernardicku // Český lid, 1903.
- Путилов 1971 – Б.Н.Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.
- Путилов 1988 – Б.Н.Путилов. Героический эпос и действительность. Л., 1988.
- Раденкович 1982 – Љ.Раденковић. Народне басме и бајаня. Ниш-Приштина-Крагујевац, 1982.
- Раденкович 1996 – Љ.Раденковић. Народна бајаня код јужних словена. Београд, 1996.
- Раденкович 1996а – Љ.Раденковић. Символика света у народној магији јужних словена. Београд, 1996.
- Ржепа 1930 – V.Řepa. Národopisné klasobraní z Netolicka a Pisecka // Český lid, 1930.
- РЗЗ 1998 – Русские заговоры и заклинания. (Составители Т.Б.Дианова, Н.Ф.Злобина, А.А.Иванова, С.В.Аллатов, В.П.Аникин, А.В.Кулагина. Под ред. В.П.Аникина). М., 1998.
- РКОФСДВ 1997 – Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. (Сост. Ф.Ф.Болонев, М.Н.Мельников, Н.В.Левонова. Под ред. Т.Г.Леоновой). Новосибирск, 1997.
- РО – Рукописный отдел Бурятского научного центра СО РАН.
- Романов 1891 – Е.Р.Романов. Белорусский сборник. Киев, 1891. Вып. 5.
- Рэдфорд, Миннеок 1995 – Э. И.М.А.Рэдфорд, Е.Миннеок. Энциклопедия суеверий. М., 1995.
- Савельев ГЛМ – Государственный литературный музей. Фонд А.А.Савельева.

- Савушкина 1975 – Н.И.Савушкина Н.И. Народное устно-поэтическое творчество в русских селах // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 113-125.
- СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (от кн. 27 – Сборник за народни умотворения и народопис). Кн. 1-56. София, 1889-1980.
- Свиридова 1989 – У ключика у гремучего. Дальневосточный фольклор (Сост. Л.М.Свиридова). Владивосток, 1989.
- Свобода 1904 – G.Svoboda. Starodávna lekovadla nemoci // Český lid, 1904.
- Сидельников 1968 – В.Сидельников. Эпический репертуар Сибири и его своеобразие // Былины Сибири. Томск, 1968. С. 48-91
- Симонидес 1989 – D.Simonides. Wierzenia i zachowania przesadne // Folklor gornego Slaska. Katowice, 1989.
- Скалски 1901 – S.Skalski. Lecznictwo ludowo // Wisla T. XV. 1901 S. 75-76.
- Словарь 1987 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – пера. пол. XIV в. Л., 1987.
- Словарь 1993 – Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.
- Словарь 1996-1999 – Słownik steretyrów i symboli ludowych (red. E.Bartmiski). T. 1 (I-II). Kosmos. Lublin, 1996-1999.
- Смирнов 1974 – Ю.И.Смирнов. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.
- Смирнов 1988 – Ю.И.Смирнов. Бытование заговоров на Русском Севере (по наблюдениям 1956-1963 гг.) // Этнолингвистика текста. М., 1988. Т. 1. С. 52-55.
- Смирнов, Ильинская 1992 – Встану я благословясь. Лечебные и любовные заговоры, записанные в западной части Архангельской области (Сост. Ю.И.Смирнов, В.Н.Ильинская). М., 1992.
- Соболева 1984 – Н.Б.Соболева. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск, 1984.
- Соболевский 1805-1907 – А.И.Соболевский. Великорусские народные песни. СПб, 1895-1907. В 7 т.
- Соколов 1888 – М.И.Соколов. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М., 1888.
- Соловьева 1971 – Л.А.Соловьева. Некоторые особенности исторической песни Сибири // Русский фольклор Сибири. Вып. 1. Улан-Удэ, 1971. С. 127-141.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка. (Сост. Л.Г.Барга, И.П.Березовский, К.П.Кабашников, В.В.Новиков). М., 1979.
- Сярковски 1879 – W.Siarkowski. Materyjaly do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc // Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej. T. III. 1879, cz. 3, S. 3-61.
- Сярковски 1885 – W.Siarkowski. Materyjaly do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa // Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej. T. IX. 1885.
- Тилле 1894 – V.Tille. Staročeške zařkadlo bolesti zubni // Český lid, 1894.
- Тойппен 1892 – M.Toeppen. Wierzenia mazurskie // Wisla VI. 1892. S. 391-420 (2. Czary i zaplawniania).
- Толвински 1896 – G.Tolwinski. Wystawa Higieniczna w Warszawie w r. 1896 // Wisla T. 10. 1896. S. 695-707.
- Толмачев 1911-1912 – П.М.Толмачев. Заговоры и поверья в Забайкалье // Сибирский архив 1911. № 2 С. 63-75. 1912. № 3. С. 136-152.
- Толстая 1999 – С.М.Толстая. Заговоры // Славянские древности. Т.2. М., 1999.
- Толстой 1984 – Н.И.Толстой. Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог // Славянский и балканский фольклор. М., 1984, с. 5-72.
- Толстой 1994 – Н.И.Толстой. Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 139-167.
- Толстой, Толстая 1981 – Н.И. и С.М.Толстые. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 44-121.
- Топорков 1999 – А.Л.Топорков. Указатели славянских заговоров // Живая старина. 1999. № 1. С. 52-54.
- Топорков 1999а – А.Л.Топорков. Русские любовные заговоры XIX века // Eros and Pornography in Russian Culture. Эрос и порнография в русской культуре. М., 1999. С.54-71.
- Топорков 1969 – В.Н.Топорков. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. Вып. IV. Тарту, 1969. С. 9-43.

- Топоров 1993 – В.Н.Топоров. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 3-103.
- Тушаков 1965 – J.Тушаков. Психоугестивни елементи у народној медицини // САНУ. Посебна издања. Кн.380. Одељье медицинских наука. Кн. 18. Београд, 1965. С. 4-55.
- Указ. – В.Л.Кляус. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.
- Усачева 1994. – В.В.Усачева. Вокативные формулы в народной медицине славян // Славянской и балканский фольклор. М., 1994. С. 222-239.
- Успенский 1982 – Б.А.Успенский, Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Фадеева 2000 – Л.В.Фадеева. Богородица в русских заговорах (роль христианских источников в формировании образа). Акад. М., 2000.
- Федеровски 1889 – M.Federowski. Lud okolic Zarek, Sieurerza i Pilcy. 1889. 2.
- ФЛ 1997 – Фольклорная лексикография. Курск, 1997.
- Харитонова 1992 – В.И.Харитонова. Заговорно-заклинательная поэзия восточных славян. Конспекты лекций. Львов, 1992.
- Харитонова 1995 – В.И.Харитонова. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство. Статьи и материалы // Российский этнограф. № 23. М., 1995.
- Хьелд, Зиглер 1977 – Хьел, Зиглер. Теории личности. Спб., 1997.
- Цепенков 1972 – М.К.Цепенков. Македонски народни умотворби: В 9 кн. Скопје, 1972. 9 кн.
- Цишевски 1887 – S.Ciszewski. Lud rolniczo-górnicy z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, T. XI, 1887. S. 1-129.
- Чеканнинский 1914 – И.Чеканнинский. Материалы по народной медицине Енисейской губ. // Сибирский архив, 1914. № 6. С.267-282.
- Черепанова 1991 – О.А.Черепанова. Типологическая и лингвистическая интерпретация некоторых элементов заговоров // Русский фольклор. Материалы и исследования. Л., 1991. С. 143-154.
- Чермак 1892 – E.Čermák. Vesnické léčení v okolí Proseče na Skutečsku // Český lid, 1892.
- Чернов 1965 – И.Чернов. О структуре русских любовных заговоров // Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С.159-172.
- Чеш. корп. Вельмезовой – Е.К.Вельмезова. Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор (Опыт исследования семантической структуры). Диссертация. М., 2000. Приложение 2.
- Чижмаш 1946 – J.Čižmář. Lidové lékařství v Československu. Sv.1-2. Brno, 1946.
- Чубинский 1872 – П.П.Чубинский. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край. 1872. Т.1. Вып.1. XXX, 224 с.
- Шапкарев 1894 – К.Шапкарев. По народната медицина и нейната номенклатура в Македония // Сборник за народни умотворения и народопис. 1894. Т.10. С.324-344.
- Шейн 1893 – П.В.Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. Т.2. Спб., 1893.
- Шиндин 1993 – С.Г.Шиндин. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 108-127.
- Шиндин 1994 – С.Г.Шиндин. К типологической характеристике персонажей восточнославянских заговоров // Балканские чтения – 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. М., 1994. С. 123-126.
- Эрбен 1864 – K.J.Erben. Prostonárodní české písně a říkadla. Praha, 1864.
- Этнолингвистика 1989 – Relacje o kosmosie teksty gwarowe z okolic Belgoraja (red. Bartmiński J.) // Etnolingwistyka. 2. 1989. S. 95-150.
- Этнолингвистика 1995 – J.Adamowski, J.Bartmiński, S.Niebrzegowska. Ptaki, zwierzęta i rośliny w relacjach gwarowych // Etnolingwistyka 7. Lublin, 1995. S. 135-178.
- Юдин 1997 – А.В.Юдин. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Ястрембовски 1896 – S.Jastrzębowski S. Lecznictwo lidowe // Wisla. T. 10. 1896. S. 588-590.

СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
И ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

- Амур. обл.* — Амурская область.
Арх. губ. — Архангельская губерния.
Арх. обл. — Архангельская область.
Брест. обл. — Брестская область.
БурЯССР — Бурятская автономная советская социалистическая республика.
Витеб. губ. — Витебская губерния.
Витеб. обл. — Витебская область.
Влад. губ. — Владимирская губерния.
Вол. губ. — Вологодская губерния.
Вол. обл. — Вологодская область.
Волын. губ. — Волынская губерния.
Ворон. губ. — Воронежская губерния.
Вост. Сербия — Восточная Сербия.
Вятск. губ. — Вятская губерния.
Гом. губ. — Гомельская губерния.
Гом. обл. — Гомельская область.
Гродз. обл. — Гродзенская область.
Енис. губ. — Енисейская губерния.
Заб. обл. — Забайкальская область.
Ирк. губ. — Иркутская губерния.
Калуж. губ. — Калужская губерния.
Кем. обл. — Кемеровская область.
Киев. губ. — Киевская губерния.
Киров. обл. — Кировская область.
Костр. губ. — Костромская губерния.
Курск. губ. — Курская губерния.
Мин. губ. — Минская губерния.
Мин. обл. — Минская область.
Мог. губ. — Могилевская губерния.
Мог. обл. — Могилевская область.
Моск. губ. — Московская губерния.
Новг. губ. — Новгородская губерния.
Новос. обл. — Новосибирская область.
Одес. губ. — Одесская губерния.
Олон. губ. — Олонечская губерния.
Орл. губ. — Орловская губерния.
Пенз. губ. — Пензенская губерния.
Перм. губ. — Пермская губерния.
Под. губ. — Подольская губерния.
Полт. губ. — Полтавская губерния.
Прим. кр. — Приморский край.
Псков. обл. — Псковская область.
Рязан. губ. — Рязанская губерния.
Сарат. губ. — Саратовская губерния.
Симб. губ. — Симбирская губерния.
Смол. губ. — Смоленская губерния.
Тобол. губ. — Тобольская губерния.
Тул. губ. — Тульская губерния.
Хаб. кр. — Хабаровский край.
Харьк. губ. — Харьковская губерния.
Черн. губ. — Черниговская губерния.
Яросл. губ. — Ярославская губерния.
рус. — русская традиция.
бел. — белорусская традиция.
укр. — украинская традиция.
серб. — сербская традиция.
болг. — болгарская традиция.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
ТАБЛИЦА КОНТАМИНАЦИЙ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ
ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Версия сюжета	№ контаминированного сюжета, указание на место публикации, регион записи и функциональная направленность текста
1. 1.3.2/A1. +	• 1/XII.1.1/A8. Романов 1891: 120, № 338 (Барташевич 1992, № 394), Мог. губ., от змеи.
2. 1.5.2/A1. +	• 2/IV.1.4/B12. Шейн 1893, № 51, Смол. губ., от змеи.
3. 1.6.3/A1. +	• 13/L.1.1/A1., 1/1.9.2/A1. Ефименко 1874, № 51, Черномор. ркп., от змеи.
4. 1.6.3a/A1. +	• 3/L.1.11/A1., 10/II.10.1/B5. Барташевич 1992, № 397, Гом. обл., от гадюки.
5. 1.7.4/A1. +	• 1/1.9.1/A1. Барташевич 1992, № 350, Мог. обл., от гадюки.
6. 1.7.5/A1. +	• 2/L.7.1/A1. Болонев, 1986, 124, БурАССР, от змеи.
7. 1.9.1/A1. +	• 1/L.7.4/A1. Барташевич 1992, № 350, Мин. обл., от гадюки.
8. 1.9.2/A1. +	• 13/L.1.1/A1., 1/1.6.3/A1. Ефименко 1874, № 51, Черномор. ркп., от змеи.
9. 1.10.1/A1. +	• 9/L.1.10/B2., 2/XXVII.1.1/B6., 6/XXXVIII.1.2/B6. Романов 1891: 142, № 17 (Барташевич 1992, № 73), Мог. губ., от нечистой силы. • 1/VIII.1.3/A7. Романов 1891: 192-193, № 20 (Барташевич 1992, № 234), Мог. губ., от болезни скотины.
10. 1.15.1/A1. +	• 23/III.1.1/A15. Виноградов 1907-1909 Т. 1, № 90, ркп. Костр. губ., от змеи.
11. II.1.2/A1. +	• 1/II.1.1/A1., 2/IX.5.1/B6. Романов 1891: 48, № 176 (Барташевич 1992, № 150), Мог. губ., от зверей.
12. II.1.4/A1. +	• 1/XIV.1.8/B6. Романов 1891: 44-45, № 164 (Барташевич 1992, № 149), Мог. губ., от волков.
13. II.1.5/A1. +	• 1/VI.1.4/A1., 6/VIII.1.2/A7. Романов 1891: 174-175, № 65 (Барташевич 1992, № 442), Мог. губ., от «шала».
14. II.2.1/A1. +	• 2/XII.1.1/A1. Романов 1891: 47, № 172, Мог. губ., от укуса волка.
15. III.1.1/A1. +	• 3/XII.1.1/A8. Попов 1903, № 32, Орл. губ., от порчи.
16. V.1.1/A1. +	• 1/XI.1.1/A14. Романов 1891: 158, № 73 (Барташевич 1992, № 29), Мог. губ., от пожара.
17. VI.2.2/A1. +	• 1/L.1.2/A8. Романов 1891: 104, № 266 (Барташевич 1992, № 435), Мог. губ., от «шала».
18. VI.2.3/A1. +	• 7/L.1.1/A8. Романов 1891: 9-10, № 24 (Барташевич 1992, № 1198), Мог. губ., от «родимца».)
19. 2/VI.2.3/A1. +	• 8/L.1.12/B8. Романов 1891: 37, № 132 (Барташевич 1992, № 1047), Мог. губ., от «дяка».
20. VI.2.4/A1. +	• 1/VIII.1.3/A7. Романов 1891: 175, № 67 (Барташевич 1992, № 448), Мог. губ., от «шала».
21. VI.2.7/A1. +	• 3/VII.6.2/A3. Романов 1891: 175, № 68, Мог. губ., от «шала».
22. XI.2.1/A1. +	• 1/VI.8.1/A4. Барташевич 1992, № 1149, Гом. обл., от «крикс».
23. XI.3.3/A1. +	• 1/XI.3.1/A6. Раденкович 1982, № 290, Далмация, от желтухи; • 1/XI.1.1/A7. Раденкович 1982, № 541, от «уроков».
24. XIV.3.1/A1. +	• 1/XVI.4.1/A5. Ефименко, 1878: 218, № 98, ркп., Арх. губ. от «призоров».
25. XVIII.1.1/A1. +	• 1/XVIII.1.2/A1., 1/IV.2.1/B9. Логиновский, 1903: 125-126, Заб. обл., от воров.
26. XVIII.1.2/A1. +	• 1/XVIII.1.1/A1., 1/IV.2.1/B9. Логиновский, 1903: 125-126, Заб. обл., от воров.

27. I.1.2/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/II.4.6/A4. Георгов 1895-1897. Т. 3: 102. от болезни глаз; • 3/II.1/A1., 1/V.1.1/A2. Романов 1891: 4, № 9 (Барташевич 1992. № 1009). Мог. губ., от лесовика.
28. II.1.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/I.1.1/A16., 1/XIX.1.1/B6. Логиновский 1899: 57-58, № 5, Заб. обл., разогнать свадебный поезд.
29. V.1.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/II.1.1/A1., 2/I.1.2/A2. Романов 1891: 4, № 9 (Барташевич 1992. № 1009). Мог. губ., от лесовика.
30. VI.1.2/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 14/I.1.3/B2. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 95, Костр. губ., от «уроков».
31. VII.1.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/I.1.12/B2. Романов 1891: 91, № 207, Мог. губ., от «скулы».
32. VII.2.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/VIII.2.1/A5., 4/XXXV.1.1/A6. Раденкович 1982. № 439, от всех болезней.
33. VIII.2.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XII.2.1/A5., 1/V.1.1/A14., 1/XXXV.1.1/B1. Раденкович 1982. № 567, Вост. Сербия, от «уроков».
34. IX.2.2/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 8/I.1.6/B2., 1/I.2.3/B11. Барташевич 1992. № 672, Гом. обл., от «скулы».
35. X.1.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VI.1.6/A4. СБНУ Т. 1: 92-93, № 1 (Цепенков 1972: 285-286, № 53), Прилеп, от «уроков».
36. XI.3.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XXI.1.1/B6. Виноградов 1907-1909 Т. 1: № 46, ркп., Вол. губ., свадебный обегер.
37. XII.1.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/II.1.2/A3. Романов 1891: 156, № 66 (Барташевич 1992. № 6), ркп., Мог. губ., охотничий; • 4/XXI.1.2/A6. Попов 1903. № 21, Орл. губ., от сглаза.
38. XII.1.2/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VI.1.1/A15. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 79, ркп., Костр. губ., от «переполоха»; • 1/X.3.2/B6., 1/IV.2.1/B12. Майков 1869. № 166 (Ефименко, 1878: 212, № 64), ркп., от крови.
39. XIII.1.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/IV.4.2/A8., 1/XIX.1.3/B6. Майков 1869. № 218, Новг. губ., от «уроков».
40. XV.1.1/A2. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/III.1.4/A6., 1/XII.2.3/B6., 2/XXIX.2.2/B6., 1/I.2.2/B13. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 52, ркп., на охоту, свадебный обегер.
41. II.1.10/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/I.1.1/A3. СБНУ. Т. 12: 148, № 4 а, Неврокопско, от испуга.
42. II.1.11/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/II.2.3/A3. Романов 1891: 17-18, № 48, Мог. губ., от «уроков».
43. II.2.3/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/II.1.11/A3. Романов 1891: 17-18, № 48, Мог. губ., от «уроков».
44. II.4.1/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VIII.1.3/A5. Овчинников 1908: 27, № 7 (I), Ирк. губ., от змеи.
45. II.5.1/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/IX.1.1/A7., 1/VIII.4.1/A7. Романов 1891: 141, № 15 (Барташевич 1992. № 886), Мог. губ., от нечистой силы.
46. III.2.1/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VIII.2.1/B1. Барташевич 1992. № 197, Мог. обл., когда у коровы пропадет молоко.
47. III.3.1/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VI.7.1/A3., 6/XII.1.1/A8. Романов 1891: 144-145, № 24 (Барташевич. № 107), Мог. губ., от ведьмы, отбирающей молоко.
48. IV.1.1/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/I.1.1/A8., 1/III.1.3/A15. Романов 1891: 148, № 35 (Барташевич 1992. № 890), Мог. губ., от «уроков».
49. VI.1.1/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/I.2.2/B2. Барташевич 1992. № 683, Мог. обл., от «скулы».
50. VII.2.2/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/V.4.1/A5., 1/VIII.1.3/A7. Романов 1891: 145, № 25 (Барташевич 1992. № 105), Мог. губ., от ведьм, забирающих молоко; • 1/XX.1.1/A5., 1/XXVI.6.4/A5., 1/XIV.1.1/A6., 5/IX.7.1/B6., 2/XX.1.2/B15. Майков 1869. № 216, Вятск. губ., от всех болезней.
51. VII.5.1/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VI.2.1/A12., 9/III.1.1/A15. Романов 1891: 92, № 214 (Барташевич 1992. № 670), Мог. губ., от «скулы».
52. VII.6.2/A3. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/II.1.9/A3., 1/VIII.1.2/A7., 2/IX.3.3/A13. Добровольский 1891: 175-176, № 6 (Барташевич 1992. № 980), Смол. губ., от «уроков»; • 1/VIII.1.4/A3. Майков 1869. № 52, Новг. губ., над младенцем; • 1/VI.2.7/A1. Романов 1891: 175, № 68, Мог. губ., от «шала».

53. VII.6.3/A3. +	• 1/V.3.3/A10., 1/V.7.1/A10., 1/V.7.2/A10., 1/XXXVI.1.3/B6. Барташевич 1992. № 85, Гом. обл., отговаривать «закрытого» мужчине.
54. VII.7.1/A3. +	• 1/III.3.1/A3., 6/XII.1.1/A8. Романов 1891: 144-145, № 24 (Барташевич 1992. № 107), Мог. губ., от ведьмы, отбирающей молоко.
55. VIII.1.6a/A3. +	• 1/1.2.1/B6. Барташевич 1992. № 1010, Гом. обл., от «подвоя».
56. III.3.2/A4. +	• 7/XXXIX.1.1/A6. Барташевич 1992. № 251, Гом. обл., от «сухой крови худобы».
57. IV.1.1/A4. +	• 3/1.3.1/A9., 1/XXI.2.1/B12. Раденкович 1982. № 226, Срем, от отека.
58. V.4.1/A4. +	• 12/1.1.10/B2., 1/V.3.1/B2. Раденкович 1982. № 114, Вост. Сербия, от «ветра».
59. V.10.4/A4. +	• 2/V.6.1/B2., 1/XXIX.1.3/B6. Ефименко, 1878: 182, № 40, Арх. губ., от ворона.
60. V.11.1/A4. +	• 1/VI.1.4/B4., 4/II.5.1/B5., 1/II.1.1/B11. Ефименко 1874. № 38, от крови.
61. VI.1.6/A4. +	• 1/X.1.1/A2. СбНУ. Т. 1: 92-93, № 1 (Цепенков 1972: 285-286, № 53), Прилеп, от «уроков»; • 5/X.2.1/A2., 1/X.5.12/A5., 10/1.1.2/B2. Раденкович 1982. № 77, от боли в животе.
62. VI.7.1/A4. +	• 1/VII.1.2/A13. Раденкович 1982. № 215, Крагуевацка Ясеница, от чирья.
63. VI.9.2/A4. +	• 1/II.10.2/B5. Раденкович 1982. № 232, от болезни глаз.
64. VI.9.3/A4. +	• 4/X.2.1/A2. Раденкович 1982. № 127, Крагуевацка Ясеница, от «ветра».
65. VI.9.6/A4. +	• 1/VI.1.1/B14. Раденкович 1982. № 207, Крагуевацка Ясеница, от чирья.
66. VIII.1.1/A4. +	• 2/II.1.2/A12. Барташевич 1992. № 571, Гом. обл., от «звиха».
67. XII.4.4/A4. +	• 1/II.2.2/B1. Романов 1891: 32-33, № 114 (Барташевич 1992. № 1143), Мог. губ., от бессонницы.
68. XVIII.1.2/A4. +	• 1/XVII.1.2/B12. Раденкович 1982. № 547, Вост. Сербия, от «уроков».
69. XX.1.3/A4. +	• 1/XXIV.1.2/A5., 1/III.1.3/A6., 1/V.4.3/A10., 1/VII.2.3/A12., 1/XVIII.2.3/B12., 1/XVIII.2.4/B12. Кириллов 1893: 117-120, Заб. обл., на бешенство.
70. XXIII.2.2/A4. +	• 1/XVII.1.1/B6., 1/VI.1.2/B12. Покровский 1987: 263-264, ркл., Арх. губ., грыжу напускать.
71. XXIII.4.1/A4. +	• 1/XXVIII.1.1/B1., 8/1.1.10/B2. Раденкович 1982. № 373, Вост. Сербия, от «вештиц».
72. XXIV.1.1/A4. +	• 1/V.2.3/A5. Барташевич 1992. № 89, Гом. обл., от колдовства.
73. XXVII.1.1/A4. +	• 1/III.4.1/A3. Попов 1903. № 53, Смол. губ., от боли в животе.
74. II.1.1/A5. +	• 2/IX.1.1/A2. Раденкович 1982. № 480, от чар.
75. V.1.1/A5. +	• 10/XX.1.2/A4. Иванова 1994a: 11-12, № 28, Арх. обл., от «родимца».
76. V.2.2/A5. +	• 2/VI.1.3/A4. Барташевич 1992. № 1025, Гом. обл., от «дяка».
77. V.2.3/A5. +	• 1/XXIV.1.1/A4. Барташевич 1992. № 89, Гом. обл., от колдовства.
78. V.3.4/A5. +	• 9/II.1.1/A3. Романов 1891: 138, № 4 (Барташевич 1992. № 68), Мог. губ., от порчи.
79. V.4.1/A5. +	• 1/VII.2.2/A3., 1/VIII.1.3/A7. Романов 1891: 145, № 25 (Барташевич 1992. № 105), Мог. губ., от ведьмы, забирающей молоко.
80. VII.1.3/A5. +	• 1/II.4.1/A3. Овчинников 1908: 27, № 7 (1), Ирк. губ., от змеи.
81. IX.3.3/A5. +	• 15/1.1.3/B2. Раденкович 1982. № 137, от болезни ребенка.
82. IX.5.2/A5. +	• 1/IX.3.5/A13. Георгиевский 1926. № 37, Прим. кр., от порчи скота.

83. X.5.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 5/XXXVIII.2.1/B6. Раденкович 1982. № 135, когда умирают дети у роженицы; • 10/VI.1.3/A4., 6/XXXVI.1.1/A6. Раденкович 1982. № 343, Попов 1903аа, от боли.
84. X.5.11/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/XVIII.1.1/A6. Раденкович 1982. № 296, Вост. Сербия, от болезни суставов.
85. X.5.12/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 5/X.2.1/A2., 2/VI.1.6/A4., 10/1.1.2/B2. Раденкович 1982. № 77, от боли в животе.
86. XII.1.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/IX.3.4/A13. Раденкович 1982. № 533, от «уроков».
87. XII.2.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VIII.2.1/A2., 1/V.1.1/A14., 1/XXXV.1.1/B1. Раденкович 1982. № 567, Вост. Сербия, от «уроков».
88. XIII.1.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/XXVI.2.3/B6. Майков 1869. № 221 (Ефименко, 1878: 220, № 105), ркп., Сарат. губ., от «уроков».
89. XVI.4.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XIV.3.1/A1. Ефименко, 1878: 218, № 98, ркп., Арх. губ., от «призоров».
90. XVII.2.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/XX.1.2/A5., 2/XXVI.7.1/A5. Ефименко, 1878: 222, № 110, Арх. губ., на кулачный бой.
91. XX.1.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XXVI.7.2/A5., 5/II.1.5/B5. Майков 1869. № 150, Перм. губ., от крови; • 1/XXI.1.1/A5. Попов 1903. № 35, Вол. губ., от тоски; • 2/VII.2.2/A3., 1/XXVI.6.4/A5., 1/XIV.1.1/A6., 5/IX.7.1/B6., 2/XX.1.2/B15. Майков 1869. № 216, Вятск. губ., от всех болезней; • 2/XX.1.1/A5., 2/VI.1.1/A8. Ефименко, 1878: 214, № 77, ркп., Арх. губ., от «ураза»; • 1/VI.1.1/A8. Покровский 1987: 259-260, ркп., Арх. губ., от «ураза»; • 1/XX.1.1/A5., 2/VI.1.1/A8. Ефименко, 1878: 214, № 77, ркп., Арх. губ., от «ураза».
92. XXIII.1.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XVIII.2.5/B12. Логиновский, 1903: 89, № 6, Заб. обл., от «хомута».
93. XXIV.1.2/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XX.1.3/A4., 1/III.1.3/A6., 1/V.4.3/A10., 1/VII.2.3/A12., 1/XVIII.2.3/B12., 1/XVIII.2.4/B12. Кириллов 1893: 117-120, Заб. обл., на бешенство.
94. XXVI.1.4b/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 30/III.1.1/A15. Чубинский 1872: 124, № 6, Черн. губ., от боли зубов.
95. XXVI.4.2/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VIII.3.1/A1. Чубинский 1872: 124, № 6, Черн. губ., от зубов.
96. XXVI.6.4/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/VII.2.2/A3., 1/XX.1.1/A5., 1/XIV.1.1/A6., 5/IX.7.1/B6., 2/XX.1.2/B15., Майков 1869. № 216, Вятск. губ., от всех болезней.
97. XXVI.6.5/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/XXVI.1.1/A5. Добровольский 1891: 195-196, № 1, Смол. губ., от зубов.
98. XXVI.7.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/V.1.1/A6. Майков 1869. № 228, Новг. губ., от всяких болезней; • 1/XVII.2.1/A5., 2/XX.1.2/A5. Ефименко, 1878: 222, № 110, Арх. губ., на кулачный бой.
99. XXVI.7.2/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XX.1.1/A5., 5/II.1.5/B5. Майков 1869. № 150, Перм. губ., от крови.
100. XXVII.1.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XXVII.1.2/A5., 1/XXVII.1.3/A15. Кашин 1860:143-144 (Майков 1869. № 127), Заб. обл., от грыжи.
101. XXVII.1.3/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XXVII.1.1/A5., 1/XXVII.1.2/A15. Кашин 1860:143-144 (Майков 1869. № 127), Заб. обл., от грыжи.
102. XXIX.1.1/A5. +	<ul style="list-style-type: none"> • 8/VIII.1.2/A7. Романов 1891: 12, № 29 (Барташевич 1992. № 18), Мог. губ., от «залома».
103.1.1.5/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/X.1.2/B15. Майков 1869. № 181, Вятск. губ., от змеи.

104. I.3.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.6.2/B2. Ефименко, 1878: 182-183. № 41, Арх. губ., от ворона; 3/ХІІІ.1.1/B6. Овчинников 1908: 32-33. № 23, Ирк. губ., от судей.
105. I.4.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.3.2/A10. Барташевич 1992. № 1120, Гом. обл., на легкие роды.
106. I.4.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/ХІ.3.2/A1. Иванова 1994. № 109, Киров. обл., от «ногтя».
107. I.4.3/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/ХІ.1.1/B6. Майков 1869. № 212, Тобол. губ., от «уроков».
108. I.7.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/ХІХ.1.2/B6. Логиновский 1899: 59, Заб. обл., лишить дружку способности говорить.
109. I.7.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/ХХVІ.2.5/B6., 3/ХХХVІ.2.1/B6. Майков 1869. № 209, Перм. губ., от «уроков».
110. II.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IV.1.1/B3., 1/VI.2.1/B3., 2/VI.3.1/B3., 4/III.3.2/B13. Майков 1869. № 289, Вятск. губ., на удачную охоту.
111. III.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/II.1.1/A3. Романов 1891: 49, № 183, Мог. губ., на ружье; 4/II.1.1/A3. Романов 1891: 155, № 63 (Барташевич 1992. № 5), Мог. губ., охотничий; 4/II.1.1/A3. Логиновский, 1903: 119. № 1, Заб. обл., на ружье; 1/ХХІХ.2.2/B6. Толмачев 1911-1912, 3: 144-145, Заб. обл., на ружье; 1/ХХІХ.2.2/B6. Логиновский, 1903: 113-114. № 1, ркп., Заб. обл., на охоту.
112. III.1.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/II.1.2/A6., 5/VIII.1.2/A7. Романов 1891: 137. № 2 (Барташевич 1992. № 87), Мог. губ., от нечистой силы.
113. III.1.3/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XX.1.3/A4., 1/XXIV.1.2/A5., 1/V.4.3/A10., 1/VII.2.3/A12., 1/XVIII.2.3/B12., 1/XVIII.2.4/B12. Кириллов 1893: 117-120, Заб. обл., на бешенство.
114. III.1.4/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XV.1.1/A2., 1/XII.2.3/B6., 2/ХХІХ.2.2/B6., 1/I.2.2/B13. Виноградов 1907-1909 Т. I. № 52, ркп., Костр. губ., на охоту, свадебный оберег.
115. III.3.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/X.5.10/A5., 1/XV.2.3/A8., 1/XVI.1.1/A8. Раденкович 1982. № 274, Вост. Сербия, от гнояника.
116. V.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/ХХVІ.7.1/A5. Майков 1869. № 228, Новг. губ., от всякой болезни.
117. VIII.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XV.3.1/B12. Романов 1891: 117, № 324 (Барташевич 1992. № 367), Мог. губ., от змеи.
118. VIII.1.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/ХХV.2.2/A4. Раденкович 1982. № 9, от укуса змеи.
119. IX.5.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/ХІ.3.3/A1. Раденкович 1982. № 290, Далмация, от желтухи.
120. X.1.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 16/I.1.3/B2. Майков 1869. № 107, от лихорадки.
121. XIV.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/VII.2.2/A3., 1/XX.1.1/A5., 1/ХХVІ.6.4/A5., 5/IX.7.1/B6., 2/XX.1.2/B15. Майков 1869. № 216, Вятск. губ., от «уроков»; 1/ХХІХ.1.2/B6. Красноженова: 22. № XV.3, Енис. губ., от всего.
122. XV.1.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/ХІV.1.1/A4. Раденкович 1982. № 340, от острых болей в груди.
123. XV.1.3/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.1/B1. Шейн 1893. № 25 (Барташевич 1992. № 1179), Смол. губ., от «ночицы».
124. XIX.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/ХІV.2.1/A6. Романов 1891: 189, № 6 (Барташевич 1992. № 244), Мог. губ., от «чешера» и «потницы».
125. XXI.1.3/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/VIII.2.1/A5., 1/ХХVІІ.1.2/A6., 1/XV.2.3/A8. Раденкович 1982. № 346, Далмация, от боли.
126. XXI.1.4/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 9/VI.1.3/A4. Романов 1891: 191, № 14 (Барташевич 1992. № 230), Мог. губ., от «потницы».
127. XXI.1.5/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IX.4.1/A13. Красноженова: 16. № VII.2, Енис. губ., от испуга.
128. XXII.1.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 11/I.1.7/B2. Раденкович 1982. № 130, Вост. Сербия, от «нала», злого духа.
129. XXII.2.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/I.1.7/B2. Раденкович 1982. № 119, Вост. Сербия, от «ветра».

130 XXV 1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/IX.3.12/A5. Романов 1891: 4-5, № 12 (Барташевич 1992. № 1016), Мог. губ., от лесовника
131 XXV.3.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXXIV.1.1/A6. Чубинский 1872: 116, № д, от «рожи».
132 XXVI.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/VI.1.3/A4., 1/XXVI.2.1/A6., 2/XXVI.2.1/A6. Майков 1869. № 90, ркп., от «усовой».
133 XXVI.2.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/VI.1.3/A4., 1/XXVI.1.1/A6., 2/XXVI.2.1/A6. Майков 1869. № 90, ркп., от «усовой».
134 XXVII.1.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/VIII.2.1/A5., 1/XXI.1.3/A6., 1/XV.2.3/A8. Раденкович 1982. № 346, Далмация, от боли; 1/VIII.1.1/A8., 1/XXXVIII.4.1/B6., 1/IV.1.2/B14. Раденкович 1982. № 537, Далмация, от «уроков».
135 XXVII.1.3/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 6/XXXVII.3.1/B6. Логиновский, 1903: 79-80, № 8, ркп., Заб. обл., от «ногтя».
136 XXVII.2.2/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VIII.1.1/B14. Раденкович 1982. № 368, Левач, Темнич, от «намере», болезни, которая возникает, когда наступят на запрещенное место.
137 XXVII.2.3/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/VII.3.2/A12. СБНУ. Т. 14: 102, № 2, Котленско, от «уроков».
138 XXVII.3.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VII.3.1/A12. СБНУ. Т. 3: 142, № 2, Софийско, от «уроков».
139 XXX.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/VI.1.1/A2., 16/1.1.6/B2. Романов 1891: 95, № 229 (Барташевич 1992. № 740), Мог. губ., от лишая.
140 XXXII.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XV.2.3/A6. Раденкович 1982. № 483, Вост. Сербия, от чар
141 XXXVIII.1.4/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/VI.1.1/A1. Романов 1891: 175-176, № 70 (Барташевич 1992. № 433), Мог. губ., от «шала».
142 XXXIX.4.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IV.1.2/A11., 1/IV.2.1/B7. Чубинский 1872: 68, от крови у коня.
143 XXXIII.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.3/A3. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 29, от тоски.
144 XXXIV.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXV.3.1/A6. Чубинский 1872: 116, № д, от «рожи».
145 XXXVII.1.1/A6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIV.1.1/A13. Раденкович 1982. № 88, Вост. Сербия, от коллик живота.
146 I.1.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/XXXIV.3.1/A6. Раденкович 1982. № 586, от града.
147 IV.1.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XV.2.2/B12. Раденкович 1982. № 94, Левач, Темнич, от «красного ветра».
148 V.1.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/X.5.7/A5. Раденкович 1982. № 63, от «живака», злого духа.
149 VIII.1.3/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VII.2.2/A3., 1/V.4.1/A5. Романов 1891: 145, № 25 (Барташевич 1992. № 105), Могилевская губ, от ведьмы, забирающей молоко; 1/VI.2.4/A1. Романов 1891: 175, № 67 (Барташевич 1992. № 448), Мог. губ., от «шала»; 2/I.10.1/A1. Романов 1891: 192-193, № 30 (Барташевич 1992. № 234), Мог. губ., от болезни скотнины.
150 VIII.2.3/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/X.1.1/A7., 1/XXIX.1.2/B6. Кашин 1860: 141 (Майков 1869. № 115), Заб. обл., от лихорадки.
151 VIII.4.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.5.1/A3., 1/IX.1.1/A7. Романов 1891: 141, № 15 (Барташевич 1992. № 886), Мог. губ., от нечистой силы.
152 IX.1.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.5.1/A3., 1/VIII.4.1/A7. Романов 1891: 141, № 15 (Барташевич 1992. № 886), Мог. губ., от нечистой силы.
153 X.1.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIX.1.2/B6., 1/VIII.2.3/A7. Кашин 1860: 141 (Майков 1869. № 115), Заб. обл., от лихорадки.
154 XI.1.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/XI.3.3/A1. Раденкович 1982. № 541, от «уроков».
155 XII.1.3/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XII.3.1/A7. Раденкович 1982. № 256, Вост. Сербия, от свинки.
156 XII.1.4/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 6/XVII.1.2/A4., 3/XXXIX.1.1/A6. Раденкович 1982. № 356, от искривления позвоночника.
157 XII.3.1/A7. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XII.1.3/A7. Раденкович 1982. № 256, от свинки.
158 I.1.2/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VI.2.2/A1. Романов 1891: 104, № 266 (Барташевич 1992. № 435), Мог. губ., от «шала».

159. I.2.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 25/III.1.1/A15. Романов 1891: 82, № 167 (Барташевич 1992. № 597), Мог. губ., от зубной боли.
160. II.2.3/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/XVII.1.1/B5. Барташевич 1992. № 390, Гом. обл., от змеи; • 1/XVII.1.1/B5. Романов 1891: 120-121, № 341, Мог. губ., от змеи; • 6/VI.1.3/A4. Барташевич 1992. № 831, Брест. обл., от «колтуна».
161. II.5.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 32/III.1.1/A15. Георгиевский 1926. № 13, Прим. кр., от «звиха».
162. IV.1.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/IV.2.1/A12., 1/XII.1.1/A12. Георгиевский 1926. № 27, Прим. кр., от крови.
163. IV.2.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 11/I.1.3/A1. Барташевич 1992. № 398, Гом. обл., от укуса змеи.
164. IV.2.4/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/I.1.1/A12., 1/III.2.1/A15., 1/VII.2.4/B7. Барташевич 1992. № 1057, Гом. обл., от «ляка».
165. IV.2.5/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/II.2.3/B5., 1/VI.1.1/B6. Кляус 1990в. № 18, Енис. губ., от крови.
166. V.1.4/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 8/XXXIX.1.1/A6. Барташевич 1992. № 258, Гом. обл., от «ауеху».
167. VIII.1.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 6/XXV.1.2/A6., 1/IX.1.1/B5. Раденкович 1982. № 523, от «уроков»; • 2/XXVII.1.2/A6., 1/XXXVIII.4.1/B6., 1/IV.1.2/B14. Раденкович 1982. № 537, Далмация, от «уроков»; • 1/IV.1.1/A14. Раденкович 1982. № 527, от «уроков».
168. IX.2.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/XIV.1.1/B6. Толмачев 1911-1912, 3: 145-146, № 1, Заб. обл., на «ластунную ловлю».
169. X.1.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 5/I.4.4/A12. Георгиевский 1926. № 23, Прим. кр., от слома кости.
170. X.3.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/III.1.1/A10., 1/XXXVII.1.2/B6. Богданович 1895: 39-40, Мин. губ., на хорошую дорогу.
171. XI.1.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/X.1.1/A13. Барташевич 1992. № 739, Гом. обл., от простуды.
172. XII.1.4/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/I.5.4/A12., 1/IX.4.4/B6. Попов 1903. № 134, Пенз. губ., от крови.
173. XIII.1.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/XXI.1.1/A4. Логиновский, 1903: 92, № 2, ркп., Заб. обл., от грыжи.
174. XIV.1.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/IX.3.1/B6. Романов 1891: 5, № 14 (Барташевич 1992. № 1012), Мог. губ., от «подвеза»; • 15/II.1.1/B5. Барташевич 1992. № 1074, Гом. обл., от «ляка».
175. XV.2.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/XXVII.1.1/A6. Раденкович 1982. № 276, Вост. Сербия, от нароста; • 8/I.1.1/A8. Раденкович 1982. № 217, от отека.
176. XV.2.3/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/X.5.10/A5., 1/III.3.1/A6., 1/XVI.1.1/A8. Раденкович 1982. № 274, Вост. Сербия, от гнойника; • 3/VIII.2.1/A5., 1/XXI.1.3/A6., 1/XXVII.1.2/A6. Раденкович 1982. № 346, Далмация, от боли; • 1/XXVII.1.1/A6., 1/XX.1.1/B1. Раденкович 1982. № 399, Далмация, от головной боли.
177. XVI.1.1/A8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/X.5.10/A5., 1/III.3.1/A6., 1/XV.2.3/A8. Раденкович 1982. № 274, Вост. Сербия, от гнойника.
178. I.2.3/A9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/XII.2.2/B6., 1/XVI.2.1/B6. Романов 1891: 53, № 1 (Барташевич 1992. № 1096), Мог. губ., от выкидыша.
179. I.7.2/A9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XVII.1.5/A4. Раденкович 1982. № 265, Далмация, от язвы.
180. I.9.1/A9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XXIV.1.1/B1. Раденкович 1982. № 453, Левач, Темнич, от паралича.
181. I.11.1/A9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/X.5.8/A5. Раденкович 1982. № 183, Левач, Темнич, от раны.
182. IV.1.1/A9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/IV.2.1/A9. Раденкович 1982. № 291, Левач, Темнич, от желтухи.
183. IV.2.1/A9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/IV.1.1/A9. Раденкович 1982. № 291, Левач, Темнич, от желтухи.

184 II.1.1/A10. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/X.3.1/A8., I/XXXVII.1.2/B6. Богданович 1895. 39-40, Мин. губ., на хорошую дорогу.
185 V.3.3/A10. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/VI.6.3/A3., I/V.7.1/A10., I/V.7.2/A10., I/XXXVI.1.3/B6. Барташевич 1992. № 85, Гом. обл., отговаривать «закрытого» мужчину.
186 V.4.3/A10. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/XX.1.3/A4., I/XXIV.1.2/A5., I/III.1.3/A6., I/VI.2.3/A12., I/XVIII.2.3/B12., I/XVIII.2.4/B12. Кириллов 1893: 117-120, Заб. обл., на бешенство.
187 V.7.1/A10. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/VI.6.3/A3., I/V.3.3/A10., I/V.7.2/A10., I/XXXVI.1.3/B6. Барташевич 1992. № 85, Гом. обл., отговаривать «закрытого» мужчину.
188 V.7.2/A10. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/VI.6.3/A3., I/V.3.3/A10., I/V.7.1/A10., I/XXXVI.1.3/B6. Барташевич 1992. № 85, Гом. обл., отговаривать «закрытого» мужчину.
189 I.1.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/IV.2.4/A8., I/III.2.1/A15., I/VII.2.4/B7. Барташевич 1992. № 1057, Гом. обл., от «ляка».
190 I.5.3/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/II.6.2/B5. Чубинский 1872: 127, № 3, Черн. губ., от крови.
191 I.5.4/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • 5/II.1.2/B5. Георгиевский 1926. № 18, Прим. кр., от крови; • I/XII.1.4/A8., I/IX.4.4/B6. Попов 1903. № 134, Пенз. губ., от крови; • 6/II.2.1/B5. Попов 1903. № 139, Орл. губ., от крови; • 3/VI.1.1/A15. Майков 1869. № 157, Новг. губ., от крови; • 2/III.1.4/A12. Виноградов 1907-1909 Т. I. № 39, ркп., Олон. губ., от крови; • I/II.1.2/B5. Логиновский, 1903: 33-34, № 4, ркп., Заб. обл., от крови; • I/II.2.5a/B5. Майков 1869. № 158, Калуж. губ., от крови; • I/II.1.2/B5. Георгиевский 1926. № 9, Прим. кр., от крови; • 4/II.1.2/B5. Ефименко, 1878: 211, № 59, Арх. губ., от крови.
192 I.5.5/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/II.6.2/B5. Овчинников 1908: 30-31, № 17, Ирк. губ., от крови; • 6/II.1.2/B5. Попов 1903. № 140, Сарат. губ., от крови.
193 I.6.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/X.3.1/A13. Романов 1891: 162, № 12 (Барташевич 1992. № 492), Мог. губ., от крови.
194 I.6.2/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • 7/II.1.2/B5. Попов 1903. № 144, Смол. губ., от крови.
195 II.1.2/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/VIII.2.1/A1. Ефименко, 1878: 212, № 65, ркп., Арх. губ., от крови; • I/VIII.1.1/A4. Барташевич 1992. № 571, Гом. обл., от «звиха».
196 II.3.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • 19/1.1.4/A1. Романов 1891: 180, № 88 (Барташевич 1992. № 332), Мог. губ., от змен.
197 IV.2.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/IV.1.1/A8., I/XII.1.1/A12. Георгиевский 1926. № 27, Прим. кр., от крови.
198 V.1.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/I.4.1/A9. Раденкович 1982. № 525, от «уроков».
199 VI.2.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/VI.1.3/A4., I/XIV.4.1/B3. Раденкович 1982. № 436, Левач, Темнич, от всех болезней.
200 VII.2.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/VI.5.1/A3., 9/III.1.1/A15. Романов 1891: 92, № 214 (Барташевич 1992. № 670), Мог. губ., от «скулы».
201 VII.2.3/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/XX.1.3/A4., I/XXIV.1.2/A5., I/III.1.3/A6., I/V.4.3/A10., I/XVIII.2.3/B12., I/XVIII.2.4/B12. Кириллов 1893: 117-120, Заб. обл., на бешенство.
202 VII.4.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/II.1.1/A13. Раденкович 1982. № 496, Босанска крайна, от страха.
203 X.1.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/V.1.1/A15. Красноженова: 18, № IX.5, Енис. губ., от крови.
204 X.2.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/IX.2.1/A6. Романов 1891: 132, № 43, Мог. губ., от «чемеара», «селезня».
205 XII.1.1/A12. +	<ul style="list-style-type: none"> • I/IV.1.1/A8., I/IV.2.1/A12. Георгиевский 1926. № 27, Прим. кр., от крови.

206. XIII.1.1/A12. +	• 1/VI.8.2/A4. Барташевич 1992. № 214, Гом. обл., от «перелогов».
207. XV.1.1/A12. +	• 6/1.1.1/A8. Ефименко. № 28, от бельма.
208. XVI.1.1/A12. +	• 17/II.1.1/B5. Барташевич 1992. № 1265, Гом. обл., от живота.
209. XVII.1.2/A12. +	• 10/1.1.10/B2. Барташевич 1992. № 1072, Мин. обл., от испуга.
210. XVIII.1.1/A12. +	• 10/II.1.3/A14. Раденкович 1982. № 241, от боли глаз.
211. I.1.2/A13. +	• 10/1.1.3/A1. Романов 1891: 117, № 323 (Барташевич 1992. № 379), Мог. губ., от змеи.
212. II.1.1/A13. +	• 1/VI.4.1/A12. Раденкович 1982. № 496, Босанска крайина, от страха.
213. V.3.1/A13. +	• 18/1.1.6/B2. Раденкович 1982. № 122, Вост. Сербия, от «ветра».
214. VII.1.2/A13. +	• 1/VI.7.1/A4. Раденкович 1982. № 215, Крагуевачка Ясеница, от чирья.
215. VII.1.3/A13. +	• 1/XI.4.1/A1. Раденкович 1982. № 513, от «уроков».
216. IX.2.5/A13. +	• 1/VIII.2.1/B5. Романов 1891: 66, № 71 (Барташевич 1992. № 489), Мог. губ., от крови.
217. IX.3.3/A13. +	• 1/1.2.1/A12. Романов 1891: 163, № 19 (Барташевич 1992. № 545), Мог. губ., от «звиха»; • 3/II.1.9/A3., 1/VII.6.2/A3., 1/VIII.1.2/A7. Добровольский 1891: 175-176, № 6 (Барташевич 1992. № 980), Смол. губ., от «уроков».
218. IX.3.4/A13. +	• 3/V.10.3/A4., 1/XII.3.2/A4. Романов 1891: 190-191, № 13 (Барташевич 1992. № 239), Мог. губ., от «чемеара»; • 1/XII.1.1/A5. Раденкович 1982. № 533, от «уроков».
219. IX.3.5/A13. +	• 1/IX.5.2/A5. Георгиевский 1926. № 37, Прим. кр., от порчи скота.
220. IX.4.1/A13. +	• 1/XXI.1.5/A6. Красноженова: 16, № VII.2, Енис. губ., от испуга; • 1/1.3.3/A12. Романов 1891: 71, № 105 (Барташевич 1992. № 527), Мог. губ., от «звиха».
221. X.1.1/A13. +	• 1/XI.1.1/A8. Барташевич 1992. № 739, Гом. обл., от простуды.
222. XIII.1.1/A13. +	• 2/VI.1.1/A10. Майков 1869. № 321 (Ефименко, 1878: 179-180, № 28), Арх. губ., на рыбный промысел.
223. XIV.1.1/A13. +	• 1/XXXVII.1.1/A6. Раденкович 1982. № 88, Вост. Сербия, от колик живота.
224. II.2.1/A14. +	• 1/II.3.1/A14. Барташевич 1992. № 26, Гом. обл., от пожара.
225. V.1.1/A14. +	• 1/VIII.2.1/A2., 1/XII.2.1/A5., 1/XXXV.1.1/B1. Раденкович 1982. № 567, Вост. Сербия, от «уроков».
226. VI.1.1/A14. +	• 1/X.1.1/A14. Ефименко 1874. № 211, ркп., от пожара.
227. VII.2.2/A14. +	• 2/VII.2.1/A14. Раденкович 1982. № 526, от «уроков».
228. IX.1.1/A14. +	• 18/III.1.1/A15. Романов 1891: 80, № 157 (Барташевич 1992. № 604), Мог. губ., от зубной боли.
229. X.1.1/A14. +	• 1/VI.1.1/A14. Ефименко 1874. № 211, ркп., от пожара.
230. X.2.1/A14. +	• 6/XXIX.1.2/B6. Майков 1869. № 132, Ворон. губ., от «сибирки».
231. XI.1.1/A14. +	• 1/V.1.1/A1. Романов 1891: 158, № 73 (Барташевич 1992. № 29), Мог. губ., при пожаре.
232. I.1.1/A15. +	• 1/II.1.1/A16. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 73, Велдуга. «отсушка».
233. III.1.3/A15. +	• 1/IV.1.1/A3., 2/1.1.1/A8. Романов 1891: 148, № 35 (Барташевич 1992. № 890), Мог. губ., от «уроков».
234. III.2.1/A15. +	• 1/IV.2.4/A8., 1/1.1.1/A12., 1/VII.2.4/B7. Барташевич 1992. № 1057, Гом. обл., от «дяка».
235. IV.1.1/A15. +	• 14/XXVI.1.1/A5. Барташевич 1992. № 617, Гом. обл., от зубной боли.
236. V.1.1/A15. +	• 1/X.1.1/A12. Красноженова: 18, № IX.5, Енис. губ., от крови.

237 VII.1.1/A15. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/X.1.1/B6. Добровольский 1891: 192-193, № 1, Смол. губ., от «ломоты»; • 1/X.1.1/B6. Добровольский 1891: 199, № 1, Смол. губ., от «пришки».
238 VII.2.1/A15. +	• 4/XII.4.1/A4. Романов 1891: 40, № 144 (Барташевич 1992. № 1079), Мог. губ., от «дяка».
239 I.1.1/A16. +	• 1/II.1.1/A2., 1/XIX.1.1/B6. Логиновский 1899: 57-58, № 5, Заб. обл., разогнать свадебный поезд.
240 II.1.1/A16. +	• 1/I.1.1/A15. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 73, Ветлуга, «отсушка».
241 III.1.1/A16. +	• 1/III.1.4/B15. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 1, ркп., на начальство.
242 IV.1.1/A16. +	• 1/III.3.1/B13. Ефименко 1874. № 189, к начальству.
243 V.1.1/A16. +	• 1/III.2.2/B13. Ефименко, 1878: 155, № 11, ркп., Арх. губ., к начальству.
244 VI.1.1/A16. +	• 1/XXI.2.1/A6. Ефименко 1874. № 35, от лихорадки.
245 VII.2.2/A16. +	• 1/X.3.1/B6. Добровольский 1891: 204, № 2 (Барташевич 1992. № 1339), Смол. губ., на суд.
246 VIII.1.1/A16. +	• 1/XIII.2.3/B6. Майков 1869. № 138 (Ефименко, 1878: 213, № 70), ркп., от крови.
247 X.1.1/A16. +	• 4/II.1.1/A3., 2/XXIX.1.1a/B6. Романов 1891: 14, № 35, Мог. губ., от «уроков».
248 II.2.8/B1. +	• 2/XXI.1.2/A4. Чубинский 1872: 132-133, № е, Черн. губ., от «уроков».
249 II.3.2/B1. +	• 3/XXXVIII.2.1/B6. Раденкович 1982. № 506, Вост. Сербия, от страха.
250 III.1.1/B1. +	• 1/III.2.1/B1., 1/V.4.1/B2. Раденкович 1982. № 405, Вост. Сербия, от плача.
251 III.2.1/B1. +	• 1/III.1.1/B1., 1/V.4.1/B2. Раденкович 1982. № 405, Вост. Сербия, от плача.
252 VI.1.1/B1. +	• 1/XVI.2.1/A6. Раденкович 1982. № 468, Вост. Сербия, на воду.
253 VI.1.3/B1. +	• 5/VII.1.1/A13., 1/XVII.8.1/B1., 1/XVIII.2.1/B1. Барташевич 1992. № 200, Мог. обл., когда у коровы пропадет молоко.
254 VIII.2.1/B1. +	• 5/III.2.1/A3. Барташевич 1992. № 197, Мог. обл., когда у коровы пропадет молоко.
255 IX.2.1/B1. ±	• 1/IV.1.1/B12. Логиновский 1899: IV-V, № 5, Заб. обл., «присушка».
256 X.1.2/B1. +	• 1/XIII.2.2/B12. Ефименко, 1878: 140, № 4, ркп., Арх. губ., «присушка».
257 X.4.1/B1. +	• 1/I.12.1/A9. Раденкович 1982. № 117, Вост. Сербия, от «ветра».
258 XII.1.1/B1. +	• 3/VI.1.1/A15. Овчинников, 1914: 99, Ирк. губ., «присушка».
259 XII.3.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XIII.2.1/B12. Романов 1891: 151-152, № 48 (Барташевич 1992. № 1289), Мог. губ., приворотный; Барташевич 1992. № 1290, Гом. обл., любовный; • 1/XIII.2.1/B12. Ефименко, 1878: 142-143, № 15, ркп., Арх. губ., «присушка».
260 XII.4.1/B1. +	• 6/XIV.1.1/B6. Иванова 1994. № 234, Киров. обл., «присушка».
261 XVII.1.1/B1. +	• 1/VIII.3.1/B2. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 101, Костр. губ., «присушка».
262 XVII.3.1/B1. +	• 2/XV.1.1/A8., 1/IV.1.1/B9. Ефименко, 1878: 203-204, № 36 а, ркп., Арх. губ., от «нестоихи».
263 XVII.4.1/B1. +	• 1/VII.2.1/B12. Майков 1869. № 25, Влад. губ., «присушка».
264 XVII.5.1/B1. +	• 1/III.1.1/B13. Иванова 1994. № 232, Киров. обл., «присушка».
265 XVII.8.1/B1. +	• 5/VII.1.1/A13., 1/VI.1.3/B1. 1/XVIII.2.1/B1. Барташевич 1992. № 200, Мог. обл., когда у коровы пропадет молоко.

266. XVIII.2.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 5/VII.1.1/A13., 1/VI.1.3/B1., 1/XVII.8.1/B1. Барташевич 1992. № 200, Мог. обл., когда у коровы пропадет молоко.
267. XX.1.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/XXVII.1.1/A6., 1/XV.2.3/A8. Раденкович 1982. № 399, Далмация, от головной боли.
268. XXIII.1.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIII.1.2/B1., 2/XXIII.1.2/B1. СБНУ. Т. 56: 445-446, Пазарджиско, от «уроков».
269. XXIII.1.2/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIII.1.1/B1., 2/XXIII.1.2/B1. СБНУ. Т. 56: 445-446, Пазарджиско, от «уроков»; 1/XXIII.1.1/B1., 1/XXIII.1.2/B1. СБНУ. Т. 56: 445-446, Пазарджиско, от «уроков».
270. XXIV.1.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/1.9.1/A9. Раденкович 1982. № 453, Левач. Темнич, от паралича.
271. XXV.1.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/XXII.1.3/A4. СБНУ. Т. 16-17. В. 2: 265, Стара ора, от «уроков».
272. XXVI.1.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/XXXVI.2.1/A6. Раденкович 1982. № 354, от искривления позвоночника.
273. XXVIII.1.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIII.4.1/A4., 8/1.1.10/B2. Раденкович 1982. № 373, Вост. Сербия, от «вештиц».
274. XXXV.1.1/B1. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VIII.2.1/A2., 1/XII.2.1/A5., 1/V.1.1/A14. Раденкович 1982. № 567, Вост. Сербия, от «уроков».
275. I.1.1a/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VIII.1.2/A7. Добровольский 1891: 200, № 1 (Барташевич 1992. № 86), Смол. губ., от порчи.
276. IV.1.1/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 11/1.1.1/A9. Барташевич 1992. № 1004, Гом. обл., от «подвоя».
277. V.2.1/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/VI.1.2/B14. Раденкович 1982. № 204, Вост. Сербия, от чирья.
278. V.2.4/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 7/IX.3.10/A5. СБНУ. Т. 16-18. В. 2: 264-265, № 5, Царибродско, от «ночици».
279. V.3.1/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.4.1/A4., 12/1.1.10/B2. Раденкович 1982. № 114, Вост. Сербия, от «ветра».
280. V.5.5/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXVI.2.4/B6. Майков 1869. № 204, ркл., от червей.
281. V.6.1/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXXI.1.1/B6. Майков 1869. № 310 (Ефименко, 1878: 182, № 39), Арх. губ., от ворона; 1/V.10.4/A4., 1/XXIX.1.3/B6. Ефименко, 1878: 182, № 40, Арх. губ., от ворона.
282. V.6.2/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/1.3.1/A6. Ефименко, 1878: 182-183, № 41, Арх. губ., от ворона.
283. VIII.3.1/B2. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XVII.1.1/B1. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 101, Костр. губ., «присушка».
284. IV.1.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.1/A6., 1/VI.2.1/B3., 2/VI.3.1/B3., 4/III.3.2/B13. Майков 1869. № 289, Вятск. губ., на удачную охоту.
285. VI.2.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.1/A6., 1/IV.1.1/B3., 2/VI.3.1/B3., 4/III.3.2/B13. Майков 1869. № 289, Вятск. губ., на удачную охоту; 4/II.1.1/A9., 1/IV.3.2/B4., 2/XXVI.2.1/B6. Барташевич 1992. № 148, Гом. обл., от гибели скотины.
286. VI.3.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/VI.1.1/B3. Ефименко, 1878: 183, № 45, ркл., Арх. губ., «слова утечь»; 1/II.1.1/A6., 1/IV.1.1/B3., 1/VI.2.1/B3., 4/III.3.2/B13. Майков 1869. № 289, Вятск. губ., на удачную охоту.
287. VI.4.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIX.2.2/B6. Толмачев 1911-1912, 3: 147-148, Заб. обл., на охоту.
288. VIII.2.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/1.2.1/B13. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 100, Костр. губ., на охоту.
289. IX.3.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/IX.6.1/B3. Раденкович 1982. № 585, на красоту.
290. IX.4.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/X.1.1/B3. Раденкович 1982. № 583, любовный; 1/X.1.1/B3. Раденкович 1982. № 573, любовный.
291. IX.6.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 5/X.2.1/B3. Раденкович 1982. № 572, любовный; 1/IX.3.1/B3. Раденкович 1982. № 585, на красоту.

292 X.1.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IX.4.1/B3. Раденкович 1982. № 583, любовный; 1/IX.4.1/B3. Раденкович 1982. № 573, любовный.
293 X.3.2/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 5/XIV.1.2/B6. Барташевич 1992. № 1305, Мин. обл., «присушка».
294 XII.1.2/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XII.1.3/B3., 2/XII.1.3/B3., 3/XII.1.3/B3., 1/XII.1.4/B3. Барташевич 1992. № 1324, Гом. обл., чтобы вернулся отец к ребенку.
295 XII.1.3/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XII.1.2/B3., 2/XII.1.3/B3., 3/XII.1.3/B3., 1/XII.1.4/B3. Барташевич 1992. № 1324, Гом. обл., чтобы вернулся отец к ребенку; 2/XXXV.1.1/B6. Барташевич 1992. № 102, Гом. обл., от злого чарованья.
296 XII.1.4/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XII.1.2/B3., 1/XII.1.3/B3., 2/XII.1.3/B3., 3/XII.1.3/B3. Барташевич 1992. № 1324, Гом. обл., чтобы вернулся отец к ребенку.
297 XII.1.5/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XX.1.3/A5. Ефименко, 1878: 175, № 15, Арх. губ., от «прикосян» коровы.
298 XIV.3.2/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIV.1.1/B12. Виноградов 1907-1909 Т. 1, № 54, ркл., Костр. губ., «присушка».
299 XIV.4.1/B3. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/VI.1.3/A4., 1/VI.2.1/A12. Раденкович 1982. № 436, Левач, Темнич, от всех болезней.
300 III.1.1/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIV.1.9/B6. Романов 1891: 140, № 12 (Барташевич 1992. № 69), Мог. губ., от порчи.
301 IV.3.2/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/II.1.1/A9., 2/VI.2.1/B3., 2/XXVI.2.1/B6. Барташевич 1992. № 148, Гом. обл., от гибели скотины.
302 V.1.1/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/VI.1.1/A2., 2/V.3.7/A5. Свиридова 1989. № 636, Прим. кр., от порчи.
303 V.1.2/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/VII.1.2/A12. Попов 1903. № 58, Орл. губ., от «чемера».
304 VI.1.1/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/V.3.2/A5., 2/VIII.1.2/A7. Романов 1891: 99, № 248 (Барташевич 1992. № 763), Мог. губ., от «грызи»; 2/II.1.1/A9., 9/IX.3.1/B6. Барташевич 1992. № 128, Гом. обл., при выгоде скотины первый раз.
305 VI.1.2/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 8/VI.1.3/A4. Барташевич 1992. № 977, Гом. обл., от «урока».
306 VI.1.3/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VI.1.1/B11. Романов 1891: 63, № 54 (Барташевич 1992. № 1101), Мог. губ., от выкидыша.
307 VI.1.4/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.11.1/A4., 4/II.5.1/B5., 1/II.1.1/B11. Ефименко 1874. № 38, от крови.
308 VII.1.1/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/II.1.12/B2. Романов 1891: 124, № 1, Мог. губ., от «перелога».
309 VIII.1.1/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 7/XII.1.1/A8. Романов 1891: 13, № 33, Мог. губ., от ведьмы, отбирающей молоко.
310 VIII.1.2/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/XIV.1.1/B6. Майков 1869. № 226, Тобол. губ., от «уроков».
311 IX.1.1/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/IV.1.1/B8. Романов 1891: 72, № 113 (Барташевич 1992. № 550), Мог. губ., от вывиха.
312 X.2.1/B4. +	<ul style="list-style-type: none"> 24/1.1.5/A1. Красноженова: 15-16, № IV.3, Енис. губ., от гада.
313 1.1.1/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/XXVI.1.1/A4. Раденкович 1982. № 628, от дождя.
314 II.2.1a/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/II.2.3/B5. Овчинников, 1914: 101, Ирк. губ., от крови.
315 II.2.5a/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/1.5.4/A12. Майков 1869. № 158, Калуж. губ., от крови.
316 II.11.2/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/II.3.1/A3. Романов 1891: 18-19, № 50 (Барташевич 1992. № 903), Мог. губ., от «уроков».
317 II.11.4/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VIII.1.1/B7. Попов 1903. № 143, Смол. губ., от крови.
318 V.1.1/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XVII.2.2/B15. Романов 1891: 51, № 191 (Барташевич 1992. № 1331), ркл., Витеб. губ., солдатский от начальства; 1/XVI.1.1/B6. Майков 1869. № 219, Тул. губ., от «уроков».
319 V.2.1/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/IX.3.1/A6. Барташевич 1992. № 904, Гом. обл., от «урока».
320 IX.1.1/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 6/XXXVIII.1.2/A6., 1/VIII.1.1/A8. Раденкович 1982. № 523, от «уроков».
321 XVII.1.1/B5. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.2.3/A8. Романов 1891: 120-121, № 341, Мог. губ., от змеи; 1/II.2.3/A8. Барташевич 1992. № 390, Гом. обл., от змеи.

322.XVII.1.3/B5. +	• 9/1.1.5/A1. Майков 1869: 747-748, Моск. губ., от укуса змеи.
323.XVII.1.4/B5. +	• 35/1.1.2/A1. Барташевич 1992. № 373, Гом. обл., от «вужа».
324.XVIII.1.1/B5. +	• 6/II.1.4/B5. Романов 1891: 66, № 75 (Барташевич 1992. № 469), Мог. губ., от крови.
325.I.2.1/B6. +	• 1/VIII.1.6a/A3. Барташевич 1992. № 1010, Мин. обл., от «подвезя».
326.III.2.1/B6. +	• 3/II.3.2/B13. Георгиевский 1926. № 43, Прим. кр., от суда.
327.IV.1.1/B6. +	• 1/V.1.1/B13. Майков 1869. № 354, Tobол. губ., на добрые дела.
328.V.1.1/B6. +	• 3/VI.1.1/A15. Логиновский 1899: 61, № 3, Заб. обл., свадебный оберэг.
329.VI.1.1/B6. +	• 1/IV.2.5/A8., 4/II.2.3/B5. Кляус 1990a. № 18, Енис. губ., от крови.
330.VII.1.1/B6. +	• 43/1.1.4/A1. Романов 1891: 118, № 328 (Барташевич 1992. № 383), Мог. губ., от змеи.
331.IX.1.1/B6. +	• 1/III.1.2/B15. Смилянская 1995: 365, № 4, [Яросл. губ.], ркп. XVIII в., «присушка».
332.IX.1.2/B6. +	• 1/XIII.1.1/B12. Барташевич 1992. № 1318, Гом. обл., на сохранение любви.
333.IX.4.1/B6. +	• 2/IX.4.1/B6., 1/XX.1.1/B15. Романов 1891: 161, № 9, Мог. губ., от крови; • 1/IX.4.1/B6., 1/XX.1.1/B15. Романов 1891: 161, № 9, Мог. губ., от крови.
334.IX.4.4/B6. +	• 1/XII.1.4/A8., 1/1.5.4/A12. Попов 1903. № 134, Пенз. губ., от крови.
335.IX.6.1/B6. +	• 1/XXXVI.1.3/B6. Барташевич 1992. № 165, Гом. обл., от волков.
336.X.3.1/B6. +	• 1/VII.2.2/A16. Добровольский 1891: 204, № 2 (Барташевич 1992. № 1339), Смол. губ., на суд.
337.X.3.2/B6. +	• 2/XII.1.2/A2., 1/IV.2.1/B12. Майков 1869. № 166 (Ефименко, 1878: 212, № 64), ркп., от крови.
338.XII.2.3/B6. +	• 1/XV.1.1/A2., 1/III.1.4/A6., 2/XXIX.2.2/B6., 1/1.2.2/B13. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 52, ркп., Костр. губ., на охоту, свадебный оберэг.
339.XIII.1.3/B6. +	• 1/1.1.1/B13., 1/XVII.2.3/B15. Майков 1869. № 343, к властям.
340.XIII.1.10/B6. +	• 1/IV.6.4/B12. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 29, ркп., свадебный оберэг.
341.XIII.2.1/B6. +	• 2/XXIX.1.2/B6., 1/XVIII.1.1/B15. Майков 1869. № 344 (Ефименко, 1878: 155-156, № 15), ркп., к властям.
342.XIII.2.3/B6. +	• 1/VIII.1.1/A16. Майков 1869. № 138. (Ефименко, 1878: 213, № 70), ркп., от крови.
343.XIV.1.1/B6.+	• 1/1.3.2/A6., 6/XXXIX.1.1/A6. Майков 1869. № 198, Перм. губ., от «ногтя»; • 2/XXIII.2.1/A5. Толмачев 1911-1912, 2: 66, № 1, Заб. обл., от грыжи; • 1/IX.2.1/A8. Толмачев 1911-1912, 3: 145-146, № 1, Заб. обл., на «пастушную ловлю»; • 2/III.2.1/A4. Толмачев 1911-1912, 3: 138-139, № 5, Заб. обл., от «ногтя»; • 1/VIII.1.2/B4. Майков 1869. № 226, Tobол. губ., от «уроков»; • 2/VI.1.2/B3. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 58, ркп., на охоту; • 2/XII.1.1/B12. Иванова 1994. № 223, Киров. обл., «присушка»; • 1/IX.3.3/A6. Логиновский, 1903: 82-83, № 13, ркп., Заб. обл., от «ногтя»; • 1/XII.4.1/B1. Иванова 1994. № 234, Киров. обл., «присушка»; • Ефименко, 1878: 220, № 106, ркп., Арх. губ., оберэг.

347 XIV.1.2/B6 +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XVII.1.3/B6. Майков 1869 № 223 (Ефименко, 1878: 221, № 109 а, ркп., от «уроков»; 1/X.1.1/B12. Смилянская 1995: 366-367, № 7, [Пенз губ.], ркп. XVIII в., «присушка»; 22/III.1.1/A15. Романов 1891: 44, № 163 (Барташевич 1992, № 142), Мор. губ., от волков; 1/X.3.2/B3. Барташевич 1992, № 1305, Мин. обл., «присушка»; 1/X.3.1/B3. Барташевич 1992, № 1281. Гродз. обл., на тоску.
345 XIV.1.8/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.4/A1. Романов 1891: 44-45, № 164 (Барташевич 1992, № 149), Мор. губ., от волков.
346 XIV.1.9/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/III.1.1/B4. Романов 1891: 140, № 12 (Барташевич 1992, № 69), Мор. губ., от порчи.
347 XIV.1.10/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/I.3.2/B10. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 78, ркп., Костр. губ., от порчи.
348 XVI.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/V.1.1/B5. Майков 1869, № 219, Тул. губ., от «уроков».
349 XVI.2.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/I.2.3/A9, 2/XII.2.2/B6. Романов 1891: 53, № 1 (Барташевич 1992, № 1096), Мор. губ., от выкидыша.
350 XVII.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIII.2.2/A4, 1/VI.1.2/B12. Покровский 1987: 263-264, ркп., Арх. губ., грыжу напускать.
351 XIX.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.1/A2, 1/I.1.1/A16. Логиновский: 57-58, № 5, Заб. обл., разогнать свадебный поезд.
352 XIX.1.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/I.7.1/A6. Логиновский 1899: 59, Заб. обл., лишит дружбу способности говорить.
353 XIX.1.3/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIII.1.1/A2, 2/IV.4.2/A8. Майков 1869, № 218, Новг. губ., от «уроков».
354 XXI.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XI.3.1/A2. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 46, ркп., Вол. губ., свадебный берег.
355 XXII.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXVI.1.2/B6. Романов 1891: 154, № 58 (Барташевич 1992, № 145), Мор. губ., от волков.
356 XXVI.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/IV.3.1/B4. Романов 1891: 45-46, № 168 (Барташевич 1992, № 156), Мор. губ., от волков.
357 XXVI.1.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXII.1.1/B6. Романов 1891: 154, № 58 (Барташевич 1992, № 145), Мор. губ., от волков.
358 XXVI.2.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/III.1.2/A6. Романов 1891: 140, № 11 (Барташевич 1992, № 70), Мор. губ., от порчи.
359 XXVI.2.2a/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIV.1.1/B6. Майков 1869, № 331, ркп., Астрахань, на ратное дело.
360 XXVI.2.4/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.5.4a/B2. Майков 1869, № 204, ркп., от червей.
361 XXVI.2.6/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/III.3.2/B13. Ефименко, 1878: 174-175, № 9, Арх. губ., оберег скота.
362 XXVII.2.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/XXVI.1.2/B6. Ефименко, 1878: 221-222, № 109 б, ркп., оберег от оружия.
363 XXVIII.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VIII.1.3/A3. Романов 1891: 25-26, № 82 (Барташевич 1992, № 954), Мор. губ., от «уроков».
364 XXIX.1.2a/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 3/I.1.3/B2. Шейн 1893, № 7 (Барташевич 1992, № 39), Смол. губ., от дворового.
365 XXIX.1.3/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.10.4/A4, 2/V.6.1/B2. Ефименко, 1878: 182, № 40, Арх. губ., от ворона.
366 XXIX.1.4/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/X.5.1/B6, 1/XXXVII.2.2/B6. Романов 1891: 46, № 169 (Барташевич 1992, № 152), Мор. губ., от волков.
367 XXIX.2.3/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/III.1.1/A3. Логиновский, 1903: 65, № 3, ркп., Заб. обл., от «родимца».
368 XXXIV.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 13/I.1.10/B2. Кошов 1980: 104, Разлогско, от нечистой силы.
369 XXXVI.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/XXXIII.1.1. Романов 1891: 146, № 29, Мор. губ., от «уроков».

370. XXXVI.1.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/II.1.1/A3., 1/VIII.1.2/A7. Попов 1903. № 22, Смол. губ., от слеза; • 7/XXVII.1.3/B6., 1/XXIX.1.2/B6. Романов 1891: 134-135. № 53 (Барташевич 1992. № 181), Мог. губ., от кровотечения из сосков у коровы; • 1/XXVIII.2.1/B6. Ефименко, 1878: 221-222, № 109 б, Арх. губ., оберег от оружия.
371. XXXVI.1.3/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VII.6.3/A3., 1/V.3.3/A10., 1/V.7.1/A10., 1/V.7.2/A10. Барташевич 1992. № 85, Гом. обл., отговаривать «закрытого» мужчину; • 1/IX.6.1/B6. Барташевич 1992. № 165, Гом. обл., от волков.
372. XXXVI.2.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/XII.3.2/A4. Толмачев, 1912, 3: 142-143, Заб. обл., от «родимца».
373. XXXVI.2.3/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/I.4.6/B12., 1/III.2.2/B13. Покровский 1987: 257-258, ркл., Арх. губ., к власти.
374. XXXVII.1.1/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 6/XXVII.1.3/B6. Логиновский 1899: 63, № 6, Заб. обл., свадебный оберег.
375. XXXVII.1.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/X.3.1/A8., 1/II.1.1/A10. Богданович 1895: 39-40, Мин. губ., на хорошую дорогу.
376. XXXVII.2.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/IX.5.1/B6., 1/XXIX.1.4/B6. Романов 1891: 46, № 169 (Барташевич 1992. № 152), Мог. губ., от волков.
377. XXXX.1.2/B6. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XIV.1.1/B4. Майков 1869. № 317, Симб. губ., испортить ружье.
378. IV.2.2/B7. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XVIII.1.1/A5. Чубинский 1872: 127-128. № 10, с. Поросье, от крови.
379. V.2.1/B7. +	<ul style="list-style-type: none"> • 4/XXXIX.1.1/A6. Раденкович 1982. № 205, Крагуевачка Ясеница, от чирья.
380. VIII.1.1/B7. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/II.11.4/B5. Попов 1903. № 143, Смол. губ., от крови.
381. X.1.1/B7. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/VIII.2.1/B5. Майков 1869. № 153, Орл. губ., от крови.
382. II.1.1/B8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/III.2.3/B8. Романов 1891: 70-71, № 104, Мог. губ., от «звиха».
383. III.2.3/B8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/II.1.1/B8. Романов 1891: 70-71, № 104, Мог. губ., от «звиха».
384. IV.1.1/B8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 6/I.4.4/A12. Романов 1891: 72-73, № 114 (Барташевич 1992. № 549), Мог. губ., от «звиха»; • 5/I.4.3/A12. Романов 1891: 163, № 22, Мог. губ., от «звиха»; • 1/IX.1.1/B4. Романов 1891: 72, № 113 (Барташевич 1992. № 550), Мог. губ., от вывиха; • 1/II.1.1/B10. Романов 1891: 78-79, № 152 (Барташевич 1992. № 585), Мог. губ., от «звиха»; • 1/I.3.3/A12. Романов 1891: 72, № 110, Мог. губ., от «звиха».
385. VI.2.1/B8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/VIII.1.2/A7. Добровольский 1891: 198, № 1, Смол. губ., от перелома костей.
386. VII.1.1/B8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 7/I.1.12/B2. Барташевич 1992. № 782, Гом. обл., на «золотник».
387. VIII.1.1/B8. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/XV.1.1/B15. Барташевич 1992. № 814, Гом. обл., на «золотник».
388. II.1.1/B9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/III.1.3/B9. Майков 1869. № 130, от плотской немощи.
389. III.1.1/B9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 2/IV.1.1/B9., 1/XI.1.1/B14. Ефименко, 1878: 204, № 36 в, рук., Арх. губ., от «бессилья».
390. III.1.3/B9. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/II.1.1/B9. Майков 1869. № 130, от плотской немощи.
391. I.2.1/B10. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/V.5.1/B2. Раденкович 1982. № 133, когда у роженицы умирают дети.
392. II.1.1/B10. +	<ul style="list-style-type: none"> • 3/IV.1.1/B8. Романов 1891: 78-79, № 152 (Барташевич 1992. № 585), Мог. губ., от «звиха».
393. I.2.3/B11. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/IX.2.2/A2., 8/I.1.6/B2. Барташевич 1992. № 672, Гом. обл., от «скуды».
394. II.1.1/B11. +	<ul style="list-style-type: none"> • 1/V.11.1/A4., 1/VI.1.4/B4., 4/II.5.1/B5. Ефименко 1874. № 38, от крови.

395.VI.1.1/B11. +	• 1/VI.1.3/B4. Романов 1891: 63, № 54 (Барташевич 1992. № 1101), Мог. губ., от выкидыша.
396.I.3.1/B12. +	• 1/III.3.3/B13. Ефименко, 1878: 152, № 2, ркп., Арх. губ., к властям.
397.I.4.2/B12. +	• 3/XI.1.1/B6. Ефименко, 1878: 153, № 4, к властям.
398.IV.1.1/B12. +	• 1/XVI.1.1/B12., 1/XXIII.1.1/B12. Ефименко, 1878: 140, № 3, ркп., Арх. губ., «присушка»; • 1/IX.2.1/B1. Логиновский 1899: IV-V, № 5, Заб. обл., «присушка».
399.IV.2.1/B12. +	• 2/XII.1.2/A2., 1/X.3.2/B6. Майков 1869. № 166 (Ефименко, 1878. 212, № 64), ркп., от крови.
400.IV.5.1/B12. +	• 6/II.1.1/A3. Романов 1891: 149, № 41 (Барташевич 1992. № 966), Мог. губ., от «уроков».
401.IV.7.1/B12. +	• 1/IX.2.5/A6. Раденкович 1982. № 56, Далмация, от «вештицы».
402.IV.7.3/B12. +	• 2/XX.1.2/A4. Логиновский, 1903: 95-96, № 8, Заб. обл., от грижи.
403.IV.7.4/B12. +	• 1/XXIII.1.10/B6. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 29, ркп, свадебный обегер.
404.VI.1.2/B12. +	• 1/XXIII.2.2/A4., 1/XVII.1.1/B6. Покровский 1987: 263-264, ркп., Арх. губ., грижу напускать.
405.VII.1.1/B12. +	• 1/XI.1.2/B3. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 89, Костр. губ., «присушка».
406.VII.2.1/B12. +	• 1/XVII.4.1/B1. Майков 1869. № 25, Влад. губ., «присушка»
407.VIII.3.1/B12. +	• 3/XVII.1.2/B15. Майков 1869. № 341, Саратов. губ., подход к властям.
408.X.1.1/B12. +	• 3/XIV.1.2/B6. Смилянская 1995: 366-367, № 7, [Пенз. губ.], ркп. XVIII в., «присушка».
409.X.1.2/B12. +	• 1/XIV.1.2/B3., 1/VI.1.1/B12., 1/XXIV.1.1/B12., 1/II.1.2/B13. Покровский 1987: 261-263, ркп., Арх. губ., «присушка».
410.XII.1.2/B12. +	• 1/XI.1.1/B3., 3/X.2.2/B12. Романов 1891: 152, № 49 (Барташевич 1992. № 1291), Мог. губ., приворотный.
411.XIII.1.1/B12. +	• 1/IX.1.2/B6. Барташевич 1992. № 1318, Гом. обл., на сохранение любви.
412.XIII.2.1/B12. +	• 1/XII.3.1/B1. Ефименко, 1878: 142-143, № 15, ркп., Арх. губ., «присушка»; • 1/XII.3.1/B1. Романов 1891: 151-152, № 48 (Барташевич 1992. № 1289), Мог. губ., приворотный.
413.XIII.2.2/B12. +	• 1/X.1.2/B1. Ефименко, 1878: 140, № 4, ркп., Арх. губ., «присушка».
414.XIII.3.1/B12. +	• 2/X.1.4/B1. Майков 1869. № 1 (Ефименко, 1878: 139, № 2), Арх. губ., «присушка».
415.XIV.1.1/B12. +	• 1/XIV.3.2/B3. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 54, ркп., Костр. губ., «присушка».
416.XV.2.2/B12. +	• 2/XXI.4.1/A6. Раденкович 1982. № 102, от «красного ветра»; • 1/IV.1.1/A7. Раденкович 1982. № 94, Левач, Темнич, от «красного ветра».
417.XV.3.1/B12. +	• 1/VIII.1.1/A6. Романов 1891: 117, № 324, Мог. губ., от змеи.
418.XVI.1.1/B12. +	• 1/IV.1.1/B12., 1/XXIII.1.1/B12. Ефименко, 1878: 140, № 3, ркп., Арх. губ., «присушка».
419.XVII.1.2/B12. +	• 1/XXIII.1.2/A4. Раденкович 1982. № 547, Вост. Сербия, от «уроков».
420.XVIII.2.3/B12. +	• 1/XX.1.3/A4., 1/XXIV.1.2/A5., 1/III.1.3/A6., 1/V.4.3/A10., 1/VII.2.3/A12., 1/XVIII.2.4/B12. Кириллов 1893: 117-120, Заб. обл., на бешенство.
421.XVIII.2.4/B12. +	• 1/XX.1.3/A4., 1/XXIV.1.2/A5., 1/III.1.3/A6., 1/V.4.3/A10., 1/VII.2.3/A12., 1/XVIII.2.3/B12. Кириллов 1893: 117-120, Заб. обл., на бешенство.

422.XVIII.2.5/B12. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXIII.1.1/A5. Логиновский, 1903. 89, № 6. Заб. обл., от «охомта».
423.XXI.2.1/B12. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IV.1.1/A4., 3/1.3.1/A9. Раденкович 1982. № 226, Срем, от оека.
424.XXIII.1.1/B12. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IV.1.1/B12., 1/XVI.1.1/B12. Ефименко, 1878: 140, № 3, ркл., Арх. губ., «присушка».
425.XXIV.1.1/B12. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIV.1.2/B3., 1/VI.1.1/B12., 1/X.1.2/B12., 1/II.1.2/B13. Покровский 1987: 261-263, ркл., Арх. губ., «присушка».
426.1.1.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIII.1.3/B6., 1/XVII.2.3/B15. Майков 1869. № 343, к властям.
427.1.2.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VIII.2.1/B3. Виноградов 1907-1909 Т. 2. № 100, Костр. губ., на охоту.
428.1.2.2/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XV.1.1/A2., 1/III.1.4/A6., 1/XII.2.3/B6., 2/XXIX.2.2/B6. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 52, ркл., Костр. губ., на охоту, свадебный оберег.
429.II.1.2/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIV.1.2/B3., 1/VI.1.1/B12., 1/X.1.2/B12., 1/XXIV.1.1/B12. Покровский 1987: 261-263, ркл., Арх. губ., «присушка».
430.III.1.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XVII.5.1/B1. Иванова 1994. № 232, Киров. обл., «присушка».
431.III.2.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 5/XXVII.1.1/B6. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 62, ркл., Костр. губ., спасительная молитва; 1/III.3.2/B13. Майков 1869. № 346, ркл., к властям.
432.III.2.2/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.1.1/A16. Ефименко, 1878: 155, № 11, ркл., Арх. губ., к начальству; 1/XXXVI.2.3/B6., 1/1.4.6/B12. Покровский 1987: 257-258, ркл., Арх. губ., к власти.
433.III.3.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IV.1.1/A16. Ефименко 1874. № 189, к начальству.
434.III.3.2/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XXVI.2.6/B6. Ефименко, 1878: 174-175, № 9, Арх. губ., оберег скота; 2/III.2.1/B13. Майков 1869. № 346, ркл., к властям; 1/II.1.1/B13. Ефименко, 1878: 153, № 5, Арх. губ., к начальству; 1/III.2.1/B6. Георгиевский 1926. 25, № 43, Прим. кр., от суда; 1/II.1.1/A6., 1/IV.1.1/B3., 1/VI.2.1/B3., 2/VI.3.1/B3. Майков 1869. № 289, Вятск. губ., на удачную охоту.
435.III.3.3/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/1.3.1/B12. Ефименко, 1878: 152, № 2, ркл., Арх. губ., к властям.
436.V.1.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IV.1.1/B6. Майков 1869. № 354, Tobол. губ., на добрые дела.
437.VII.1.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VII.2.1/B13. Логиновский, 1903: 126-127, Заб. обл., для гадания.
438.VII.2.1/B13. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VII.1.1/B13. Логиновский, 1903: 126-127, Заб. обл., для гадания.
439.II.1.1/B14. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/XXVII.1.3/B6. Майков 1869. № 370, Симб. губ., от змея, летающего к женщине.
440.VI.1.1/B14. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VI.9.6/A4. Раденкович 1982. № 207, Крагуевачка Ясеница, от чирья.
441.VI.4.1/B14. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/X.4.1/A5., 1/IX.1.1/B14. СбНУ. Т. 16-17. В. 2: 262-263, № 9, Чилоровцы, вернуть молоко.
442.IX.1.1/B14. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/X.4.1/A5., 1/VI.4.1/B14. СбНУ. Т. 16-17. В. 2: 262-263, № 9, Чилоровцы, вернуть молоко.
443.X.1.1/B14. +	<ul style="list-style-type: none"> 7/XXIX.1.2/B6. Майков 1869. № 290, Перм. губ., охотничий на медведя.
444.XI.1.1/B14. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.1/B9., 2/IV.1.1/B9. Ефименко, 1878: 204, № 36 в, ркл., Арх. губ., от бессилья.
445.XIV.1.1/B14. +	<ul style="list-style-type: none"> 4/II.1.5/B5. Азадовский. № 38, ркл., Амур. обл., от крови.
446.II.1.1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/XXVIII.1.1/B6. Толмачев, 1911-1912, 3: 140-141, Заб. обл., при бракосочетании.
447.III.1.2/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/IX.1.1/B6. Смядянская 1995: 365, № 4, [Яросл. губ.], ркл. XVIII в., «присушка».

448 III.1.4/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/III.1.1/A16. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 1, ркп., Вод. губ., на начальство.
449 VII. 1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIV.1.1a/B3., 1/I.1.4/B12., 1/VIII.1.2/B15. Ефименко. 1878: 141-142, № 10, ркп., Арх. губ., «присущка».
450 X.1.2/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/I.1.5/A6. Майков 1869. № 181, Вятск. губ., от змен.
451 XI.1.1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 5/II.1.1/A3. Ефименко 1874. № 166, Черномор. ркп., на ружье.
452 XII.1.1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XI.1.1/A1. Романов 1891: 105, № 268; С. 105-106, № 271 (Барташевич 1992, № 447), Мог. губ., от «шала».
453 XIII.1.1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIII.1.2/B15., 1/XIV.1.2/B15. Ефименко, 1878: 180, № 29, Арх. губ., на рыбу.
454 XIII.1.2/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIII.1.1/B15., 1/XIV.1.2/B15. Ефименко, 1878: 180, № 29, Арх. губ., на рыбу; 4/I.4.1/A12. Романов 1891: 163-164, № 24 (Барташевич 1992, № 538), Мог. губ., от «звиха».
455 XIV.1.1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/II.1.9/A3., 2/I.1.3/B2. Романов 1891: 168, № 44, Мог. губ., от «скуды»; 4/XII.1.1/A8. Романов 1891: 140-141, № 14 (Барташевич 1992, № 79), Мог. губ., от «притки»; 4/XXVI.2.5/B6., 3/IV.4.1/B12. Виноградов 1907-1909 Т. 1. № 70, ркп., Костр. губ., оберег скота.
456 XIV.1.2/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIII.1.1/B15., 1/XIII.1.2/B15. Ефименко, 1878: 180, № 29, Арх. губ., на рыбу.
457 XV.1.1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/VIII.1.1/B8. Барташевич 1992, № 814, Гом. обл., на «золотник».
458 XVII.2.2/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/V.1.1/B5. Романов 1891: 51, № 191 (Барташевич 1992, № 1331), ркп., Витеб. губ., солдатский от начальства.
459 XVII.2.3/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 1/XIII.1.3/B6., 1/I.1.1/B13. Майков 1869. № 343, к властям.
460 XVIII.1.1/B15. +	<ul style="list-style-type: none"> 2/XIII.2.1/B6., 1/XXIX.1.2/B6. Майков 1869. № 344 (Ефименко, 1878: 155-156, № 15), ркп., к властям.

ПРИЛОЖЕНИЕ II
СПИСОК СОВПАДЕНИЙ КОНТАМИНАЦИЙ

1. II.1.*/A3 + I.1.*/B2

II.1.1/A3 + I.1.6/B12 (2 вр.)

I/II.1.1/A3. Водница-царица обмывает берега и др. * Она обмывает (сmyвает) болезни. 14/I.1.6/B2. * Болезни бегут в леса. Там дуг, на дугу куст, под ним маменька. Она печет пироги; зовет в гости. (Романов 1891: 21-22, № 62 (Барташевич 1992 № 873), Витеб. губ., от «уроков».)

I/II.1.1/A3. Водница-царица обмывает берега и др. * Она обмывает (сmyвает) болезни. 14/I.1.6/B2. * Болезни бегут в леса. Там дуг, на дугу куст, под ним маменька. Она печет пироги; зовет в гости. (Шейн 1893. № 22, Витеб. губ., от «уроков».)

I/II.1.8/A3. Вода течет с востока и др. моет берега, пески, камня, коренья. * Она смывает с человека болезни. I/I.1.2/B2. На море остров, на острове хатка, в ней живет бабка, у нее кровати. Там болезни гулять. (Романов 1891: 168, № 43 (Барташевич 1992 № 687), Мог. губ., от «скуля».)

I/II.1.2/A3. Река [название] вымывает берега, пески и болезни с человека в реки, в море. 8/I.1.2/B2. На море болезням кровать. Там «Калина» пива наварила. (Романов 1891: 150 № 43 (Барташевич 1992 № 876), Мог. губ., от «урока».)

I/II.1.9/A3. Водница-царица катится с гор, омывает берега, коренья, камня. * Она вымывает с человека болезни. 2/I.1.3/B2. На море камень, на нем кровать. Там гулять болезни. I/XIV.1.1/B15. Господь «на духу» стоит. (Романов 1891: 168, № 44, Мог. губ., от «скуля».)

I/II.1.1/A3. Водница-царица обмывает берега и др. * Она обмывает (сmyвает) болезни. 3/I.1.12/B2. Заговаривающий заговаривает болезни. * Они идут на болота, там на перинах им гулянья. (Романов 1891: 14-15, № 36 (Барташевич 1992 № 878), Мог. губ., от «урока».)

I/II.1.7/A3. Водница-царица вытекает с моря и др., размывает пески, коренья и камень. * Она обмывает болезни с человека. 9/I.1.12/B2. Заговаривающий выговаривает болезни из тела на реки. Там лежит камень, на нем столы с кубками, кровати с подушками, там гулять болезням. (Романов 1891: 16, № 42 (Барташевич 1992 № 877), Мог. губ., от «уроков».)

2. I.5.*/A12 + II.1.*/B5

I.5.4/A12 + II.1.2/B5 (4 вр.)

I/1.5.4/A12. Едет дед стар, под ним конь карь. 5/II.1.2/B5. На море остров, на острове пеня, под ним девица, она шьет шелком раны. (Георгиевский 1926. № 18, Прим. кр., от крови.)

3/I.5.4/A12. Из-за моря, из-за острова едет старик на коне. I/II.1.2/B5. На море остров, на острове камень, на нем престол, на престоле девица. Она зашивает раны. (Логиновский. 1903: 33-34, № 4, Заб. обл., ркл., от крови.)

3/I.5.4/A12. Едет царь на коне. Конь «не прянет». I/II.1.2/B5. На море остров, на острове камень, на нем три девицы. Они зашивают рану. (Георгиевский 1926. № 9, Прим. кр., от крови.)

3/I.5.4/A12. Едет царь на коне. Конь «не прянет». 4/II.1.2/B5. На острове столб, на нем три девицы. Они зашивают раны. (Ефименко, 1878: 211, № 59, Арх. губ., от крови.)

I/1.5.5/A12. Господь едет на карем коне. 6/II.1.2/B5. На море остров, на острове дуб, под ним камень, на камне две девицы. Они зашивают раны. (Попов 1903. № 140, Саратов. губ., от крови.)

I/1.5.7/A12. На море царь, под ним конь карь. 13/II.1.2/B5. В поле под дубом стоит баба с клубком. Жилки сшиваются. (Романов 1891: 67, № 82 (Барташевич 1992 № 510), Мог. губ., от крови.)

XXVI.1./A5 + III.1./A15 (2 вр.)

1/XXVI.1./A5. [Заговаривающий разговаривает с месяцем]. Месяц был на том свете, видел мертвых, у них зубы не болят, 31/III.1./A15. Рыба в море, заяц в поле, медведь в лесу. Когда они сойдутся, будут пить и гулять, тогда будут зубы болеть. (*Барташевич 1992. № 607, Гом. обл., от зубной боли.*)

1/XXVI.1./A5. [Заговаривающий разговаривает с месяцем]. Месяц был на том свете, видел мертвых, у них зубы не болят 16/III.1./A15. Месяц на небе, камень в море, дуб в лесу. Когда эти три брата сойдутся, будут пить и гулять, тогда будут болеть зубы. (*Барташевич 1992. № 608, Гом. обл., от зубной боли.*)

2/XXVI.1./A5. Малый [месяц] спрашивает у мертвого: «Болят его зубы?» [Он отвечает]: «Не болят». 17/III.1./A15 Месяц на небе, дуб на земле, камень в воде – три царя. Им не пить, не гулять, вместе не сходятся. (*Барташевич 1992. № 609, Новос. обл., от зубной боли.*)

1/XXVI.1./A5. [Заговаривающий спрашивает у молодого месяца]: «Был у старого, спрашивал, болят ли у него зубы?» 30/III.1./A15. Заяц в поле, рыба в море, месяц на небе – братья. Когда они будут вместе гулять, тогда будут болеть зубы. (*Чубинский 1872: 124, № 2. Черн. губ., от боли зубов.*)

4. III.1./A3 + III.1./A6

III.1./A3 + III.1./A6 (3 вр.)

4/III.1./A3. Водница-царица смывает коренья. * Она смывает ружье. 1/III.1./A6. Арх. Михаил стреляет с небес громом и молнией, их никто не может остановить. (*Логиновский, 1903: 119, № 1, Заб. обл., на ружье.*)

4/III.1./A3. Водница-царица смывает коренья. * Она смывает ружье. 1/III.1./A6. Арх. Михаил стреляет с небес громом и молнией, их никто не может остановить. (*Романов 1891: 49, № 183, Мос. губ., на ружье.*)

4/III.1./A3. Водница-царица смывает коренья. * Она смывает ружье. 1/III.1./A6. Арх. Михаил стреляет с небес громом и молнией, их никто не может остановить. (*Романов 1891: 155, № 63 (Барташевич 1992. № 3), Мос. губ., охотничий.*)

3/III.1./A3. Водница-царица, река «Милявка» катится, смывает коренья, камня. * Она смывает ружье 1/V.10./A4. На море, лукоморье сидит ястреб без когтей, без крыльев, без носа. 3/III.1./A6. Арх. Михаил убивает вражью силу с небес на землю. 5/VIII.1./A7. Царь Давид содержал воду и землю. * Он содержит ружье. (*Романов 1891: 155, № 64 (Барташевич 1992. № 4), Мос. губ., охотничий.*)

5. III.1./A6 + XXIX.2./B6

III.1./A6 + XXIX.2./B6 (2 вр.)

2/III.1./A6. Заговаривающий заряжает ружье. Арх. Михаил, Илья Пророк бьют громом и молнией, палат дерево 1/XXIX.2./B6. Заговаривающий встает благословясь, выходит на море. Там остров, на острове камень, на нем церковь, в церкви на престоле Богородица. Заговаривающий обращается к ней. * Она прикрывает заговаривающего ризой от злых людей. (*Толмачев 1911-1912. 3. 144-145. Заб. обл., на ружье.*)

2/III.1./A6. Заговаривающий заряжает ружье. Арх. Михаил, Илья Пророк бьют громом и молнией, палат дерево 1/XXIX.2./B6. Заговаривающий встает благословясь, выходит на море. Там камень, на нем церковь, в церкви на престоле Богородица. Заговаривающий обращается к ней. * Она прикрывает заговаривающего от злых людей и др. (*Логиновский, 1903: 113-114, № 1, ркл., Заб. обл., на охоту.*)

1/XV.1./A2. Христос сотворил небо и землю, св. Илью, св. Георгия, св. «Кузьму-Демьяна». Св. Илья ездит на коне, очищает снег с гор и др. * Он очищает с человека, ловушек, свадебного поезда порчу. 1/III.1./A6. Св. Илья убивает Сатану из огненного оружия. * Он убивает колдунов и др.

1/ХII.2.3/В6. Св. Илья замыкает храмы. * Он замыкает человека от злых людей. 2/XXIX.2.2/В6. Заговаривающий встает благословясь, выходит в поле, обращается к Богородице. * Она закрывает заговаривающего и др. от колдунов своей рукой. [ризой]. 1/1.2.2/В13. Св. Илья украшает церкви. * Он украшает ловушки. (*Виноградов 1907-1909 Т. 1 № 52, ркл., Костр. губ., на охоту, свадебный обряд.*)

6. II.1.*/A3 + V.10.*/A4 + VIII.1.*/A7

II.1.2/A3 + V.10.3/A4 + VIII.1.2/A7 (2 вр.)

1/II.1.2/A3. Водица-царица, река [название], катится, смыкает корни, камня. * Она смыкает с человека болезни. 1/V.10.3/A4. На острове стоит дуб без сучков, без верхушки. На нем сидит ястреб без когтей, без крыльев. 5/VIII.1.2/A7. Царь Давид содержал воду, землю и души. * Он содержит болезнь. (*Романов 1891: 145-146, № 27 (Барташевич 1992 № 919), Мог. губ., от «ураза».*)

3/II.1.2/A3. Водица-царица, река «Милевка» катится, смыкает корни, камня. * Она смыкает ружье 1/V.10.3/A4. На море, лукоморье сидит ястреб без когтей, без крыльев, без носа. 5/VIII.1.2/A7. Царь Давид содержал воду и землю. * Он содержит ружье. 3/III.1.2/A6. Арх. Михаил убивает вражью силу с небес на землю. (*Романов 1891: 155, № 54 (Барташевич 1992 № 4), Мог. губ., на охоту.*)

7. XX.1.*/A5 + VI.1.*/A8

XX.1.1/A5 + VI.1.1/A8 (2 вр.)

2/XX.1.1/A5. Христа распинают, Саваоф заговаривает его, он не слышит боли. 1/VI.1.1/A8. Христос посылает с неба Кузьму и Демьяна заговаривать у заговаривающего боль. (*Покровский 1987: 259-260, ркл., Арх. губ., от «ураза».*)

1/XX.1.1/A5. Христос не слышит в себе боли. 2/XX.1.1/A5. Христа распинают, Бог Саваоф заговаривает его от оружия, ран и др. 2/VI.1.1/A8. Господь с небес посылает Кузьму и Демьяна учить заговаривающего заговаривать от болезней кровь и др. (*Ефименко, 1878: 214, № 77, ркл., Арх. губ., от «ураза».*)

8. XII.3.*/B1 + XIII.2.*/B12

XII.3.1/B1 + XIII.2.1/B12 (2 вр.)

1/XII.3.1/B1. Заговаривающий встает не благословясь, выходит в поле. Там три беса: «Сава», «Савула», «Колдун». Они служат царю Ироду. Заговаривающий обращается к ним. * Они идут по городам и селам, собирают со всех тоску, несут и вкладывают человеку. 1/XIII.2.1/B12. В поле дуб, из под него выходит Баба Яга и поджигает костры. (*Романов 1891: 151-152, № 48 (Барташевич 1992 № 1289), Мог. губ., приворотный.*)

1/XII.3.1/B1. Заговаривающий встает не благословясь, выходит в поле. Там три беса: «Сава», «Савула», «Колдун». Они служат царю Ироду. Заговаривающий обращается к ним. * Они идут по городам и селам, собирают со всех тоску, несут и вкладывают человеку. 1/XIII.2.1/B12. В поле дуб, под ним тридцать «отроковиц». Из-под дуба выходит Баба-Яга, сжигает дрова. Они разжигаются. (*Ефименко, 1878: 142-143, № 15, ркл., Арх. губ., «присушка».*)

9. VII.1.*/A15 + X.1.*/B6

VII.1.1/A15 + X.1.1/B6 (2 вр.)

1/VII.1.1/A15. Заговаривающий обращается к Богородице. * Она обсеивает хлебом человека. Хлеб скатывается с головы. 2/X.1.1/B6. Богородица берет ключи от Сына и замыкает болезнь. (*Добровольский 1891: 192-193, № 1, Смол. губ., от «ламоты».*)

2/VII.1.1/A15. Заговаривающий обращается к Богородице. * Она освящает хлеб обсеять человека. 1/X.1.1/B6. Богородица гуляет по салу, берет от Господа ключи и замыкает болезни. (*Добровольский 1891: 199, № 1, Смол. губ., от «притки».*)

IX.4.1/B3 + X.1.1/B3 (2 вр.)

1/IX.4.1/B3. * Мать-земля хватает человека, его жилы и суставы. 1/X.1.1/B3. Заговаривающий ударяет в землю, выскакивают три «джина». * Один идет в «индийские» земли, другой в «шинские» земли, третий к человеку. Где его найдет, там не дает спать и ходить. (Раденкович 1982. № 583, *любовный*.)

1/IX.4.1/B3. * Мать-земля хватает человека, его жилы и суставы. 1/X.1.1/B3. Заговаривающий ударяет в стену, выскакивают три «джина». * Один идет в «индийскую» землю, другой в «чиндйскую», третий к человеку. Где его найдет, там не дает спать и ходить. (Раденкович 1982. № 573, *любовный*.)

11. III.1.*/A12 + VI.1.*/B7

III.1.2/A12 + VI.1.1/B7 (2 вр.)

2/III.1.2/A12. Баба идет по речке, ведет быка на нитке. Нитка рвется. 1/VI.1.1/B7. Заговаривающий встает на камень. Кровь не течет. (Майков 1869. № 155, Перм. губ., от крови.)

4/III.1.2/A12. Девка идет, ведет быка на веревке. Веревка рвется. 1/VI.1.1/B7. Заговаривающий встает на камень. Кровь не течет. (Макаренко 1897: 390, № 20, Енис. губ., от крови)

12. III.1.*/A6 + VIII.1.*/A7

III.1.2/A6 + VIII.1.2/A7 (2 вр.)

3/III.1.2/A6. Арх. Михаил побивает вражью силу с небес на землю. * Он побивает вражью силу с человека. 1/III.1.2a/A6. * Св. «Ягорий Победоносец» и св. «Микола» побивают нечистую силу. 5/VIII.1.2/A7. Царь Давид содержал воду и землю. * Он содержит болезни. (Романов 1891: 137, № 2 (Бирташевич 1992. № 87), Мог. губ., от нечистой силы.)

3/III.1.2/A3. Водница-царица, река «Милявка» катится, смывает коренья, камня. * Она смывает ружье. 1/V.10.3/A4. На море, лукоморье сидит ястреб без когтей, без крыльев, без носа. 3/III.1.2/A6. Арх. Михаил убивает вражью силу с небес на землю. 5/VIII.1.2/A7. Царь Давид содержал воду и землю. * Он содержит ружье. (Романов 1891: 155, № 64 (Бирташевич 1992. № 4), Мог. губ., охотничий.)

13. II.2.*/A8 + XVII.1.*/A8

II.2.3/A8 + XVII.1.1/A8 (2 вр.)

1/II.2.3/A8. На море камень, на нем девица. Она не умеет читать, писать, только умеет змеям жала заговаривать. 2/XVII.1.1/B5. В «Великий день» до обеда Господь спускается с неба на коне. Конь гуляет по полю, подбегает к морю. (Бирташевич 1992. № 390, Гом. обл., от змеи.)

1/II.2.3/A8. На море лежит камень, на нем девица. Она не знает писем [не умеет писать], помогает вынимать яд. 1/XVII.1.1/B5. На «Великий день» Христос сходит с неба, едет по полю на коне, ишет яд, прикладывает траву, песком присыплет. (Романов 1891: 120-121, № 341, Мог. губ., от змеи.)

14. II.1.*/A3 + VII.2.*/A3

II.1.1/A3 + VII.2.1/A3 (2 вр.)

1/II.1.1/A3. Водница-царица обмывает берега и др. * Она обмывает (смывает) болезни. 1/VII.2.1/A3. Божья Мать ходит у реки, домает прутья, берет воду, умывает человека, смывает болезни (Добровольский 1891: 208-209, № 1, Смол. губ., от «приткки».)

3/II.1.1/A3. Вода-девица вымывает горы. * Она смывает с коровы болезни. 5/VII.2.1/A3. Богородица, Христос, Петр и Павел, св. Михаил идут дорогой, приходят к морю. Они берут в море воду, обмывают корову. (Бирташевич 1992. № 198, Гом. обл., от «урока» коровы.)

1/XXVII.1./A6. Заговаривающий бьет болезнь, гонит из тела. 1/XV.2.3/A8. Петух поет и рассветает. 1/XXI.1./B1. Через гору идет Христос, встречает Богородицу и спрашивает ее: «Чем занималась ночью?» Она говорит: «Не спрашивай, принеси с неба силу, отнести туда все раны и болезни». (Раденкович 1982. № 399, Далмация, от головной боли.)

3/XXVII.1./A6. [Заговаривающий] гонит болезнь через море, в Дунае толпит, в пещере закрывает. 1/XV.2.1/A8. Петухи поют на земле, звук летит на небе. (Раденкович 1982. № 276, Вост. Сербия, от нароста.)

3/VIII.2.1/A5. Собрались девять, несут колья, топоры, мотыги. Они изогрут болезнь, выгонят ее. 1/XXI.1.3/A6. Заговаривающий закликает болезнь святыми (св. Трифоном, св. Иованом, Крестителем и др.). Святой гонит болезнь из мозга в кости... 1/XXVII.1.2/A6. Заговаривающий болезнь уничтожает. Болезнь слюной разотрется. Заговаривающий изгонит ее из мозга в кости, из костей в мясо, ... в траву, в злой дом, ... в «пустое место». 1/XV.2.3/A8. Петух поет и рассветает. (Раденкович 1982. № 346, Далмация, от боли)

16. II.1./A3 + VIII.1./A7

3/II.1.9/A3. Река «Ирда Саламаниды» идет по горам, пескам и др., смывает болота, колоды. * Она смывает с человека болезни. 1/VII.6.2/A3. * Божья Мать умывает, пеленой утирает, унимает с человека болезни. 1/VIII.1.2/A7. Царь Давид, царь Константин, царь Соломон, мать их Елена «сократили» воду и землю, огни, ветры, горы. * Господь «сокрутил» человека от болезней 2/IX.3.3/A13. Богородица гуляет с Христом, ангелами по лугам и садам, ищет травы, собирает цветы. Она топит их и лечит больных. (Добровольский 1891: 175-176, № 6 (Барташевич 1992. № 980); Смол. губ., от «уроков».)

4/II.1.1/A3. Водица-царица обмывает корни, камня. 1/VIII.1.2/A7. Царь Давид, царь Константин, царица Елена «сократили» небо и землю. * Они «сокращают» дела от встречного. 1/XXXVI.1.2/B6. * Арх. Михаил, Божья Мать сохраняют и милуют. (Попов 1903. № 22, Смол. губ., от глаза.)

1/II.1.2/A3. Водица-царица, река [название], катится, смывает корни, камня. * Она смывает с человека болезни. 1/IV.10.3/A4. На острове стоит дуб без сучков, без верхушки. На нем сидит ястреб без когтей, без крыльев. 5/VIII.1.2/A7. Царь Давид содержал воду, землю и души. * Он содержит болезнь. (Романов 1891: 145-146, № 27 (Барташевич 1992. № 919); Маг. губ., от «урок».)

17. I.1./A1 + I.6./A1

13/I.1.1/A1. В поле груша, на ней сидит «аспидница». * Она посылает до своих гадов, чтобы они взяли свой яд. 1/I.6.3/A1. Св. Емельян идет по полю, его встречает Дева Мария, спрашивает: «Куда идешь?» Емельян отвечает: «В поле». Там стоит груша, на ней в гнезде гадина. Св. Емельян хочет приказать, чтобы она заказала кусать. 1/I.9.2/A1. На море камень, под ним зубы щучьи. * Они вон выхлзят. (Ефименко 1874. № 51, Черномор. ркп., от змеи.)

3/I.1.11/A1. Заговаривающий выходит на гору. Там луг, на нем дуб, под дубом «вуж». * «Вуж» встает, собирает свое стадо, ведет на море, там царь и царица. Змея, пустившая яд, пропадает. 1/I.6.3а/A1. Идет мостом Господь, встречает Божью Матерь, спрашивает: «Куда идешь?» Она отвечает: «К человеку, заговаривать от змеи, которая пустила свой яд». 10/II.10.1/B5. На поле три девицы. Одна шьет, другая вышивает, третья от змеи заговаривает. (Барташевич 1992. № 397. Гам. обл., от гадюки.)

1/VIII.1.2/A7. Царь Давид, царь Соломон «сократили» землю, воду и мир православный. * Они «сокращают» человека от колдунов и др. 1/I.1.1a/B2. Заговаривающий высылает болезни с человека. * Болезни выходят на море. Там стоит избушка, в ней две паны. Они принимают болезни, молодцов женят, девки отдают замуж. (Добровольский 1891: 200, № 1 (Барташевич 1992: № 36), Смол. губ., от порчи.)

5/VIII.1.2/A7. Царь Давид содержал воду и землю. * Он содержит болезни. 1/I.1.6/B2. На море остров, на острове паны. Они напитки варят, булки пекут, болезнь в гости зовут. (Романов 1891: 166, № 34, Моск. губ., от «скуды».)

3/VIII.1.2/A7. Бог «сократил» землю и воду. * Он «сократил» змею. 2/I.1.5/A1. На море камень, на нем яблоня, на яблоне в гнезде змея. * Она унимает своих чад. Если не сделает этого, заговаривающий попросит Бога и др., Бог найдет три тучи. (Романов 1891: 176-177, № 74 (Барташевич 1992: № 331), Моск. губ., от змеи.)

3/VIII.1.2/A7. Царь Давид содержал воду, землю и души. * Он содержит змей. 16/I.1.4/A1. На море остров, на острове река, черет нее лежит дуб, в дубе зменный царь. * Он унимает своих детей, вынимает жало. Если не сделает этого, Господь найдет грозу и др. (Романов 1891: 176, № 72 (Барташевич 1992: № 305), Моск. губ., от змеи.)

9/I.1.5/A1. На океане дуб, на нем змея. * Она унимает своих детей. Если не сделает этого, заговаривающий попросит арх. Михаила, он убьет ее громом и пожжет молнией. 1/XVII.1.3/B5. Господь едет по долам, дугам, по зменным норам. Они завиваются травой, засыпаются песком. (Майков 1869: 747-748, Моск. губ., от укуса змеи.)

32/I.1.2/A1. * Царь [змей] унимает «вужа», вынимает ярость со скотины. Если не сделает этого, заговаривающий пойдет, попросит Христа, он найдет три тучи. 1/XVII.1.4/B5. Христос идет по полю, лесу, бору, болоту, дугам и собирает всех змей, песком посыпает, росой поливает. (Барташевич 1992: № 373, Гом. обл., от «вужа».)

5/I.1.2/B2. * Болезни идут на дуб. Там на суку царица Мария и «Прасковья». Они ставят шатры и кровати. 1/I.1.11/B2. Заговаривающий ведет болезнь на море, там остров, на острове камень. * Болезнь там приживается, ест рыбу. (Добровольский 1891: 177-178, № 1 (Барташевич 1992: № 639), Смол. губ., от теменного зуба.)

9/I.1.3/B2. Болезнь идет в лес. Там кровать, там ей жить. 5/I.1.4/B2. На море гуляют молодцы, к себе болезнь желают, забирают ее у человека и принимают себе. (Романов 1891: 169-170, № 50 (Барташевич 1992: № 755), Моск. губ., от зрыжи.)

1/IX.2.2/A2. Господь идет с венником и лопатой. Он венником выметает, лопатой выкидывает с человека болезнь. 8/I.1.6/B2. * Болезнь выходит из человека, идет на болота. Там «Калина-малина» пиво варит, кубки наливает, в гости поджидает. 1/I.2.3/B11. Мать Божья идет, несет три розы. Первую ломает, вторую сушит, третья унимает болезнь. (Барташевич 1992: № 672, Гом. обл., от «скуды».)

10/1.1.6/В2. * Болезнь идет в лес, на гору. Там девки гуляют, застилают столы, ждут в гости болезнь. 3/1.2.2/В11. Господь идет по горе, несет три розы. Одна падает, другая вянет, третью ветром сдувает. (Барташевич 1992. № 712, Гом. обл., от «рждис».)

23. 1.4.*/A12 + IV.1.*/B8

6/1.4.4/A12. Св. Юрний и «Ягорий» едет на коне. Конь спотыкается, сустав на сустав заходит. 1/IV.1.1/B8. «Звихова» мать по полю ходит, сыновей будит, говорит им: «Помогайте». Первый кости складывает, второй суставы составляет, третий кровь содержит. (Романов 1891. 72-73, № 114 (Барташевич 1992. № 549), Мог. губ., от «звиха».)

5/1.4.3/A12. Из-за моря на коне едет Бог. Конь спотыкается, болезнь проходит. 2/IV.1.1/B8. «Звихова» мать по полю ходит, будит сына: «Встань, помоги духу» (Романов 1891. 163 № 22. Мог. губ., от «звиха».)

24. 1.5.*/A12 + II.2.*/B5

1/1.5.4/A12. Едет мужик стар, под ним конь карь. 6/II.2.1/B5. На море остров, на острове камень, на нем сидит девица, перепредает шелк на веретено. * Веретено переворачивается, нитка рвется, кровь унимается. (Попов 1903. № 139, Орл. губ., от крови.)

4/1.5.4/A12. К морю едет кузнец на карей лошади. 1/II.2.5a/B5. * Нитка рвется, кровь унимается. (Майков 1869. № 158, Калуж. губ., от крови.)

25. 1.5.*/A12 + II.6.*/B5

1/1.5.5/A12. Господь едет на карем коне. 1/II.6.2/B5. Богородица идет с ниткой и иголкой. * Она зашивает тело с мясом. (Овчинников 1908: 30-31, № 17, Иркут. губ., от крови.)

1/1.5.3/A12. Илья едет на коне, тянет ноги по земле, поднимает ноги, останавливает кровь. 3/II.6.2/B5. Идет Пречистая до Киева, вторая до Чернигова, третья до Нижена, иссет иголку, зашивает рану. (Чубинский 1872: 127, № 3, Черн. губ., от крови.)

26. II.1./B5 + XX.1.*/B15

3/II.1.4/B5. Заговаривающий встает благословясь, выходит на море. Там остров, на острове гробница, в ней девица. Она зашивает раны. 2/XX.1.1/B15. Ворон летает над девицей. * Он не каркает. (Виноградов 1907-1909 Т. I. № 121, Костр. губ., от крови.)

1/II.1.2/B5. На море остров, на острове камень, на нем девица. Она зашивает раны. 3/XX.1.1/B15. * Ворон летит, не каркает. (Попов 1903. № 138, Новгород. губ., от крови.)

27. IX.5.*/B6 + XXIX.1.*/B6

1/IX.5.1/B6. * Св. Егорий Храбрый берет трубу, садится на коня, едет на гору, смаивает трех «хортов» в ней волков, завязывает им зубы, глаза. 1/XXIX.1.4/B6. * Богородица спасает скотину, закрывает ризой глаза волков. 1/XXXVII.2.2/B6. * Господь посылает арх. Михаила [охранять скотину]. (Романов 1891: 46, № 169 (Барташевич 1992. № 152), Мог. губ., от волков.)

5/IX.5.1/B6. * «Юрний-Ягорий» выходит на «Сионскую» гору, трубит в трубу. Собираются «хорты». Заговаривающий заговаривает им зубы, заковывает тьном. 1/XXIX.1.1/B6. Господь покрывает лес листьями, луг травой, небо звездами. * Он покрывает скотину ризой. (Барташевич 1992. № 151, Гом. обл., от волков.)

3/VI.1./A2. Матерь Божья сдувает болезнь и духом своим ссылает на болота, к диким людям. 1/XXX.1.1/A6. Заговаривающий идет в гумно и мешает свиньям. * Болезнь не мешает человеку, выходит из тела. 16/I.1.6/B2. На болоте дикие люди. Они гуляют, столы застилают, болезнь ожидают. (Романов 1891: 95, № 229 (Барташевич 1992, № 740), *Мог. губ., от лишая.*)

1/VI.1.2/A2. Заговаривающий встает благословясь, идет в восточную сторону, там столб, на нем «Стар муж Св. Дух». Он снимает и сдувает болезни. 14/I.1.3/B2. * Порчи идут в леса, омуты (болота). Там им жить хорошо и спать тепло. (Виноградов 1907-1909 Т. 2, № 95, *Костр. губ., от «урокои».*)

11/VI.1.3/A4. * Куры берут болезни, подвязывают их под крылья, несут на море. 13/I.1.6/B2. На море бабка застилает столы, дожидается болезней. (Свиридова 1989, № 640, *Прим. кр. от детского крика.*)

5/X.2.1/A2. Приходит знахарка [заговаривающий], болезни отдавает, отмечает метлой, гонит в горы. 2/VI.1.6/A4. Болезнь натывается на колючки и кусты, ее ранят орлы и вороны. 1/X.5.12/A5. Заговаривающий пешком, болезнь на коне. Заговаривающий обгоняет и отсекает ей голову. 10/I.1.2/B2. Болезнь идет в горы, там ее родные. Болезнь там ужинает и спит. (Раденкович 1982, № 57, *от боли в животе.*)

5/X.2.1/A2. Приходит знахарка [заговаривающий], болезни отдавает, отмечает метлой, гонит в горы. 2/VI.1.6/A4. Болезнь натывается на колючки и кусты, ее ранят орлы и вороны. 1/X.5.12/A5. Заговаривающий пешком, болезнь на коне. Заговаривающий обгоняет и отсекает ей голову. 10/I.1.2/B2. Болезнь идет в горы, там ее родные. Болезнь там ужинает и спит. (Раденкович 1982, № 77, *от боли в животе.*)

10/VI.1.3/A4. Воробей берет болезнь под правое крыло и уносит на небо. Ветер разносит, болезнь падает в яму, в воду. 2/X.5.1/A5. Приходит знахарка. Она лечит, считает, ножом режет, колет, жжет, кидает под дорогу в ежевику. 6/XXXVI.1.1/A6. * Болезнь какой дорогой приходит, так и уходит. (Раденкович 1982, № 343, Попов 1903а, *от боли.*)

1/VI.2./A1. На горе хатка, в ней дед. Он зуб заговаривает, болезнь выбивает из человека. 1/I.1.2/A8. * Заря помогает заговаривающему заговаривать болезнь. (Романов 1891: 104, № 266 (Барташевич 1992, № 435), *Мог. губ., от шишки.*)

1/VI.2.3/A1. На горе стоит лес, в нем ходит дед, он ломит лес и заговаривает болезнь. 7/I.1.1/A8. Болезнь была до тех пор, пока не знал заговаривающий. Заговаривающий выговаривает болезнь из тела. (Романов 1891: 9-10, № 24 (Барташевич 1992, № 1198), *Мог. губ., от «родимца».*)

1/X.2.7/A6. Богородица встречает болезнь, спрашивает: «Куда идешь?» Она отвечает: «В горы». Богородица отправляет ее в лес. 6/I.1.4/B2. Болезнь идет в лес. Там семьдесят невест, девушки, женихи песни поют, апостолы ей служат. (СБНУ. Т. 11, 87, № 3, *Велеско, от кровопотек.*)

2/Х.2.7/А6. [Богородица встречает болезнь], спрашивает: «Куда идешь?» Она отвечает: «В горы, в «пустое место». 4/1.1.9/В2. В «пустом месте» стол с едой, апостолы, прислуживают болезни. (СБНУ. Т. 11: 86-87. № 1, Велеско, от «червенца».)

33. Х.3.*/В3 + XIV.1.*/В6

1/Х.3.1/В3. На реке, океане, на острове лежит тоска, бьется и убивается с доски в воду, в огонь. Из огня выбегает Сатана, кричит: «Павушка-Раманя», беги скорей [к человеку]». Заговаривающий заговаривает человека, чтоб он тосковал. 5/ХIV.1.2/В6. Заговаривающий замыкает заговоры, бросает ключи в море. Кто их вытащит, тот снимет тоску. (Барташевич 1992. № 1281, Гродз. обл., на тоску.)

1/Х.3.2/В3. На море, с реки в воду, в огонь бежит Сатана, кричит: «Беги [тоска] в тело человека, чтобы он тосковал». 5/ХIV.1.2/В6. Заговаривающий замыкает заговоры, бросает ключи в море. Кто их вытащит, тот снимет тоску. (Барташевич 1992. № 1305, Мин. обл., «присушка».)

34. XX.1.*/А5 + XXVI.7.*/А5

1/XX.1.1/А5. Христа распинают, он не знает боли. 1/XXVI.7.2/А5. В «Ерусалиме» лежат мощи, не знают болезней. 5/II.1.5/В5. Заговаривающий встает благословясь, выходит на море. Там остров, на острове камень, на нем церковь, в ней на престоле Богородица с сестрицами прыдет кудельку. Заговаривающий обращается к Богородице. * Она зашивает рану. (Майков 1869. № 150, Перм. губ., от крови.)

1/ХVII.2.1/А5. В поле лежит камень, окаменел. 2/XX.1.2/А5. Заговаривающий встает благословясь, выходит, одевается солнцем и др. Христа распинали, он не знал боли. 2/XXVI.7.1/А5. В поле лежит кость, окаменела. (Ефименко, 1878: 222, № 110, Арх. губ., на кулачный бой.)

ПРИЛОЖЕНИЕ III
СПИСОК СЮЖЕТОВ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

- I.1.3/A1 – Забайкалье (Русский Север, Белоруссия, Южная Россия).
 I.1.4/A1 – Сибирь, Дальний Восток (Русский Север, Южная Россия, Белоруссия, Украина, западные славяне).
 I.1.5/A1 – Сибирь, Дальний Восток (Центральная Россия, Белоруссия, Украина).
 I.1.8/A1 – Дальний Восток.
 I.5.1/A1 – Забайкалье.
 I.6.1a/A1 – Сибирь.
 I.7.1/A1 – Забайкалье (Белоруссия).
 I.7.2/A1 – Забайкалье (*).
 I.7.3/A1 – Дальний Восток.
 I.7.5/A1 – Забайкалье.
 IV.1.2/A1 – Сибирь.
 VIII.1.1/A1 – Сибирь, Дальний Восток (Белоруссия, Украина).
 VIII.1.2/A1 – Сибирь.
 VIII.1.3/A1 – Сибирь (Русский Север).
 VIII.1.4/A1 – Сибирь, Дальний Восток (Белоруссия).
 VIII.1.5/A1 – Сибирь, Забайкалье (*).
 VIII.1.6/A1 – Забайкалье (*).
 IX.3.1/A1 – Сибирь (Белоруссия).
 IX.3.2/A1 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север, Центральная Россия).
 XIII.1.1/A1 – Сибирь.
 XVIII.1.1/A1 – Забайкалье.
 XVIII.1.2/A1 – Забайкалье.
 II.1.1/A2 – Забайкалье.
 VI.1.1/A2 – Дальний Восток (Белоруссия, западные славяне).
 XI.4.1/A2 – Забайкалье (Русский Север).
 II.1.1/A3 – Забайкалье, Дальний Восток (Белоруссия, Украина, западные славяне).
 II.1.2/A3 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север, Белоруссия).
 II.1.3/A3 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север).
 II.1.6/A3 – Сибирь (Белоруссия).
 II.2.1/A3 – Дальний Восток.
 II.2.2/A3 – Сибирь.
 II.3.1/A3 – Дальний Восток (Белоруссия).
 II.4.1/A3 – Сибирь.
 III.1.1/A3 – Забайкалье (Центральная Россия, Белоруссия).
 VII.6.4/A3 – Сибирь.
 VIII.1.5/A3 – Сибирь (Русский Север).
 VIII.1.8/A3 – Забайкалье.
 VIII.1.10/A3 – Сибирь.
 I.1.1/A4 – Сибирь (*).
 III.2.1/A4 – Сибирь, Забайкалье (*).
 III.2.2/A4 – Забайкалье.
 VI.1.2/A4 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия).
 VI.1.3/A4 – Забайкалье, Дальний Восток (Белоруссия, южные славяне).
 VI.3.1/A4 – Забайкалье.
 VI.5.2/A4 – Сибирь.
 VIII.1.2/A4 – Сибирь.
 VII.2.1/A4 – Дальний Восток.
 IX.1.1/A4 – Сибирь, Дальний Восток (Белоруссия, Украина).
 IX.1.2/A4 – Дальний Восток.
 XII.3.2/A4 – Сибирь, Забайкалье (Белоруссия).
 XII.3.3/A4 – Забайкалье (южные славяне).
 XII.3.5/A4 – Забайкалье.
 XII.4.1/A4 – Дальний Восток (Белоруссия, южные славяне).
 XVIII.2.2/A4 – Сибирь.
 XVIII.3.1/A4 – Забайкалье.
 XX.1.1/A4 – Сибирь, Дальний Восток (Урал).
 XX.1.2/A4 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север).
 XX.1.3/A4 – Забайкалье.
 XXI.1.1/A4 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Белоруссия).
 XXI.1.2/A4 – Дальний Восток (Украина).
 XXIII.1.2/A4 – Сибирь (Русский Север).
 V.2.4/A5 – Сибирь.
 V.3.2/A5 – Дальний Восток (Белоруссия, западные славяне).
 V.3.7/A5 – Забайкалье, Дальний Восток (*).
 VII.1.1/A5 – Забайкалье.

* После номера версии сюжета указывается регион, где он зафиксирован. Если версия сюжета встречается за пределами Сибири и Дальнего Востока (на Русском Севере, Украине, в Центральной или Южной России, Белоруссии или у южных славян), то это указывается в скобках. Если версия сюжета зафиксирована в Сибири и на Дальнем Востоке более чем один раз, то это отмечается звездочкой (*).

- VII.1.2/A5 – Сибирь (Русский Север, Центральная Россия).
- VII.1.3/A5 – Сибирь.
- IX.5.2/A5 – Дальний Восток.
- XI.1.1/A5 – Сибирь (Белоруссия, Украина)
- XV.1.2/A5 – Сибирь (Белоруссия).
- XVIII.2.1/A5 – Дальний Восток.
- XX.1.1a/A5 – Сибирь.
- XX.2.1/A5 – Сибирь (Русский Север, Белоруссия, западные славяне).
- XX.2.2/A5 – Сибирь.
- XXII.1.1/A5 – Забайкалье (Русский Север)
- XXIII.1.1/A5 – Забайкалье.
- XXIII.2.1/A5 – Забайкалье (*).
- XXIV.1.2/A5 – Забайкалье.
- XXV.2.1/A5 – Дальний Восток.
- XXV.2.2/A5 – Забайкалье.
- XXVI.1.1/A5 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Южная Россия, Белоруссия, Украина, западные славяне).
- XXVI.1.2/A5 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север).
- XXVI.1.3a/A5 – Дальний Восток.
- XXVI.1.4a/A5 – Сибирь (Украина).
- XXVI.1.5/A5 – Сибирь (Белоруссия).
- XXVI.3.1/A5 – Забайкалье (Центральная Россия, Южная Россия, Украина).
- XXVI.5.1/A5 – Забайкалье.
- XXVI.6.1/A5 – Забайкалье (Русский Север, Южная Россия, Белоруссия).
- XXVI.6.2/A5 – Сибирь (Русский Север).
- XXVII.1.1/A5 – Забайкалье.
- XXVII.1.2/A5 – Забайкалье, Сибирь (*).
- XXVII.1.3/A5 – Забайкалье.
- XXXI.1.1/A5 – Забайкалье.
- I.1.1/A6 – Дальний Восток.
- I.1.2/A6 – Дальний Восток (Русский Север).
- I.2.2/A6 – Забайкалье (Урал).
- I.3.1/A6 – Сибирь (Русский Север).
- I.3.2/A6 – Сибирь (Русский Север, Урал).
- I.4.3/A6 – Сибирь.
- I.5.1/A6 – Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия).
- I.6.1/A6 – Сибирь (Русский Север, Центральная Россия).
- I.7.1/A6 – Забайкалье.
- II.2.1/A6 – Забайкалье.
- III.1/A6 – Забайкалье.
- III.1.1/A6 – Забайкалье (Белоруссия).
- III.1.2/A6 – Сибирь (Белоруссия).
- III.1.3/A6 – Забайкалье.
- VI.1.1/A6 – Сибирь.
- VI.1.2/A6 – Сибирь.
- VII.1.1/A6 – Забайкалье.
- VII.2.1/A6 – Дальний Восток.
- VII.2.2/A6 – Сибирь.
- IX.1.1/A6 – Забайкалье (Белоруссия).
- IX.1.2/A6 – Забайкалье (Центральная Россия).
- IX.2.2/A6 – Забайкалье.
- IX.3.1/A6 – Забайкалье (Белоруссия).
- IX.3.3/A6 – Забайкалье, Дальний Восток (*).
- XI.1.1/A6 – Сибирь.
- XIV.1.1/A6 – Сибирь (Центральная Россия)
- XIV.1.2/A6 – Забайкалье.
- XIV.1.3/A6 – Забайкалье.
- XIV.3.3/A6 – Забайкалье (Центральная Россия, Белоруссия).
- XV.2.1/A6 – Сибирь, Забайкалье (Центральная Россия, южные славяне).
- XVI.1.1/A6 – Сибирь (Белоруссия).
- XVI.3.1/A6 – Забайкалье.
- XXI.1.2/A6 – Сибирь (Русский Север, южные славяне).
- XXI.1.6/A6 – Сибирь.
- XXI.1.8/A6 – Сибирь.
- XXI.2.1/A6 – Забайкалье (Украина).
- XXVII.1.3/A6 – Забайкалье.
- XXXVI.1.1/A6 – Забайкалье.
- XXXVIII.1.2/A6 – Сибирь (Белоруссия, южные славяне, западные славяне).
- XXXVI.1.1/A6 – Сибирь.
- VIII.2.3/A7 – Забайкалье.
- VIII.5.1/A7 – Сибирь.
- X.1.1/A7 – Забайкалье.
- II.5.1/A8 – Дальний Восток.
- IV.1.1/A8 – Дальний Восток.
- II.5.1/A8 – Дальний Восток.
- IV.2.5/A8 – Сибирь.
- IX.2.1/A8 – Забайкалье.
- X.1.1/A8 – Дальний Восток.
- XIII.1.1/A8 – Забайкалье.
- I.1.1/A9 – Сибирь, Забайкалье (Южная Россия, Белоруссия, Украина, южные славяне, западные славяне).
- I.2.1/A9 – Забайкалье (Белоруссия, южные славяне, западные славяне).
- I.2.2/A9 – Забайкалье.
- I.6.1/A9 – Сибирь.
- V.4.3/A10 – Забайкалье.
- I.3.3/A12 – Дальний Восток (Белоруссия).
- I.4.1/A12 – Дальний Восток (Белоруссия).
- I.4.4/A12 – Дальний Восток (Белоруссия).
- I.5.1/A12 – Забайкалье (Южная Россия, Белоруссия).
- I.5.4/A12 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север, Центральная Россия, Южная Россия).
- I.5.5/A12 – Сибирь, (Южная Россия).
- I.6.4/A12 – Сибирь.
- III.1.1/A12 – Сибирь, Забайкалье (*).
- III.1.2/A12 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия).
- III.1.5/A12 – Дальний Восток.
- III.2.1/A12 – Сибирь.
- III.2.2/A12 – Забайкалье, Дальний Восток (*).
- IV.2.1/A12 – Дальний Восток.
- VII.1.2/A12 – Сибирь (Южная Россия).
- VII.2.3/A12 – Забайкалье.
- IX.1.1/A12 – Забайкалье (*).
- X.1.1/A12 – Сибирь.

- XII.1.1/A12 – Дальний Восток.
 IX.2.1/A13 – Забайкалье (Белоруссия, Украина, южные славяне).
 IX.2.4/A13 – Забайкалье (Белоруссия).
 IX.3.2/A13 – Забайкалье (Белоруссия).
 IX.1.1/A13 – Дальний Восток.
 IX.4.1/A12 – Сибирь (Белоруссия).
 I.1.1/A14 – Забайкалье (Русский Север).
 III.1.2/A14 – Сибирь.
 VII.1.1/A14 – Сибирь (южные славяне).
 XII.1.1/A14 – Сибирь (Южная Россия).
 I.2.2/A15 – Сибирь (Русский Север).
 II.1.1/A15 – Забайкалье (Русский Север).
 III.1.1/A15 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Центральная Россия, Южная Россия, Беларусь, Украина, южные славяне, западные славяне).
 III.2.2/A15 – Дальний Восток.
 V.1.1/A15 – Сибирь.
 VI.1.1/A15 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия, Беларусь).
 I.1.1/A16 – Забайкалье.
 II.1.1/B1 – Сибирь (Русский Север, Беларусь, западные славяне).
 II.1.2/B1 – Забайкалье (Русский Север).
 II.2.1/B1 – Сибирь (Русский Север).
 VI.4.1/B1 – Забайкалье (Центральная Россия).
 IX.2.1/B1 – Забайкалье.
 X.2.2/B1 – Сибирь (Центральная Россия).
 X.2.3/B1 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток.
 X.2.4/B1 – Дальний Восток.
 XI.1.1/B1 – Сибирь.
 XI.1.2/B1 – Дальний Восток.
 XII.1.1/B1 – Сибирь.
 XII.1.2/B1 – Сибирь.
 XIII.2.1/B1 – Сибирь.
 XV.1.1/B1 – Сибирь.
 XVII.7.1/B1 – Забайкалье.
 I.1.2/B2 – Забайкалье (Белоруссия, южные славяне, западные славяне).
 I.1.6/B2 – Дальний Восток (Белоруссия, южные славяне, западные славяне).
 I.1.12/B2 – Дальний Восток (Русский Север, Беларусь).
 I.1.1/B3 – Забайкалье (Белоруссия).
 II.1.1/B3 – Забайкалье.
 VI.1.2/B3 – Забайкалье (Центральная Россия).
 VI.2.2/B3 – Забайкалье (Центральная Россия).
 VI.3.2/B3 – Сибирь.
 VI.4.1/B3 – Забайкалье.
 VI.4.2/B3 – Сибирь.
 VI.4.3/B3 – Забайкалье.
 VIII.1.2/B3 – Забайкалье.
 XIV.1.1/B3 – Сибирь (Русский Север).
 XIV.1.2/B3 – Сибирь (Русский Север, Центральная Россия, Беларусь).
 XIV.1.3/B3 – Дальний Восток.
 V.1.1/B4 – Дальний Восток.
 X.2.1/B4 – Сибирь.
 XIV.1.1/B4 – Сибирь (Центральная Россия, Южная Россия).
 XIV.1.2/B4 – Забайкалье, Дальний Восток (*).
 II.1.2/B5 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север, Центральная Россия, Беларусь).
 II.1.3/B5 – Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север, Беларусь).
 II.1.4/B5 – Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север, Центральная Россия, Беларусь).
 II.1.5/B5 – Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток (Русский Север, Урал, Беларусь).
 II.2.1/B5 – Забайкалье, Дальний Восток (Южная Россия, Беларусь).
 II.2.1a/B5 – Сибирь.
 II.2.3/B5 – Сибирь (Южная Россия).
 II.3.2/B5 – Сибирь.
 II.5.2/B5 – Забайкалье.
 II.5.3/B5 – Сибирь.
 II.6.1/B5 – Сибирь (Русский Север).
 II.6.2/B5 – Сибирь (Белоруссия, Украина).
 II.10.5/B5 – Забайкалье.
 II.11.1/B5 – Забайкалье (Белоруссия, Украина).
 VIII.2.1/B5 – Сибирь (Русский Север, Южная Россия, Беларусь).
 XV.1.1/B5 – Забайкалье.
 XV.2.1/B5 – Забайкалье.
 XVII.1.2/B5 – Дальний Восток (Белоруссия, западные славяне).
 XIX.1.1/B5 – Сибирь (Белоруссия).
 XX.1.1/B5 – Сибирь (Русский Север).
 I.1.1/B6 – Забайкалье.
 III.2.1/B6 – Дальний Восток.
 IV.1.1/B6 – Сибирь.
 V.1.1/B6 – Забайкалье.
 VI.1.1/B6 – Сибирь.
 IX.3.1/B6 – Дальний Восток (Белоруссия).
 IX.3.3/B6 – Сибирь.
 IX.5.1/B6 – Забайкалье (Белоруссия, Украина).
 IX.7.1/B6 – Забайкалье (Центральная Россия, Беларусь).
 IX.7.2/B6 – Сибирь.
 XI.1.1/B6 – Сибирь (Русский Север, Украина).
 XIII.1.1/B6 – Сибирь, Забайкалье (Белоруссия).
 XIII.1.5/B6 – Забайкалье (Русский Север).
 XIII.1.6/B6 – Забайкалье (Южная Россия).
 XIV.1.1/B6 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия, Урал).
 XIV.1.6/B6 – Забайкалье.
 XIX.1.1/B6 – Забайкалье.
 XIX.1.2/B6 – Забайкалье.
 XXV.1.1/B6 – Забайкалье.
 XXVII.1.3/B6 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия, Южная Россия, Беларусь, западные славяне).
 XXVII.1.4/B6 – Сибирь (*).
 XXVII.2.1/B6 – Сибирь, Забайкалье (*).
 XXIX.1.2/B6 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия, Южная Россия, Урал, Беларусь).

- XXIX.2.2/V6 – Сибирь, Забайкалье (Центральная Россия, Белоруссия).
 XXIX.2.3/V6 – Забайкалье.
 XXXVI.2.1/V6 – Сибирь (Русский Север, Центральная Россия, Урал).
 XXXVI.2.2/V6 – Забайкалье.
 XXXVII.1.1/V6 – Забайкалье.
 XXXVII.2.3/V6 – Сибирь.
 XXXVII.3.1/V6 – Сибирь, Забайкалье (*).
 XXXVIII.1.1a/V6 – Сибирь (Южная Россия).
 III.5.1/V7 – Забайкалье (*).
 VI.1.1/V7 – Сибирь (Центральная Россия, Урал).
 IV.1.2/V9 – Забайкалье.
 IV.2.1/V9 – Забайкалье (Русский Север).
 I.1.1/V11 – Дальний Восток (Белоруссия, Украина, западные славяне).
 III.1.1/V11 – Сибирь.
 VII.1.1/V11 – Дальний Восток.
 I.1.2/V12 – Забайкалье (Белоруссия).
 II.1.1/V12 – Дальний Восток.
 IV.1.1/V12 – Забайкалье (Русский Север).
 IV.1.2/V12 – Сибирь.
 IV.1.4/V12 – Сибирь, Забайкалье (Белоруссия).
 IV.2.2/V12 – Забайкалье.
 IV.4.1/V12 – Сибирь (Центральная Россия, Украина).
 IV.4.2/V12 – Сибирь, Дальний Восток (*).
 IV.7.3/V12 – Забайкалье.
- VI.1.1/V12 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север).
 VI.1.3/V12 – Сибирь.
 X.2.1/V12 – Дальний Восток.
 X.2.2/V12 – Сибирь, Забайкалье (Русский Север, Центральная Россия, Белоруссия).
 XV.2.1/V12 – Забайкалье (южные славяне).
 XVIII.2.1/V12 – Забайкалье (Украина).
 XVIII.2.2/V12 – Сибирь.
 XVIII.2.3/V12 – Забайкалье.
 XVIII.2.4/V12 – Забайкалье.
 XVIII.2.5/V12 – Забайкалье.
 XVIII.2.6/V12 – Забайкалье.
 XXII.1.1/V12 – Забайкалье (Центральная Россия).
 III.3.2/V13 – Дальний Восток (Русский Север, Центральная Россия).
 V.1.1/V13 – Сибирь.
 VII.1.1/V13 – Забайкалье.
 VII.2.1/V13 – Забайкалье.
 XIII.1.1/V13 – Забайкалье.
 XIV.1.1/V14 – Дальний Восток.
 II.1.1/V15 – Забайкалье.
 XVII.1.2/V15 – Забайкалье (Южная Россия, Белоруссия).
 XIX.1.1/V15 – Забайкалье.

Summary

The book "A Comparative Study of Slavic Incantation Plots" is the continuation of the book "An Index of Plot and Plot Situations in the Incantations of the East and South Slavs" which was published in 1997 (*V.L.Kliaus. Ukazatel' siuzhetov i siuzhetnykh situatsii zagovornykh tekstov vostochnykh i iuzhnykh Slavian* [Rossiiskaia Akademiia Nauk, Institut Mirovoi Literatry im. A.M.Gorkogo, Moscow: Nasledie, 1997. 464 pp.]). This book attempted to systematically describe the motivations, inner logic, and trends within this select corpus of incantations. The proposed book "A Comparative Study of Slavic Incantations Plots" will supplement and enrich the "Index", offering a comparative analysis of plot situations and illuminating such things as: plot coincidences and parallels; regional peculiarities; plot "contaminations"; and the frequency of characters, objects, and place settings within the context of a broader set of attributes. "A Comparative Study" also expands upon the "Index" in that West-Slavonic incantatory plots (Polish and Czech) are taken into consideration.

This book is the first attempt to make up list of plot similarities that includes all Slavic traditions. The material included dates back to the earliest period of the Slavs' history, and takes account of a large number of, generally known Slavonic plots of Incantations. Some of these appeared rather late, and were influenced by Christian sources. Many plots also reveal local and regional traits, and their the analysis here will take account of scholarship on South Slavic and Russian Siberian incantations.

The problem of plot contamination studied in the second chapter shows that this process is as characteristic for incantations as it is for other genres. Such an integrated analysis of characters, objects, places and other attributes allows us to present a broader picture of the world of incantations as a whole, a world which greatly resembles that of folk tales in general. In sum, the comparative analysis of Slavic plot incantations allows us to examine a range of basic problems.

The book's supplement contains catalogues of plot contaminations, coincident contaminations, and a list of plots of east Slavonic incantations which have been recorded in Siberia and the Far East.

Научное издание

Владимир Леонидович Кляус

Сюжетика заговорных текстов
славян в сравнительном изучении.
К постановке проблемы

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А.М.Горького РАН

Технический редактор
М.Ю.Щапova

Формат 60x84 1/16
Гарнитура таймс
Бумага офсетная
Способ печати – оперативный
Усл. печ. л. 13,1. Тираж 300 экз.

ИМЛИ РАН, «Наследие»
ИД № 01286 от 22 марта 2000 г.
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а

Отпечатано с готового оригинал-макета
в полиграфическом предприятии «Махаон»
Лицензия № 81-34 выдана 18 августа 1999 г.
Регистрационный № 12203
Чита, Ангарская 33

Стр. 7 читать

Можно предельно упростить примеры, но, пожалуй, и их достаточно, для иллюстрации того, что *повествовательность* в принципе свойственна разговорно-заклинательным текстам. Несмотря на то, что в разговорно-заклинательном тексте ее может и не быть, она существует, как бы разлита в представлениях и верованиях, обуславливающих возникновение и бытование разговорно-заклинательных актов. Такую повествовательность мы называем *текстуально-обрядовой*.

Стр. 18 читать

Указывая же на его энциклопедичность, он, в частности, отмечает: «Особо ... (далее по тексту)»

Стр. 15 читать

СТ А5. «Уничтожение с помощью режущего инструмента, отсутствие боли при использовании режущего инструмента» – 76 сюжетов в XXXI подгруппе. (РЕЖУТ. ОТРЕЗАЮТ. РАЗРЕЗАЮТ. СЕКУТ. ОТСЕКАЮТ. ВЫСЕКАЮТ. ЗАКАЛЫВАЮТ. РУБЯТ. ... (далее по тексту))

СТ А6. «Уничтожение стрельбой (из лука и др.), закалыванием, избиванием, изгнанием» – 101 сюжет в XXXVII подгруппах. (ОТСТРЕЛИВАЮТ. СТРЕЛЯЮТ. ВЫБИВАЮТ. БЬЮТ. ВЫГОНЯЮТ. ГОНЯТ. ВЫКОЛАЧИВАЮТ. КОЛЮТ. БОДАЮТ. ... (далее по тексту))

Стр. 35 читать

Семантика «основного действия»: «уничтожение с помощью режущего инструмента» (Режут. Отрезают. Разрезают. Сечат. Отсекают. Высекают. Закалывают. Рубят. ... (далее по тексту))

Стр. 38 читать

Семантика «основного действия»: «уничтожение стрельбой (из лука и др.), закалыванием, избиванием, изгнанием» (Отстреливают. Стреляют. Выбивают. Бьют. Выгоняют. Гонят. Выколачивают. Колот. Бодают. ... (далее по тексту))

Стр. 54 читать

Сюжеты СТ В2 противопоставлены сюжетам СТ А6.

Стр. 57 читать

Сюжеты СТ В4 противопоставлены сюжетам СТ А4, А5, А6, А9 и, отчасти, СТ А1 и СТ А3.

Стр. 118 читать

5. 1.1.2/А8. Заря помогает заговаривающему заговаривать болезнь.

Стр. 127 читать

10. 1. 3с – Колберг, 21; 170-171) Радомске, от боли глаз